

KYPC

N *by* E

Annotation

За последние годы вы, читатель, имели возможность познакомиться с творчеством Кента-художника. Вы, наверное, видели замечательное собрание его живописных полотен, рисунков и гравюр, преподнесенное им в дар советскому народу. Но знакомы ли вы с литературным творчеством Рокуэлла Кента-прозаика? Книга «Курс N by E» (в русском произношении «Курс норд бай ист») — первая из его книг, изданных на русском языке. В ней рассказывается о приключениях, пережитых автором и его двумя спутниками летом 1929 года во время плавания на парусном боте из Нью-Йорка в Гренландию, о кораблекрушении, которое бот потерпел у берегов Гренландии, о нравах и обычаях эскимосов, о захватывающей красоте северной природы.

Написана книга с мягким юмором, увлекательно. Иллюстрирована она гравюрами и рисунками автора. «Курс N by E» неоднократно издавался в США, Англии и других странах.

-
- [Рокуэлл Кент](#)
 -
 -
 - [Предисловие автора](#)
 - [Рокуэлл Кент](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 -
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)

- [IV](#)
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
-
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)
-
- [XXII](#)
- [XXIII](#)
- [XXIV](#)
- [XXV](#)
- [XXVI](#)
- [XXVII](#)
-
- [XXVIII](#)
- [XXIX](#)
- [XXX](#)
- [XXXI](#)
- [XXXII](#)
- [XXXIII](#)
- [XXXIV](#)
- [XXXV](#)
- [XXXVI](#)
-

- [XXXVII](#)
- [XXXVIII](#)
- [XXXIX](#)
- [XL](#)
- [XLI](#)
- [XLII](#)
- [XLIII](#)
- [XLIV](#)
- [XLV](#)
- [XLVI](#)
- [XLVII](#)
- [XLVIII](#)
- [XLIX](#)
- [L](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
- [ЧАСТЬ III](#)

-
- [I](#)
- [II](#)
- [III](#)
- [IV](#)
-
- [V](#)
- [VI](#)
- [VII](#)
- [VIII](#)
- [IX](#)
- [X](#)
- [XI](#)
-
- [XII](#)
- [XIII](#)
- [XIV](#)
- [XV](#)
- [XVI](#)
- [XVII](#)
- [XVIII](#)
- [XIX](#)
- [XX](#)
- [XXI](#)

- [Словарь морских терминов,](#)

- [notes](#)

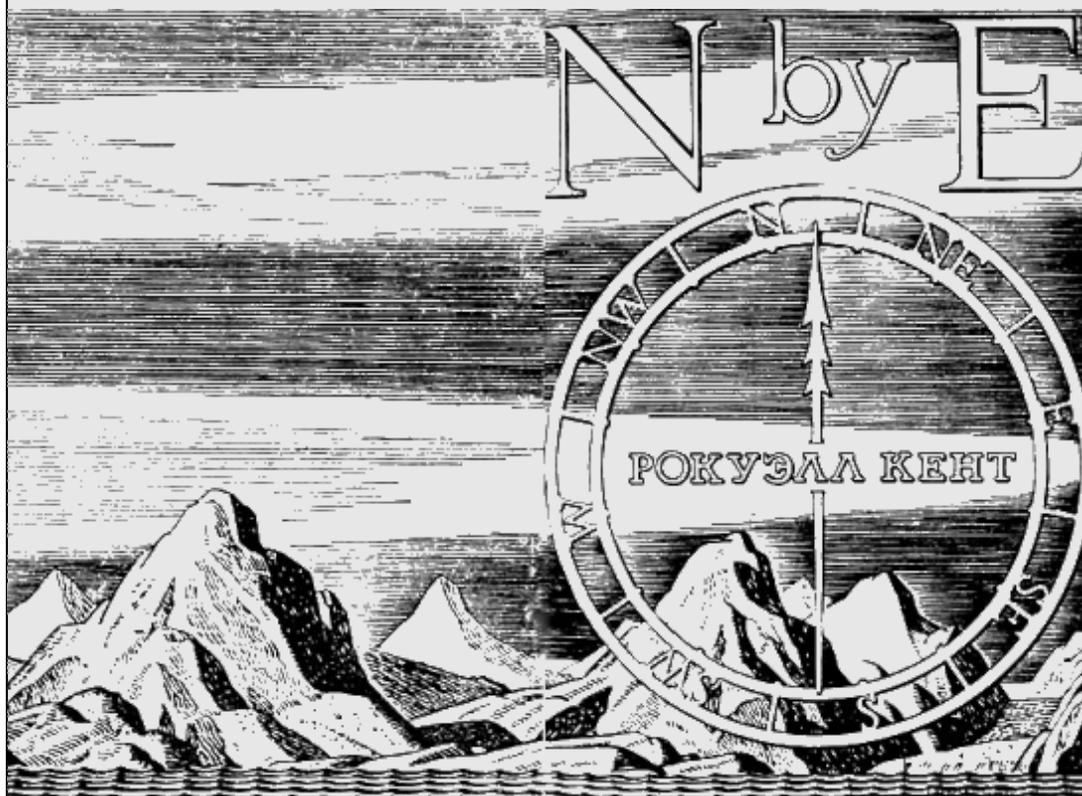
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

- [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
-

Рокуэлл Кент

Курс N by E

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

*

Главная редакция
географической литературы

N by E
by Rockwell Kent
New York, 1930 г.

*

Рисунки автора

Перевод с английского *З. В. Житомирской*

Редактирование, вступительная статья
и примечания *Н. Я. Болотникова*

Издание второе^[1].

М., «МЫСЛЬ», 1965.

Предисловие автора к советскому изданию

Одна некогда популярная американская книжка называется «Жизнь начинается в сорок лет». Моя жизнь, если измерять ее подлинными приключениями, началась гораздо раньше этого прозаического среднего возраста, но в сорок шесть лет я бросился с головой в приключение, о котором рассказывается в книге «Курс N by E». Это может служить достаточным доказательством того, что жизнь моя тогда еще не окончилась.

Плавание в Гренландию было осуществлением мечты, которую я лелеял с тех пор, как в ранней юности прочел исландские саги. Рассказы о смелых викингах воспламенили мое воображение, и моя душа устремилась на север. Некий мудрец учил нас «прицепить свою телегу к звезде». Так я и сделал. Звезда оказалась Полярной.

Я был захвачен историями о заселении Гренландии изгнанником Эриком Рыжим и его исландскими сподвижниками, историями об основании на ее негостеприимных берегах первого в Новом Свете

немонархического государства европейцев, о последовавшем затем открытии Лейфом, сыном Эрика, Ньюфаундленда, а может быть, и континента Северной Америки и, наконец, о поселении на этой земле, хоть и на короткое время, выходца из Исландии гренландца Карлсефни, на столетия опередившего открытие Колумба. Я жажду ступить на священную гренландскую землю и поклониться развалинам жилищ викингов. Романтический вздор? Конечно. Ну и что ж?

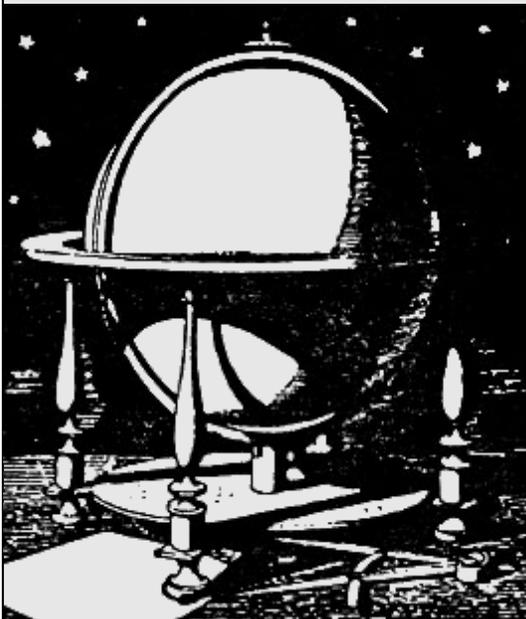
Но оказалось, что гораздо интереснее развалин домов и церквей древних колонистов живые люди этой страны, эскимосы, или, как их сейчас называют, гренландцы; в древности, когда они жили в полной изоляции, то называли себя «инуит», что значит люди. Они были доисторическими азиатскими колонистами на ледовом севере. Собственно говоря, они и были истинными открывателями континента западного полушария. Их двоюродные братья, чукчи, поддерживающие и поныне, много столетий спустя, огонь предков в очагах на советской Чукотке, могут гордиться своими родичами — открывателями Америки.

Раз уж мы затронули вопрос о такой добродетели, как гордость, скажу: я горжусь тем, что моя книжка сейчас предстанет перед советским читателем. Пусть читатель отнесется к ней благосклонно и подарит ее автору свою дружбу, к которой призывает всякое искусство.

Москва, ноябрь, 1960 г.

Рокуэлл Кент

Рокуэлл Кент

*Сердечный привет народу Советского Союза от
того, кто всю свою жизнь был его другом.*

Рокуэлл Кент

«Человек этот непоколебим и великолепен, как скала, а подвиги и достижения его так же бесконечно разнообразны, как море. В самом деле, какой другой современник воплотил в себе на протяжении своей жизни многогранные качества художника, писателя, исследователя, иллюстратора, фермера, мореплавателя, оформителя книг, архитектора, плотника, оратора, литографа, гравера по дереву, публициста и политического деятеля?»

Так пишет об авторе этой книги — Рокуэлле Кенте — его соотечественник и друг прогрессивный американский писатель Альберт Кан. У читателя, мало знакомого с талантом Рокуэлла Кента, столь откровенное восхищение может вызвать настороженность:

правомерно ли оно, не слишком ли пристрастно? Но Альберт Кан, как бы предвидя этот упрек, тут же добавляет:

«Должен сразу сказать, что, когда я пишу о любом произведении Рокуэлла Кента, я пристрастен. И не просто потому, что он мой близкий друг, но также и в особенности потому, что он близкий друг Человека. Признаюсь, я разделяю его кредо: художник — должник общества, и люблю этого человека потому, что он всю свою жизнь был верен этому кредо. Если есть где-либо труженик культуры, который сделал больше, чем он, чтобы порадовать сердца людей красотой Земли и рода человеческого, я не знаю его имени»^[2].

Верится, что и наш читатель, который за последние годы мог ознакомиться с творчеством Кента — художника и графика на выставках, видел документальный фильм о его творчестве, следил за его выступлениями в печати, а теперь вдумчиво прочтет эту книгу и внимательно взглянется в ее иллюстрации, безусловно, отбросит какие-либо сомнения: Рокуэлл Кент поистине близкий друг Человека.

* * *

Знакомство советских людей с Рокуэллом Кентом рождалось не сразу. Широкую популярность его имя у нас в стране приобрело лишь за последние два десятилетия. До этого имя Кента как художника, пожалуй, было известно лишь ограниченному кругу искусствоведов, и далеко не все из нас знали его как патриота своей родины, активного общественного деятеля, отстаивающего демократические права и свободы простых людей Америки. А между тем творчество Кента неотделимо от его общественной деятельности, от жизни народных масс.

Вот уж много лет Рокуэлл Кент шагает нога в ногу с жизнью, откликаясь на крупнейшие политические события, происходящие в мире. И симпатии Кента, противника социальной несправедливости, насилия и угнетения, всегда были и есть на стороне борцов за свободу, на стороне простых и честных тружеников, защищающих свои права на светлое будущее. Отношение к событиям, к свободолюбивым людям Кент-художник отражал и отражает на своих полотнах, политических плакатах, в агитационных рисунках. Так, в свое время гравюрой на

дереве «Посвящается Сакко и Ванцетти» художник продемонстрировал солидарность с мировым пролетариатом, боровшимся за жизнь невинно осужденных революционеров. Позже, во время первой схватки сил фашизма и сил прогресса в Европе, Рокуэлл Кент выступал на стороне героического испанского народа, рисуя плакаты в защиту детей республиканской Испании.

Мы, советские люди, ближе узнали Кента в годы второй мировой войны. Узнали и нашли в нем искреннего друга, горячо радевшего о нашей победе. В те годы Рокуэлл Кент со свойственной ему энергией выступал у себя на родине за оказание помощи СССР в борьбе с гитлеровской Германией, ратовал за скорейшее открытие второго фронта.

На время отложил он в сторону кисть живописца, упрятал в кладовую незаконченные полотна. На его рабочем столе лежала бумага, в руках он держал боевое оружие — перо публициста и плакатиста, резец гравера.

Всеми своими помыслами Кент был в рядах сражавшихся с гитлеровскими ордами. Уничтожить фашизм, спасти человечество от страшной, позорной язвы — вот главная тема выступлений и статей Рокуэлла Кента, его сатирических рисунков, плакатов тех лет.

По многочисленным выступлениям Рокуэлла Кента, опубликованным в разное время в периодической печати, можно проследить истоки зарождения его симпатий к нашей стране, к нашему народу.

«Я с юности интересуюсь Россией и ее искусством... — говорил он как-то корреспонденту «Правды». — Через Тургенева, Толстого, Гоголя, Горького я узнал и полюбил русский народ... Меня всегда волновала судьба народов вашей страны, вместе с ними я горевал в тяжкие Дни и радовался их радостями. И это было тоже результатом моего знакомства с вашим искусством».

Реалистическое, понятное массам искусство — вот то связующее звено, которое может и должно служить великой цели — единению народов в борьбе за всеобщий мир. Эту мысль неоднократно повторяет в своих выступлениях Рокуэлл Кент.

«Сущность искусства, — сказал он в ноябре 1960 года на пресс-конференции в Министерстве культуры СССР, передавая в дар советскому народу собрание своих картин, — заключается в том, чтобы

утверждать любовь к жизни и, как следствие этого, мир». А борьбе за мир Кент посвятил всего себя. Еще в конце сороковых годов, когда над нашей планетой нависла угроза новой войны и сотни миллионов людей сплотились в единодушном движении против нее, Рокуэлл Кент встал в первые ряды сторонников мира и поныне продолжает оставаться активным ратоборцем за мир на земле.

В 1949 году Рокуэлл Кент в составе американской делегации принимал участие в Первом Всемирном конгрессе в защиту мира, происходившем в Париже. Год спустя он в Стокгольме, на Конференции сторонников мира, выступает как один из инициаторов и авторов замечательнейшего исторического документа нашей эпохи — Стокгольмского воззвания.

Миру — мир!

Этот призыв миллионов тружеников земли Рокуэлл Кент воплотил в агитационном рисунке «Голубка, свившая гнездо в солдатском шлеме», обошедшем, кажется, все части света.

В начале 1950 года исполнилось давнишнее желание Рокуэлла Кента — он посетил Москву в составе делегации Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Визит его в СССР был непродолжителен, но и то, что Кент успел увидеть у нас, произвело на него неизгладимое впечатление.

«В Советском Союзе, — заявил он тогда, — разрешен главный вопрос всякого искусства — значение искусства в человеческом обществе. И в этом отношении Советский Союз намного опередил все другие страны. В этой стране произошло то, что необходимо каждому художнику и деятелю искусства вообще: художник там слился воедино с народом, он живет жизнью и чаяниями народа, создает и творит для него. Это он сознает и в этом черпает все свои художественные замыслы. А это для меня представляет самую большую ценность в мире, так как только в подобных условиях можно создавать произведения искусства, которые имеют какую-либо ценность для человечества, и прежде всего для своего народа».

Нужно было обладать большим мужеством, чтобы говорить так открыто, как говорил Рокуэлл Кент. Ведь это сказано в разгар «холодной войны», начатой американскими империалистами против лагеря социализма. На родине художника свирепствовала истерия антикоммунизма, получившая название «маккартизм». Раздувая миф о

«красной опасности», американская реакция вела широкое наступление против народных масс, против остатков демократических прав и свобод.

Чтобы иметь возможность бороться с полицейским произволом, Рокуэлл Кент выставил свою кандидатуру на выборах в конгресс от прогрессивной партии. Его программа ясна: США не должны вмешиваться в дела других государств; нужно думать о своих внутренних беспорядках.

В конгресс Кент не был избран, да он на это серьезно и не рассчитывал, но его политические противники постарались отомстить ему, применив испытанный метод клеветы, экономического нажима. Реакционеры — католики штата, где находится ферма Рокуэлла Кента, объявили ему бойкот, агитируя граждан не покупать у него молоко. Гуверовская охранка — ФБР — приклеила Кенту ярлык антиамериканца. Его самого, его детей преследуют. Один сын, доктор естественных наук, оставался безработным. Другому сыну власти запретили выезд из США. У Рокуэлла Кента после возвращения из Европы был отобран паспорт. Но Кент не сдавался. Он возбудил судебный процесс против госдепартамента. Судебная тяжба затянулась надолго.

В 1957 году, в день его 75-летия, Кент был избран председателем Национального совета американо-советской дружбы. В том же году в Москве, а затем в Ленинграде, Киеве, Одессе, Риге состоялись большие выставки его работ. Впервые советские люди смогли познакомиться не с репродукциями, а с подлинниками талантливых живописных полотен, посвященных суровой природе Севера, смогли восхищаться графикой Кента, его изумительными гравюрами, литографиями, рисунками тушью, многочисленными иллюстрациями к классическим произведениям мировой литературы.

Яркий, правдивый, мужественный и глубоко человеческий талант Рокуэлла Кента полюбился советским людям: его выставки посетило полмиллиона человек.

Творчество Кента, как выразился один из посетителей московской выставки, «никого не оставляло равнодушным или безучастным». И это подтверждалось множеством восторженных отзывов, которыми были заполнены книги посетителей.

«Но в то время, — писал Альберт Кан, — как сотни тысяч советских граждан смотрели картины Рокуэлла Кента, сам он, лишенный паспорта, находился в «континентальном заключении», как он сам резко выражается, и только месяц спустя его победа в Верховном суде (которая была победой и для всех американцев) освободила его и его очаровательную жену Сэлли, и они поехали к поднимающемуся солнцу»^[3].

Это произошло в августе 1958 года. Супруги Кент прожили в Советском Союзе два месяца, побывали в Москве, Ленинграде, Киеве, Крыму. Мы узнали Кента еще ближе, нашли в нем жизнерадостного, очень подвижного человека, умного и остроумного собеседника, блестящего оратора, пытливого наблюдателя советской жизни и, оказывается, недюжинного спортсмена. Близкое знакомство с нашими людьми еще больше укрепило симпатии Кента к Советскому Союзу.

С тех пор он неоднократно бывал у нас, отдыхал, путешествовал. В Советском Союзе у него завелось множество друзей. Всюду, куда ни приезжал Кент, его встречал радушный прием.

Летом 1962 года, в канун своего 80-летия, которое Кент отмечал в кругу советских друзей, Академия художеств СССР избрала его своим почетным членом. Покидая в тот раз Советский Союз, Кент заявил представителям прессы:

«В вашей стране я испытал большое счастье, так как нашел полное подтверждение тому, во что я верил всю свою жизнь с юношеских лет: социализм — это единственно правильный путь в мире. Путешествуя по Советскому Союзу, я еще раз убедился в том, какими страстными поборниками мира являются все советские люди...»

В этих словах виден Рокуэлл Кент — «солдат армии мира», наш искренний и чистосердечный американский друг.

* * *

Многогранный талант. Так часто говорят о Рокуэлле Кенте, о его духовном богатстве.

Слово «многогранность» образно означает всестороннюю одаренность. Однако само по себе это слово уже невольно наводит на

мысль о существовании каких-то хотя бы и собранных воедино, но отличных друг от друга качеств, граней, сторон. Пожалуй, для определения таланта Кента данное выражение недостаточно точно. Его духовное богатство — монолитный сплав «высокооктановых» человеческих качеств, каждое из которых вмещает в себе многие другие. В Рокуэлле Кенте чудесно выражена целостность его бытия, мировоззрения и мастерства.

Очень метко сказал об этом один американский критик: «Иногда мне кажется, что он (Кент. — Н. Б.) вовсе и не человек, а целая организация, которую можно было бы, пожалуй, назвать «Объединенным содружеством предприятий Рокуэлла Кента и компании»^[4]. Не потому ли каждый, кто писал или пишет о Рокуэлле Кенте, кто пытается проникнуть в его творческую лабораторию (мы судим по тому, что опубликовано о нем в советской печати), неизбежно сталкивается с необходимостью писать о всем «Объединенном содруестве предприятий», то есть о всем комплексе его взаимосвязанных талантов? И это вполне закономерно: Кент-художник неотделим от Кента-общественного деятеля, так же как Кент-общественный деятель слит с Кентом-писателем, путешественником, публицистом, фермером...

Прежде всего Рокуэлл Кент — художник, один из виднейших и наиболее ярких представителей современной американской национальной реалистической школы, активный противник формализма в искусстве, и особенно крайнего его проявления — абстракционизма, который он как-то назвал «атомной бомбой в культуре».

Но есть еще одна область культурной деятельности этого человека, с которой мы, советские читатели, пока были плохо знакомы. Речь идет о литературном творчестве Рокуэлла Кента: до 1962 года у нас не выходили его книги. Этот пробел был в какой-то степени восполнен первыми переводами книг Кента «Курс N by E» и «Саламина». Теперь же одновременно со вторым изданием упомянутых произведений американского друга готовятся и другие. В издательстве «Мысль» выйдут его книги «В диком краю» (иногда у нас это название переводят «Дикий край» или «Дикость») и «Путешествие к югу от Магелланова пролива». В издательстве «Искусство» вышло его оригинальное автобиографическое повествование «Это я, господи!».

Любовь к природе, к людям, к жизни — все то, что пронизывает художественное творчество Рокуэлла Кента, что поет, торжествует или гневно кричит с его полотен, гравюр, плакатов, также присуще и его литературным произведениям. В прозе Кента яркие, сочные и выразительны краски в описаниях природы, величаво и полнозвучно воспевание жизни. Автор доброжелателен к хорошим людям и нетерпим к плохим. Невольно поражаешься его чудесной целостностью, так органически тесно сплетающейся в творчестве одного человека! В чем же заключается чудо? Рокуэлл Кент сам отвечает на этот вопрос:

«...Тот факт, что, когда мне было 37 лет от роду, была издана наконец моя первая книга, не означает, что я внезапно решил написать книгу. Я писал в свободные моменты дома, в поездах, на пароходах — всю мою жизнь. У меня всегда были идеи для картин и идеи для выражения на словах. Я точно столько же писатель, сколько и художник, не потому, что я делаю и то и другое как-нибудь особенно хорошо, а потому, что я мыслю и в понятиях искусства, и в понятиях литературы. Пишу ли я картины и книги оттого, что считаю, что очень мило и приятно делать картины и писать книги? Нет! Я считаю все искусства лишь побочными продуктами жизни. Жизнь была всегда и, дай бог, всегда и будет; понятно, что я всегда буду хотеть рассказывать о ней. Мое искусство, а это значит картины и книги, будет всегда не больше чем выражением моего интереса жить»^[5].

Этот интерес, это беспокойство богатой природы Рокуэлла Кента, ненасытное стремление познать как можно больше с ранних лет толкают его к странствованиям по белу свету.

Путешествия всегда считались хорошей школой жизни, всегда помогали интеллектуальному росту человека, и, чем восприимчивее интеллект, тем быстрее и плодотворнее его развитие. Это подтверждает сам Рокуэлл Кент: «Я не просто странствовал, но и осваивал целый ряд профессий: рыбака, плотника и многих других. По мере того как я их постигал, я рос как человек, и тем самым возрастала моя способность видеть и познавать жизнь. Я совершал путешествия в эти края (страны Крайнего Севера и Крайнего Юга. — Н. Б.) не ради поисков материала, а чтобы встретиться с самой подлинной жизнью, увидеть природу во всей ее непосредственности».

А видел он в своей жизни много...

Рокуэлл Кент родился 21 июня 1882 года в Тэрритауне (штат Нью-Йорк). Любовь к живописи, рано пробудившаяся в Кенте, определила его жизненный путь. Он получил художественное, а позже и архитектурное образование в Колумбийском университете. Еще юношей он выставлял свои полотна в Национальной академии изобразительных искусств. Первая самостоятельная, или, как у нас говорят, персональная, выставка его картин состоялась в Нью-Йорке в 1902 году, то есть когда Кенту было всего лишь 20 лет. Критика доброжелательно встретила произведения молодого художника, но покупателей на картины не находилось.

А художнику были нужны деньги. Твердый в убеждении, что мужчина должен добывать средства к жизни своим трудом, Кент рано оставил родной кров, и все, что впоследствии достиг он, — все добыто его руками. В молодые годы он работал в архитектурных мастерских, перебивался случайными заработками в редакциях газет, издательствах, рисовал экслибрисы по заказам bibliофилов — все ради того, чтобы иметь возможность писать картины.

Природа и человек труда, ее сын и покоритель — вот главная тема полотен и книг Рокуэлла Кента. Чтобы увидеть природу во всей ее девственной красоте, Кент едет на северо-восток страны, штат Мэн, на побережье Атлантики. Там, на одиноком острове Монхеган, он корчует пни, копает землю, ловит рыбу, дружит с фермерами и рыбаками и рисует, рисует, рисует...

Кент посещал этот остров и позже. Там же, на Монхегане, была написана его замечательная картина «Труженики моря», демонстрировавшаяся на выставках в Советском Союзе, ряд других полотен, часть которых подарена художником советскому народу.

Свежий ветер Северной Атлантики, наполняющий легкие бодростью, заставляющий учащенное биться сердце, манил художника в морские дали. В начале 1914 года Кент совершил поездку на Ньюфаундленд. Впервые он увидел остров ранним безоблачным утром и был очарован его красотой. «Я был уверен, — писал он несколько лет спустя в книге «Курс N by E», — что здесь, в этом отдаленном и малоцивилизованном краю, непременно живет народ, добрый уже в

силу необходимости, простой и мудрый, сильный, мужественный и смелый и вообще хороший от природы».

Кент не ошибся. Путешествуя по острову, он убедился, «что у всех людей в окрестных деревнях было радостно на сердце», и решил остаться здесь подольше пожить. Но это ему не удалось. Разыгралась первая мировая война; местные власти заподозрили, что он немецкий шпион, и вынудили его уехать.

Спустя еще несколько лет Рокуэлл Кент отправляется с сыном в новое странствование — на Аляску. Там добровольные робинзоны — отец и сын — живут несколько месяцев на пустынном островке в бухте Воскресения, возбуждая любопытство жителей ближнего городка Сьюарда своим странным поведением. В «Саламине» Рокуэлл Кент рассказывает, как аляскинские дельцы-аферисты были удивлены тем, что он отказался от покупки участка земли, который ему пытались всучить. «Им было обидно, что я прошел мимо болота размером 25 футов на 100 на «Большом бульваре» и обосновался на острове. Думаю ли я, что там есть золото? Живопись? А это что такое? В худшем случае, решили они, я немецкий шпион, в лучшем — жалкий осел». Но Кент не обращал внимания на пересуды и работал. Уезжая с Аляски, он сдал в портовый склад весь «намытый» им «золотой песок» — ящик с законченными полотнами, на котором стояла надпись: «Ценность — 10000 долларов». «Пяльте глаза, банкроты, владельцы недвижимости, — усмехается Кент. — На земле есть золото там, где вам и не снилось»^[6].

Да, Рокуэлл Кент умеет находить «золото» — красоту жизни там, где люди ограниченные ее не видят. «Может быть, — высказывает он предположение, — не мы находим ее, а она, угадав ищущих, открывает себя им»^[7].

На Аляске красота, открывшись Кенту, пробудила в нем литератора. Кроме серии полотен (два полотна «Лесистый мыс» и «Глубокий залив в Аляске» были у нас на выставках, а еще два — «Солнечный блеск» и «Вид с Лисьего острова зимой» — находятся в числе подаренных) Кент вывез с Аляски свою первую книгу «В диком краю», вышедшую в свет в 1920 году.

В этой книге наряду с увлекательным рассказом о «приключениях духа» и наблюдениях Рокуэлл Кент откровенно делится с читателем своими мыслями, родившимися в добровольном уединении среди

дикой природы. На первый взгляд нашему читателю могут показаться в ней странными некоторые размышления (да и рисунки) Кента с оттенком символизма и умозрительной манерности. Эту отвлеченность иные критики называли мистицизмом, хотя Рокуэлл Кент, говоря, в частности, о своей графике, категорически отводит подобные обвинения.

«Подчас в моих графических произведениях, — говорил он, — вы можете встретить романтические и даже символические образы. Но они никогда не приближались к мистицизму, который мне иногда приписывают недобросовестные критики. Я решительно отвергаю подобного рода попытки исказить характер моего творчества. Романтизм в моем толковании — это приподнятое, возвышенное отношение к жизни, природе. Реализм я понимаю не как буквальное копирование природы, реальной жизни, а как изображение ее в наиболее интенсивной, эмоциональной форме».

Романтическая приподнятость, эмоциональность, яркая индивидуальная манера письма неотъемлемы и от литературного творчества Кента. Они достаточно ярко проявились в первой же его книге «В диком краю», которую английская критика расценила как наиболее значительную книгу, написанную в Америке после «Листьев травы» Уолта Уитмена. В последующие годы литературная слава Рокуэлла Кента росла, двигалась «на параллельных курсах» со славой живописца, графика, общественного деятеля.

Путешествие к южной оконечности Американского континента — Огненной Земле, затем плавание в Ирландию, первое плавание к берегам Гренландии, а позже второе и третье путешествия и зимовки в Гренландии, посещение острова Пуэрто-Рико — почти все они нашли отражение не только во множестве картин, рисунков Кента, но и в его литературных произведениях. На протяжении полутора десятков лет, с начала двадцатых и до середины тридцатых годов, им выпущено несколько книг. Это уже упоминавшаяся «В диком краю», затем «Путешествие к югу от Магелланова пролива», «Курс N by E», «Саламина».

Кроме того, в этот же период и позже выходили и другие книги Рокуэлла Кента, написанные в ином жанре, вроде: «Книга ко дню рождения»; «Рокуэллкентиана. Мало слов и много иллюстраций» — сборник статей автора об искусстве из различных периодических

изданий, каталогов его выставок и репродукций его картин, гравюр, рисунков; два иллюстрированных сборника экслибрисов и издательских марок Рокуэлла Кента с предисловиями автора; брошюра «Как я делаю гравюру на дереве». И совсем уж недавно вышла в США его книга «Гренландский дневник».

Книги Кента о путешествиях наполнены множеством как будто бы обыденных, но в сущности удивительных приключений. Удивительных потому, что Кент умеет и в обыденном случае или явлении находить необычайное, наоборот, необычайное он описывает с таким мягким юмором, что кажется даже робкий и нерешительный человек способен почувствовать в себе силы совершить это необычайное. В его книгах много сочных красок, метких наблюдений, живых описаний виденного и пережитого; много познавательности, преподнесенной без малейшего налета дидактики, и, главное, много подлинно поэтической простоты. Это признает и сам Кент: «Я всегда старался говорить таким языком в моем искусстве, который понятен народу. Поэтому мой язык в искусстве всегда прост и ясен».

Органически связано с содержанием книг и оформление их оригинальными, очень высокого художественного качества рисунками и гравюрами автора. Рокуэлл Кент оформлял не только собственные книги. Он иллюстрировал многие произведения мировой литературы, вкладывая в это весь свой талант. Англосаксонский эпос «Беовульф», «Декамерон» Боккаччо, «Фауст» Гёте, произведения Шекспира, Уитмена, Чосера, Пушкина, «Моби Дик, или Белый кит» Мелвилла и ряд других замечательных произведений иллюстрированы Кентом с большим художественным тактом, вдумчивостью, с серьезным знанием сокровенных глубин творчества автора каждого произведения, его эпохи. Вот как характеризует Кента-графика народный художник РСФСР Д. Шмаринов:

«Художественный язык его книжной графики при всем разнообразии подхода художника к иллюстрированию различных писателей характеризуется ясностью и точностью пластического чувства формы, четкостью и гибкостью рисунка, реалистической правдивостью и Обобщенной простотой образов».

Все же наиболее точны, любовны, проникновенны рисунки Кента к его собственным книгам. Каждая из книг его по-своему хороша, радостна, своеобразна и по содержанию, и по оформлению, но есть

одно, что роднит все произведения, равно как роднит все его творчество, — это верность главной теме: человек и природа. Величественны, прекрасны в своей первозданной суровости природа и человек труда, борющийся, побеждающий природу. Свое отношение к этой главной теме Рокуэлл Кент выразил такими удивительно искренними словами:

«Я люблю в природе ее суровые, порой холодные черты. Я стану ездить в края, где можно видеть мир мужественным и суровым, и, любя, буду писать его таким.

Я надеюсь, что сумею сказать: «Смотрите люди, как прекрасна земля, на которой мы живем. Любите ее так, как люблю я, и, любя, завоюйте право сделать ее своей, чтобы владеть и наслаждаться ею в вечном мире».

* * *

Любите землю, на которой мы живем. Завоюйте право сделать ее своей, чтобы владеть и наслаждаться ею в вечном мире. Эта тема с большой публицистической силой звучит и в других книгах Рокуэлла Кента: и в автобиографическом романе «Это — мое собственное», и в «Это я, господи!», и в «О людях и горах».

«Это я, господи!» — автобиография Рокуэлла Кента, в которой он излагает свои взгляды на жизнь и искусство, раскрывает истоки зарождения этих взглядов, сложившихся в результате многолетней борьбы за реалистическое искусство, говорит о высокой роли человека на земле.

«В этой замечательной книге, — пишет известный советский искусствовед А. Д. Чегодаев, — он с обнаженной честностью и чистосердечием, без каких-либо поз и прикрас, раскрыл свой богатейший внутренний мир, свое постоянное и ненасытное стремление жить, как подобает жить человеку, глубоко интересующемуся всем на свете и проникнутому самыми гуманистическими идеями своего времени»^[8].

В еще большей степени раскрывается гуманизм Рокуэлла Кента в его книге «О людях и горах», которую Альберт Кан назвал одой Человеку.

О содержании книги дает представление ее подзаголовок: «Отчет о поездке автора и его жены, Сэлли, в Европу после их освобождения из континентального замка». Это путевые заметки, большую часть которых занимают впечатления автора о пребывании в Советском Союзе. Оставаясь верным себе, Рокуэлл Кент, как и в прежних книгах, пишет только о том, что видел, что чувствовал, какие мысли вызвало у него виденное.

Внимательный, доброжелательный и вместе с тем объективный наблюдатель, Рокуэлл Кент правдиво пишет о нашей стране. Он опровергает лживые утверждения буржуазных клеветников о жизни советских людей, восторженно отзываясь о таких, казалось бы обыденных для нас, учреждениях, как детские ясли или пионерские лагеря.

В Гурзуфе Кент видел прославленную «пионерскую республику» Артек. «О если бы мои собственные дети и внуки могли пожить в Артеке!» — с откровенным восхищением восклицает он.

Рокуэлл Кент напоминает читателям Америки о подвиге советских людей во имя свободы всех народов. Он пишет о том, что человечество никогда не должно забывать — оно в долгу у советских мужчин и женщин, которые защищали его от фашизма.

Осенью 1960 года в Москве, на открытии выставки своих произведений, Рокуэлл Кент снова говорит о подвиге советских людей. Передавая Советскому Союзу коллекцию своих картин, он называет ее скромным даром от чистого сердца за подвиг советского народа, который спас судьбу мира.

...В начале тридцатых годов, возвращаясь из Гренландии в Америку, он писал в «Саламине»:

«Приятно думать о возвращении на родину. Господи, иногда мне кажется, что все мои странствования затеваются только для того, чтобы Америка, ее горы, ее скалы и ручейки, как и многое другое, была мне еще дороже. Мы любим Америку не меньше от того, что так полюбили Гренландию»^[9].

Автор радуется скорой встрече с родиной и грустит, расставаясь с полюбившимися ему людьми и природой Гренландии. Спустя много лет, в 1959 году, на пути из СССР Кент снова говорит о встрече с родиной. Он покинул солнечную страну, что же ждет его в Америке? Теперь его сердце наполнено тревогой.

«Как дымный туман, страх навис над нашей родной страной... Страх перед завтрашним днем. Страх смерти? Хуже: страх жизни. Отравленный туман скрывает лицо нашей Америки...» — писал Кент в книге «О людях и горах».

И все же оптимизм не покидает его. Кент верит в свой народ, верит в Америку простых, трудолюбивых, жизнерадостных людей.

«Путешествовать хорошо. Хорошо потому, что расширяется кругозор и завязываются новые узы дружбы. И самое лучшее в путешествии то, что оно дает нам понять, как мы любим родной дом. Да будет же дано нам, любящим родной дом, помочь сделать этот Дом — Америку, нашу родину, — страной, свободной от страха, счастливой страной, справедливой и прекрасной страной в мире, где царит мир»^[10].

Таков Рокуэлл Кент — путешественник, который умеет видеть жизнь, любит правду, которому дорог мир на земле.

* * *

В книге «Курс N by E» Рокуэлл Кент рассказывает о плавании летом 1929 года к берегам Гренландии, о приключениях, пережитых в бурном океане и на острове после кораблекрушения. Их было трое на маленьком парусном боте «Дирекшн»: мужественный, невозмутимый моряк — шкипер Сэм Аллен, затем штурман-самоучка, он же кок, он же матрос — Рокуэлл Кент и третий член экипажа — «некто, по имени Купидон... здоровенный парень, прямо гигант, с массивными мускулами, заключенными в оболочку из жира», и притом страшный лентяй.

Читаешь эту книгу и веришь, что автора даже в самые трудные минуты не покидало чувство юмора. Он повествует о пережитом чуть-чуть улыбаясь, иронизируя над собственными невзгодами, и при этом мастерски передает свое восхищение красотами северной природы. Какими, например, необычайно яркими, впечатляющими словами рисует он картины бурного или заштилевшего моря! Как прекрасны в его рассказе виды суровой Гренландии! И как величествен человек на этом фоне! Удивительно оптимистичная книга!

В «Курсе N by E», как, впрочем, и в других произведениях Кента, очень выпукло проявляется его романтизм. Казалось бы, например, о чем может думать человек, потерпевший кораблекрушение и чудом спасшийся на пустынном берегу?

Кент-романтик, сидя в палатке, сооруженной из паруса и камней, вспоминает детские годы, когда, собрав из стульев и маминых шалей шалаш, он мечтал о настоящем кораблекрушении. И вот теперь его заветная мечта детства осуществилась. Он испытывает счастье. Или другой эпизод. Кент отправляется на поиски людского жилья. Тяжело нагруженный, он идет под дождем по горам и болотам. Под ногами у него высокая зеленая трава, яркие цветы. И, несмотря на ношу и усталость, Кент начинает рвать цветы на ходу, чтобы «собрать букет для моей милой».

«С этого момента, — рассказывает автор, — собирание полевых цветов превращается в навязчивую идею, становится более реальной, осязаемой целью пребывания здесь и, странно сказать, более важным делом, чем цель моего путешествия. В течение долгих утомительных часов я бреду вперед, часто уклоняясь в сторону, чтобы сорвать какой-нибудь новый яркий экземпляр и присоединить его к растущему в моей руке пучку. Сколько людей проходят так по жизни, сжимая в руках букеты полевых цветов!»

Как хорошо сказано! Ведь и сам Рокуэлл Кент точно так же идет по жизни, выискивая прекрасное, собирая это прекрасное, чтобы еще и еще раз показать его людям: смотрите, люди, жизнь хороша, как эти цветы. Жизнь — это счастье видеть небо, море, горы, на фоне которых «поет пронзительная белизна» гренландских ледников. Жизнь — это борьба со стихией, победа над слепыми силами природы. Жизнь — это радость новизны в путешествиях, в познании суровой красоты мироздания. Жизнь — это тепло дружеских встреч и улыбок, горделивое ощущение в себе человека — самого разумного существа на самой прекрасной из планет. Любите же, люди, жизнь, берегите ее!

В эту главную тему всего творчества Рокуэлла Кента гармонично вплетается другая тема, столь же полнозвучная, оптимистичная: люди, любите человека, его созидательный труд! И этой проникновенной любовью наполнены строки, в которых Рокуэлл Кент рассказывает о тружениках сурового Севера.

Таков Рокуэлл Кент — литератор, романтик, вдохновенный певец жизни и труда.

Н. Болотников

ЧАСТЬ I

I

*Озэбл-Форкс, Нью-Йорк
Январь, 1929*

А мой сын, — сказал Артур Аллен, расправив плечи, став на каблуки и приблизив сплетенные за спиной пальцы к огню, — а мой сын собирается в Гренландию на маленьком боте. При этом он глядел мимо меня вдаль такими восторженными глазами, словно там находился сам бог.

— Господи! А можно мне с ним поехать?

— Можно, если он согласится.

II

*Артур С. Аллен, младший.
Родился в 1907, умер в 1929 г.*

Сэм Аллен пришел ко мне. Вот это был красавец! Высокий, больше шести футов росту, сильный и гибкий, с медлительными движениями, с учтивой медленной речью и очень спокойный. И если даже это спокойствие объяснялось флегматичностью, оно придавало его осанке достоинство, свойственное командирам. Передо мной стоял капитан, и к тому же хороший. Он был опытным моряком и обладал той безмятежной уверенностью в себе, которую придают иным людям пережитые ими события. Море он любил и был создан для моря. Сэм Аллен и море — две стихии; они были способны созерцать друг друга до бесконечности, но ни одна из них так и не смогла понять другую.

III

Джордж Б. Смит
Сделано в США

Жил да был в пригороде Нью-Йорка один человек. В течение многих лет он каждый день поутру садился в поезд, который отправлялся в город в 7.45, и каждый день в 5.15 возвращался домой. Ему, надо полагать, принадлежал маленький домик с печкой, которая была предметом его забот во время зимы, и палисадником, который он обрабатывал летом. Был у него радиоприемник и автомобиль, да еще жена. По вечерам они играли в бридж или ходили в кино, а в воскресенье после обеда отправлялись на прогулку в машине. Казалось, что так будет продолжаться всегда, до самой его смерти, — в этом и заключалась бы прожитая им жизнь.

Однако есть в южных морях такие острова, которые находятся так далеко, что решительно все люди считают их земным раем. На этих островах царит вечное лето. Там в тени прохладных рощ отдыхают прекрасные юноши и девы, непрерывно вкушая радость существования и оставаясь благодаря этому вечно молодыми.

Как только видение этих островов посетило нашего владельца сезонного билета, тотчас же тесный круг его деятельности показался ему невыносимым. Воображение разгоралось, и в отсветах этого пламени он видел себя моряком, бронзовым от загара, переплывающим ширь Тихого океана и высаживающимся на цветущем берегу одного из коралловых островов. Он закрывал глаза, газета падала из рук. Любовь, пылкая любовь, охватывала его; нежные руки и губы ласкали его, воздух был полон сладкого аромата и пения птиц. О, райское блаженство!

Итак, необходимо было построить судно, но он ничего не понимал в этом. Тогда он начал учиться. С немеркнувшей целью перед глазами погрузился он в чтение авторитетов по части судостроения и долго начинал себя теорией и фактами, изучал каталоги, осматривал суда и, в конце концов, начал кое-что понимать в них. Более того, он начал понимать, что именно ему требуется. Ему нужен был бот, небольшой, но широкий и вместительный: надежный бот, с хорошей остойчивостью и быстрым ходом. И он начертил план.

Киль судна был заложен на маленькой верфи в Гудзоновом заливе. Начиная с этого дня и вплоть до завершения работ, конструктор наблюдал за своим детищем с жадным вниманием человека, который, собравшись плыть в рай за семь морей, следит за рождением волшебного корабля. Он перерыл все лесные склады, отбирая доски и бревна самого крепкого дерева, когда-либо росшего в лесу, не спускал с них глаз, когда они перешли в руки плотников, смотрел, как бревна были распилены и соединены как требовалось и закреплены болтами на своих местах. Ни одна малейшая деталь не могла укрыться от его испытующего ока, никакой изъян не прошел незамеченным.

А сколько все это стоило! И с каким трудом ему удавалось оправдываться в этих расходах дома! Что он мог сказать, чтобы скрыть свои истинные возвышенные планы?

Так летели годы, и, по мере того как продвигалось дело, волнение его все возрастало. Наконец, бот был почти готов. Какой надеждой, должно быть, сияло лицо владельца сезонного билета, предвкушавшего близкое блаженство! И если, пытаясь скрыть свои чувства, он бывал особенно ласков дома, то как раз это-то и выдавало его. Да разве и сам бот не обнажал его духа, не был раскрытой книгой его грез, тем

понятным для внешнего мира символом, в котором вещественно воплощалась его сокровенная сущность?

И вот, подобно тому как и каждый из нас когда-нибудь должен будет сбросить с себя серые одежды мира сего, чтобы облачиться в сияющие ризы вечности и на миг предстать пред творцом во всей своей наготе, так в тот самый момент, когда наш бедняга собирался ступить на свой лебединый челн, перед ним — мы, конечно, только строим догадки — как из-под земли выросла его супруга.

— Что ты думаешь делать с этим ботом? — спросила она, уперев руки в бока.

— Я думал, — ответил он со спокойной решимостью, — отправиться на нем в ра... в южные моря.

— Так забудь об этом!

На этом, правдива она или нет, кончается одна из печальнейших в мире историй.

IV

*Длина 33 фута 0 дюймов.
Осадка 6 футов 0 дюймов^[11]*

Бот был уже почти достроен, когда Артур Аллеи купил его и сам занялся тщательной отделкой. Все, что было сделано хорошо, он улучшил, а самое лучшее сделал вдвое лучше. Так что, когда к дубовому килю прикрепили болтами трехтонный чугунный фальшкиль, мы решили — теперь не сдобровать тем скалам, на которые натолкнется наш бот. Затем он был спущен на воду и получил имя.

На мой взгляд, в этом имени было что-то неприятное, я еще не мог тогда сказать — злое, однако последовавшие события теперь побуждают меня к такому толкованию. Название бота, являвшееся волю человека, было вторжением в специальную и исключительную сферу действия богов. Прикиньтесь беззаботным, беспечным и веселым, и вас полюбит сама стихия. Назовите свой корабль «Маргаритка» или «Бесшабашная Бесс» — и живительные лучи солнца будут искриться в

волнах все время, пока он, подгоняемый веселым попутным ветром, бежит по своему курсу.

— Главное, что необходимо человеку в жизни, — сказал Артур Аллен, — это direction — *направление*. Так мы и назовем наш бот.

И вот «Дирекшн» — с этим именем, выведенным золотыми буквами по обеим сторонам кормы, — стоит на якоре на широкой реке. Яркое солнце начала мая сверкает на полированном дереве и начищенной меди. Легкий ветер лениво треплет желтоватые паруса. Всё уже на борту, пока еще не уложено, но всё здесь. Если Артур Аллен отдал максимум забот судну, то и я не поскупился, запасая провизию.

Из экономии места большая часть продуктов была в сушеном виде. Мы везли с собой сухое молоко, сухие фрукты, сушеные бобы, горох и другие сушеные овощи, отдав им предпочтение перед консервированными продуктами, хотя у нас был и небольшой запас консервов, на случай, если бурная погода помешает нам готовить горячую пищу. Яиц взяли двадцать четыре дюжины. Купили их прямо в деревне свежими, только что из-под кур, и во избежание порчи обмакнули в «жидкое стекло». У нас было много картошки, луку и капусты, одна корзина апельсинов и немного сладкого. У нас были дрова и уголь для отопления, и керосин для освещения и, наконец, табак и сигареты. Впрочем, нет, этот груз опоздал. Мы приняли его на борт в Новой Шотландии.

Итак, «Дирекшн» отправляется в Новую Шотландию. Там мы — шкипер Сэм и я — должны погрузиться на бот, привести в порядок судно и оттуда плыть дальше. Для Артура Аллена выход бота в первый рейс был волнующим событием. Редко люди так всецело отдаются какому-то делу, как это было теперь с Артуром Алленом. В конце концов, бот был его достижением, результатом его стараний ради сына. Очень льстило ему то, что в этот день друзья собрались вокруг него в ожидании отхода судна.

Ботом управляет помощник капитана, с ним на борту еще двое. Концы отданы. За кормой расходятся волны.

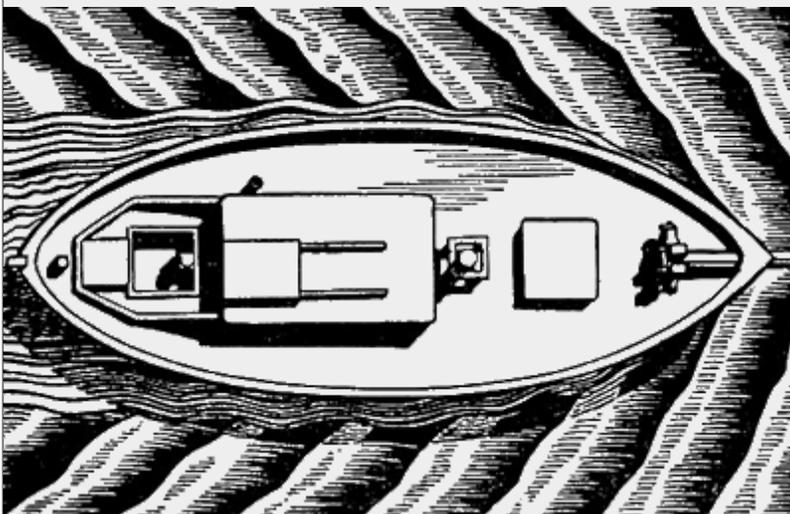
Помощник спускается вниз.

— До свиданья! До свиданья! — слышится отовсюду.

Вдруг помощник снова выскакивает наверх.

— Слушайте, — кричит он во все горло, — где же сигареты, черт их дери?!

V

*Из Парижа в Нью-Йорк
Из Нью-Йорка в Баддек*

По решению капитана Сэма, наш экипаж в окончательном виде должны были составить три человека: он, я и еще некто, по имени Купидон, находившийся в Париже. «Ладно, — написал последний в ответ приятелю, — на этот раз я, так и быть, поеду». И в конце концов, действительно раскачался и приехал.

Это был здоровенный парень, прямо гигант, с массивными мускулами, заключенными в оболочку из жира. У него были золотые кудри и лицо, соответствующее его имени, но с выражением обиды и подозрительности.

Он был опытным и знающим моряком и мог рассуждать о навигации с обескураживающей фамильярностью, употребляя при этом столь сложные специальные термины, что мне, штурману-самоучке, каким я себя считал, оставалось только, запинаясь, признаться в своем невежестве. Поэтому я очень удивился, когда Сэм, которому была хорошо известна образованность приятеля, сделал

штурманом не его, а меня. Зато из Купидона вышел блестящий помощник капитана. Он был отвратителен по своим человеческим качествам; как финансовый компаньон сперва разочаровал нас, а под конец превратился в обузу.

После того, как мы расстались с «Дирекшн», бот, подчиняясь прихотям Купидона, направился напрямик к Новой Шотландии. Сначала в проливе Хелл-Гейт он врезался носом в большую баржу и повредил ее. Затем Купидон сунул свой нос в Вестпорт, чтобы пару деньков там поразвлечься, а после — в Провинстаун для знакомства с местным колоритом и выпрашивания сигарет. Потом в Галифаксе помощник позолотил картушку компаса под руководством местного мастера. В конце концов за два дня до нас «Дирекшн» прибыл в озеро Бра д'Ор и стал на якорь у Баддека.

Там пришлось недельку поработать. Бот вытащили на сушу, починили, ошкрабили и окрасили заново. Шкипер трудился над корпусом и оснасткой, я делал полки и стойки для припасов и укладывал провизию, моя милая жена наводила блеск и чистоту, а помощник грузно перебирался с койки на койку, когда его об этом просили, да покуривал. Ничто так не бесит окружающих, как чья-то инертность. Купидон своим присутствием мозолил нам глаза и мешал работать, к тому же нам пришлось расправляться с беспорядком и грязью, горой невымытой посуды — воплощенным результатом целого месяца беспробудной лени Купидона. О том же свидетельствовали и опустошения в продовольственных запасах: половина яиц и большая часть консервов были съедены, в то время как скоропортящиеся продукты мокли на дне трюма.

В соответствии со своим темпераментом шкипер не выказал ни малейшего намерения взяться за дисциплину на корабле даже тогда, когда бунт и мятеж казались неминуемыми. А дело шло к этому. В самом начале путешествия, во время которого три человека на протяжении недель должны были жить в тесных границах маленького суденышка и с утра до вечера представлять друг для друга все человечество, вдруг обнаружилось, что один из этих людей — подлый лентяй, настолько уваливающий от всякой ответственности и работы, что это угрожает моральному духу всей экспедиции. Хоть бы уж отплыть, думал я, может быть, тогда дело пойдет иначе. И в надежде избавиться от этой занозы, портившей мне настроение, от этой туши,

мешавшей нам передвигаться, я потребовал, чтобы, пока я нахожусь на борту, помощника там не было. И он действительно не появлялся. Вот теперь можно было работать! И даже петь при этом.

Белье было выстирано и развешано. Постельные принадлежности проветривались, подмокшие продукты сушились на солнце, после чего снова упаковывались в жестяные банки и убирались на место. Мы сделали удобнее главную каюту и так переоборудовали предназначавшееся мне узкое и мрачное помещение на баке, что разве только последние предсмертные конвульсии судна могли бы нарушить порядок, царивший там на полках.

Слишком часто пренебрегают внутренним устройством судна, хотя именно этим определяются жизненные удобства. Разумеется, необходимо, чтобы дом имел крепкую крышу, однако едва ли этого достаточно. Мы принимаем это как должное, а затем переходим к устройству всевозможных удобств и уюта внутри, хорошо зная, что с ними очень тесно связано наше счастье. Основа, конечно, важна, однако она лишь то, на чем мы воздвигаем наше здание, и сама по себе имеет мало значения. Какой вам прок от фундамента, поставленного на скале, если вы не выстроите на этом фундаменте дом, не превратите его в родной очаг, не приманите к этому очагу женщину, не народите детей и не положите тем самым начало цепи архангелов, которая будет продолжаться до бесконечности? Какой прок в том, что на море вы только чувствуете себя в безопасности? Постарайтесь придать вашей бесфундаментной постройке на поверхности этой беспокойной стихии весь необходимый комфорт, который позволил бы вам хоть иногда углубиться в думы, не опасаясь, что вся на свете посуда, еда и разное барахло обрушатся на вашу голову.

Итак, используя до предела короткое время и немногочисленные материалы и инструменты, имевшиеся в моем распоряжении, я за те часы, когда помощник изгонялся из каюты, устроил себе надежное и уютное маленькое убежище на узком баке. С тех пор в любую свободную минуту, выпадавшую на мою долю днем или ночью, я мог удалиться туда, чтобы избежать нудного общества Купидона, что я и делал.

VI

*46°08'00" северной широты
60°30'00" западной долготы*

Мы отплыли 17 июня в 4.30 пополудни. Досадное промедление, отодвинувшее наш отъезд до этого дня, а в этот день до этого часа, дурные предчувствия, которые имелись у меня насчет помощника капитана — все было забыто в момент прощания. Нас озаряло яркое солнце; озеро под западным ветром было все синее. Вода переливалась и сверкала. Ах, как она сверкала! Точно сам далекий мир, представлявшийся нашему воображению. Это красочное настоящее походило на линзу из цветного стекла, сквозь которую мы видели нашу будущую жизнь. По мере того, как расширялось водное пространство за кормой, а сердечные струны натягивались до того, что готовы были лопнуть, к нам приближалось и окутывало нас золотое будущее, заставляя наконец-то — и так скоро! — забыть обо всем, кроме волшебных чар предстоявшего приключения. И пока один мир уменьшался, сужался и, наконец, исчез совсем, впереди все ближе разворачивался новый мир, готовый раскрыться перед нами. Кто может

отказать человеческой душе в ее извечной потребности узнавать неизвестное? Причем она стремится к этому не ради самого знания, не для того, чтобы получить какие-то сведения и стать знающей или мудрой, но единственно для того, чтобы удовлетворить самую потребность в знании. И что такое эта потребность, если не голод воображения, которому необходимы новые, еще не обработанные материалы для его созидательного труда. Мы должны извлечь из доступных и известных нам вещей и явлений как можно больше, чтобы наполнить этим свое существование. Пусть это банальная истина, но ею определяется ценность жизни. Мы живем ради тех фантастических и нереальных мгновений ощущения красоты, которые мозг выхватывает из сменяющейся панорамы нашего жизненного опыта.

Вскоре все, что мы когда-либо видели до сих пор, осталось позади, и земля с полями, лугами и пастбищами, лесами, равнинами и изгибами холмов поплыла мимо нас, вся в сочном блеске догорающего июньского дня, зеленая, чистая и прекрасная. Мы сбросили с себя одежду и ринулись головой вниз в синюю воду. Поймав на лету конец, мы ухватились за него и поплыли в кильватерной струе. Было очень тепло — теплая вода, теплый воздух раннего лета. Вот так, голышом, мы проведем все лето и станем загорелыми и могучими.

Я приготовил ужин: бисквит из концентрата и... не помню, что еще. «Вот это кок!» — восхищались остальные. Затем вымыл посуду и убрал в каюте. «Люди такие милые, — думал я, — мир прекрасен! Я счастлив! Бог милостив!».

VII

17 июня 1929
Пролив Кабота

Сумерки, океан, восемь часов; я становлюсь на вахту у руля. Ветер усилился, горизонт черной полосой выделяется на фоне синевато-серого неба. Холодно. В последующие месяцы мне ни разу не придет в голову, что хорошо бы раздеться. Я не увижу больше ни зеленых полей, ни цветущих усадеб, ни людей — разве лишь на короткий срок, чтобы тут же с ними расстаться. И хотя теперь июнь, не увижу даже лета; не увижу ничего этого на протяжении тысячи миль.

Постепенно темнеет, появляются звезды, и кажется, ничто не нарушает черноты моря, кроме непрерывных колебаний его собственной поверхности; наконец и в каюте гаснет свет, и тогда внезапно я оказываюсь один. Меня охватывает почти ужас; теперь я ощущаю одиночество, ощущаю пучину внизу под килем судна и другую над головой, и себя, со всех сторон окруженного необъятностью.

Как странно, что я здесь, на этом маленьком боте! И, главное, не случай забросил меня сюда с затонувшего корабля — я нахожусь здесь с обдуманной целью! Что за цель, кем она поставлена? Когда припоминаю, сколько я прочел о Гренландии, как в течение многих лет мечтал попасть туда, как с волнением читал и перечитывал исландские саги, как был взволнован удивительной историей первых гренландских поселений, их трагическим концом, очарованием и таинственностью этих приключений, как плыл вслед за Лейфом^[12] и вместе с ним открыл Америку и как в результате у меня родилась потребность узнать эти края, самому ступить на эту землю, коснуться древних каменных оград, плавать по тем же морям и воображать себя таким же викингом, как они, — когда вспоминаю все это, я готов похвастаться, что мой собственный замысел и моя воля привели меня сюда. И однако, все опровергается вот этой самой минутой. Тьма и ветер. Непостижимая необъятность пространства и стихий! Мои слабые руки сжимают румпель, глаза то прикованы к звездам над пляшущей верхушкой мачты, то следят за волной, которую разрезает нос корабля. Я только держу бот на курсе. У меня нет ни желания, ни воли, ни сил изменить курс.

Подходит полночь, и я бужу капитана. Продрогший до костей, спускаюсь вниз, варю кофе, умываюсь и ложусь. Замерзший и еще более усталый, я засыпаю.

VIII

Пролив Кабота Курс N by E

Из своего сумрачного угла на баке я вхожу в каюту, освещенную утренним солнцем. По ту сторону открытого люка, обхватив руками румпель, сидит помощник в блестящем от брызг желтом клеенчатом комбинезоне. Время завтракать.

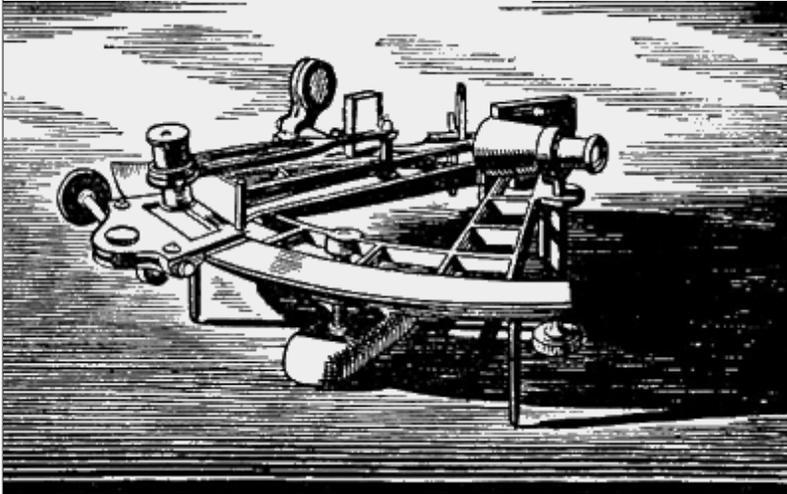
— Попьем кофейку? — и я протягиваю помощнику чашку.

— Момент, — отвечает он как-то странно торопливо приглушенным голосом и вдруг перевешивается через борт. — Ладно, — говорит он минуту спустя, выпрямляясь и утирая рот, — теперь можно. — И он пьет свою порцию.

Гора одеял на капитанской койке превращается в капитана, который, не прерывая сна, поглощает основательный завтрак и опять натягивает на себя одеяла, вновь становясь горой. Наверно, именно так ведут себя умершие, которым их заботливые друзья кладут в могилу пищу и вино. Именно так может вести себя и каждый из нас, считая, что живет, но я не признаю такой жизни.

Уже восемь, и я сменяю на вахте помощника. У-у-у! Какой холодный северный ветер, все море в белых барашках. Что это? Сон? Передо мной действительность, настолько реальная, что пробирает до самых костей. Мы в самой гуще бешено мчащихся белогривых чудищ Нептуна. Они вскидывают к небу свои хребты и бросаются на нас, стремясь затопить, швыряют взад и вперед. Но, оседлав их, мы удерживаемся на их спинах и неуклонно продолжаем свой путь на Чаннел^[13]. Ветер крепчает, приходится взять рифы. В десять мы убираем грот и идем под стакселем. Так проходит время моей вахты.

IX

*55°45'20" северной широты
59°45'00" западной долготы*

За пять минут до полудня капитан сменяет меня. Я иду вниз. С трепетом, который я стараюсь не показать, и упираясь всем телом, чтобы противостоять броскам бота, осторожно открываю квадратный ящик из полированного дерева и вынимаю оттуда мой прекрасный и любимый секстан, стараясь не задеть пальцами его серебряную дугу.

К крышке ящика изнутри прикреплена карточка, гласящая:

*Государственная физическая лаборатория контрольное
свидетельство класс А*

Далее, после различных сведений о секстане, в том числе подтверждения, что «щитки и зеркала в порядке», сообщается, что поправка его равна нулю.

Секстан принадлежал мне уже много лет, но я ни разу им не пользовался, даже не знал, как это делается. Меня радовал сам факт обладания. Я часто открывал коробку, чтобы поглядеть на прибор,

такой прекрасный и по замыслу и по исполнению, любовался четкостью мельчайших делений на его блестящей дуге. Однажды я обнаружил, что кто-то прикладывает к нему свою лапу — на серебряной поверхности чернел крупный отпечаток чьего-то большого пальца. Но я не рискнул дотронуться до дуги, даже ради того, чтобы вычистить ее, потому что эта операция, возможно, принесла бы градуировке больше вреда, чем само пятно.

И вот теперь, в полдень, 18 июня 1929 года, после того, как я почти сорок семь лет колесил по свету, побывав на востоке и западе, севере и юге, на горах и в долинах, и в результате тоже несу на себе какие-то отпечатки и более или менее запачкан, но зато — слава богу — не подвергся чрезмерной шлифовке, я, наконец, решаюсь взять в руки мой секстан. Осторожно пробираюсь по уходящей из-под ног, взлетающей и падающей палубе нашего маленького суденышка и влезая на самое высокое место у мачты. Затем я упираюсь плечами в фалы, обвивая их ногами и, уставившись, как положено, одним глазом на солнце — эту постоянную точку Вселенной, а другим на неизменный горизонт нашей земли, сделав необходимые расчеты, определяю свое местонахождение. Но поскольку я, приложив к своим данным все допускаемые формулой поправки, предпочитаю обнаружить результат лишь в таинственной терминологии градусов и минут, видно, что я не слишком горжусь этим местонахождением.

По моим расчетам, я находился, то есть мы все находились, на $45^{\circ}55'20''$ северной широты. Что же касается ошибки в расчете почти на 60 миль, то могу оправдываться единственно тем, что я никогда еще не делал подобных вычислений.

Вообще говоря, обычная практическая навигация — наука несложная. Ее без труда усваивает всякий обладающий здравым логическим умом. Однако именно эта здравая логика способна помешать вам получить хотя бы минимальное представление о навигации со слов любого работающего по старинке штурмана. Сколько раз, пользуясь привилегией бывать на капитанском мостике, я пытался узнать у помощника или у капитана хоть что-нибудь об их искусстве. Большею частью удавалось получить такие произвольные и чисто эмпирические правила, что они привели бы в отчаяние всякого, кто захотел бы узнать, почему это делается так. А когда однажды я сам без всяких правил и учебников придумал систему, которую мог бы

понять даже ребенок, капитан отверг эту «ересь» и сурово оборвал меня как безнадежного грешника. Поскольку все капитаны на один лад, а все учебники составлены капитанами, я, наверно, в конце концов совсем бы отчаялся, если бы не знал одного поэта, который был одновременно помощником капитана, а сверх того еще датчанином по национальности. Для него каждое слово было образом, и ум его свободно играл со звездами. Он поучил меня денек, и отсюда все мои познания в навигации. Познания эти невелики. Я могу определить долготу и широту, могу найти точку их пересечения и узнать, где я нахожусь. Могу проложить курс по дуге большого круга и затем, учитывая девиацию и склонение моего компаса, проложить его на карте, и это все. Однако я встречал людей, которые, изучив как свои пять пальцев все системы на свете, умели меньше меня.

— Что же вы не испробуете вашу линию Сомнера или Сент-Илера? — спросил я помощника капитана «Дирекшн».

— Зачем? — отозвался тот и повернулся на другой бок.

X

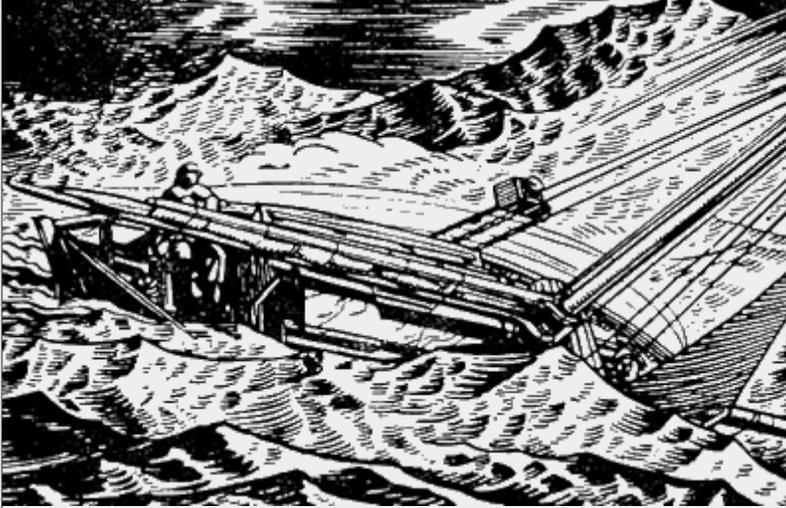

Ветер N by W
Барометр 29,9

Весь день ветер не прекращался, барометр продолжал падать ^[14]. В четыре часа мы поставили грот, взяв два рифа, продвигаться вперед было невозможно. Внизу в каюте все нарастал беспорядок, обнаруживая недостатки построенных по стандарту полок и ящиков. Вся природа ополчилась здесь на человека; хаос против порядка, вода и ветер, сила тяготения и центробежная сила против хрупких материалов, изготовленных человеческими руками. И в борьбе с такими противниками мы должны были не только сохранять свои позиции, но еще продолжать созидательную работу; нужно много мышц и крови, костей и нервов, чтобы противостоять и мгновенным ударам и разъедающему действию времени. Как все живое, мы время от времени чувствовали голод и должны были питаться. И если когда-нибудь меня призовут на небесный суд и потребуют отчитаться в том, как я в бытность на этом свете выполнял обязанности стюарда, я скажу: «Господи, вспомни, что когда ты измывался надо мною сильнее

всего, когда ты спускал на меня всех чертей, чтобы мешать выполнению моих обязанностей, когда ты гасил огонь в печи, душил меня дымом, швырял мне на ноги горячие красные уголья, опрокидывал мои котлы, окатывал меня кипящим супом, когда, не довольствуясь этим, ты еще пинал, колотил меня и, свалив с ног, тыкал во все это носом, то все равно именно там, тогда и точно вовремя я каждый раз подавал на стол горячую пищу, и притом неплохую».

Но если божественное правосудие существует и по какому-то недосмотру помощник капитана предстанет перед ним, миновав полицейские кордоны у преддверия вечности, я уверен, что приговор будет гласить: «Ты посмел есть яйца и консервы в проливе Лонг-Айленд».

Пролив Кабота
18 июня 1929

В ночь ветер и волнение усилились, если это еще было возможно. Мне, неподвижно сидевшему в узком кокпите, вымокшему до нитки под дождем ледяных брызг и продрогшему от ветра, четыре часа вахты показались вечностью. Мимо нас, курсом на запад, прошел пассажирский пароход, направлявшийся в Сидней, — медленно покачивающийся карнавал огней, — прошел и словно провалился за край света. Ну и темень! Каюта едва освещена, да слабый огонек горит в нактоузе. От порывов ветра лампа мигает и почти гаснет. Звезд не видно. Слежу за картушкой компаса, и кажется, весь остальной мир состоит лишь из звуков и ощущений. Ощущения — это ветер, сырость, холод, крутые взлеты и спуски вместе с волной, падения, когда ветер внезапно сшибает с ног... А звуки? Скрип вант, дробный стук брызг, барабанищих по натянутым парусам, шум воды, выливающейся из шпигатов, рев урагана, взрезающего измученные волны.

Полночь. Шкипер сменяет меня. Внизу я застаю погасшую печку. Мое пристанище — холодный бак, наполненный промозглой сыростью; вода, просочившаяся через люк, пропитала мои одеяла, но когда так устанешь, все это не производит впечатления. Да и одеяла мои обладают волшебным свойством: едва я успел натянуть их, как меня охватил сон.

Вскоре после полуночи мы заметили огни на мысе Рей. Встречный ветер отнес нас на столько миль восточнее нашего маршрута, что мы уже не могли проскочить мыс и в последующие часы только старались как-то выправить курс и двигаться более круто к ветру.

Перед нами стоял выбор: либо войти в гавань, либо изменить направление и взять курс на запад, в открытое море. Ветер уже достиг силы урагана, но молодость безрассудна — мы оставались в море. И когда в восемь утра я принял вахту, то за кормой и против правого борта лежал Ньюфаундленд.

Не тот Ньюфаундленд, каким я увидел его впервые, на рассвете, много лет назад. Тогда это была золотая и коричневая земля, солнце горело на поверхности гор и в шпилях Чаннела. А теперь перед нами был незнакомый мрачный край, окутанный бегущими облаками, серо-стальной на фоне низко нависшего темного неба. Это небо не угрожало, оно просто выполняло свои обещания. Северный ветер в неистовстве разбивал горообразные волны, хлестал по гребням, рассеивая их в пар. Ярость его возрастала с каждым часом. Трудная и долгая работа — пробиваться против ветра в такую бурю! Долгая и, как показал результат, бесполезная.

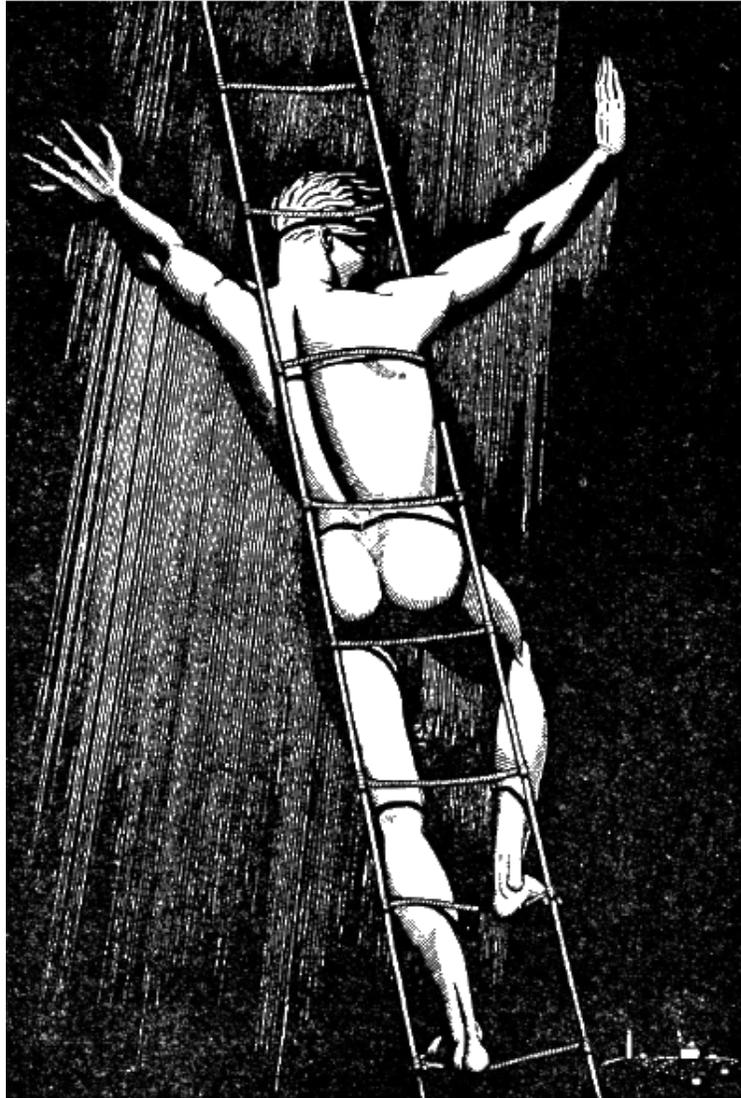
С уютом на судне было покончено, и об этом никто уже не думал. Во время вахты каждый из нас стоял, вцепившись в румпель, и терпел все, что выпадало на его долю. Сменившись с вахты, мы валились в постель. Все наши вещи промокли насквозь, и, когда бот накренился, трюмная вода заливала в каюте полки над койками. А он здорово накренился! Накренился до того, что его ходовые огни оказывались под водой, и продолжал плыть в таком положении. А мы в это время, вцепившись во что-нибудь, могли только гадать, выпрямится ли он снова.

А качка! Море подхватывало и несло бот по частым крутым волнам. Он взбирался на их верхушки, а затем, потеряв равновесие, с тяжелым всплеском от удара широких скул и всей тринадцатитонной

массы об воду падал носом вниз в ложбину между двумя волнами. А я, сидя на баке, думал: «Фальшкиль бота отлит из стали и весит три тонны. Он прикреплен к корпусу вертикальными железными болтами; на концах болтов тонкая резьба, на которую навинчены гайки. Эта-то резьба и не дает фальшкилю отделиться от бота. Господи, и это все!»

Задолго до полудня мы уже настолько отклонились к востоку от мыса Рей, что могли лишь тешить себя надеждой обогнуть его с наветренной стороны. Мы изменили направление. Последующие часы показали, что при таком ветре и волнении бот «Дирекшн», несмотря на гордый вид, с которым он будто бы держал курс на север, на деле мог перемещаться лишь в восточном или западном направлении, но не больше.

Океан имеет три измерения; и если бот был способен преодолевать лишь одно из первых двух, то удивительно, что нам не пришлось изведать третье. Убрав паруса, за исключением грота со взятыми двумя рифами, мы продолжали борьбу. Бот испытывал удары и падения и смело шел вперед. Когда к вечеру этого дня мы входили в маленький Чаннелский порт, солнце, близившееся к закату, как раз прорвалось сквозь тучи, и мы предстали перед толпой зрителей, озаренные славой.

Во время урагана

XII

Октябрь 1910
Август 1915

О Ньюфаундленд! Как я был молод, когда приехал сюда впервые, и как теперь, в этот новый приезд, во мне, как укор, возникают воспоминания о тогдашних иллюзиях. Я был уверен, что здесь, в этом отдаленном и малоцивилизованном крае, непременно живет народ, добрый уже в силу необходимости, простой и мудрый, сильный, мужественный и смелый и вообще хороший от природы. Да и самый день, когда я впервые увидел эту страну, придал ей обаяние. Было раннее утро, безоблачное и безукоризненно ясное. Далеко впереди, над синей равниной океана поднималась земля, она светилась и искрилась на солнце, а высокие горы, увенчанные свежевывпавшим снегом, казались эмблемами той высоконравственной красоты, которой я в моих пылких мечтах наделил эту страну. Он так и стоит у меня в памяти, этот рай! И после того как я сошел на берег и побродил по стране, оказалось, что у всех людей во всех окрестных деревнях было радостно на сердце, потому что стояла осень и мужчины, прошедшие

месяцы на рыбных промыслах, как раз вернулись домой. Они убрали урожай, прятали сети, чинили дома, а невесты и жены готовили постели для долгих зимних ночей, полных любви. Разве удивительно, что я остался жить в этой стране!

Назовем это первой картиной в драме моего разочарования, и пусть теперь мои воспоминания перенесут нас к концу драмы, ее последнему акту, последней картине. Место действия — Сент-Джонский порт. На заднем плане — город, грязный и живописный. Над ним в августовском воздухе завеса из сажи и копоти. С пристани толпа провожающих шлет свои прощальные приветы и напутствия пассажирам, собравшимся на палубе большого нью-йоркского парохода. Лишь ко мне все это не имеет никакого отношения. Я стою в полном одиночестве, если не считать низенького коренастого человечка с большими черными усами, как у Ника Картера^[15], с сигарой в зубах и в котелке, сдвинутом на ухо.

— Вы что же, пришли проводить меня? — спрашиваю я, заметив его присутствие.

— Да, — говорит он. — Решил, что лучше удостовериться в вашем отъезде. — Вид у него слегка смущенный.

— Вы очень любезны, — говорю я. — Надеюсь, что это доставило вам массу хлопот. Надеюсь, что сигара у вас отвратительная. Надеюсь, она обожжет вам нос. Надеюсь, вы поскользнетесь на сходнях и свалитесь в воду. Надеюсь, что немцы поднимут на воздух вашу проклятую страну. Надеюсь...

Второй гудок.

— До свидания, — и мы машинально пожимаем друг другу руки.

Потравливают швартовые, затем отдают их, пароход отходит, унося на борту «немецкого шпиона».

Это было мое последнее свидание с Ньюфаундлендом в дни войны.

С тех пор прошли годы, а в мирное время Ньюфаундленд, должно быть, такой же, каким был двести лет назад. Жители говорят на том же языке, что их предки, верят сказкам и в знак приветствия качают головой из стороны в сторону. Встречаясь, они твердят: «Добрый день, добрый день», а по вечерам: «Добрый вечер». Если же ветер с воем гуляет по улицам, всегда найдется убежище, где приятно светит теплое солнце. Вот и сейчас все они там, ньюфаундлендские мужчины.

— Добрый день. Каков ветерок-то, а?

— Ну, ребята, такое не часто приходится видеть.

— Здорово вы вошли в гавань вчера вечером! И лодочка у вас хороша!

Один сообщает, что ветер был 10 баллов (хотя это не так), а второй — что ветер дул со скоростью 90 миль в час (чего не было), потом кто-то рассказывает о том, как вчера одна шхуна терпела бедствие и какой-то контрабандист был совсем недалеко от берега, но не нашлось смельчаков ни спасать людей, ни ловить контрабандиста. После всего этого наш шкипер гордо приосанился, помощник казался по-прежнему безразличным, а кок записал эти разговоры, чтобы преподнести их с гарниром своим читателям.

XIII

Чаннел. Ньюфаундленд 21 июня 1929

Однако, — рассказывает Робинзон Крузо о стряпне, — он велел положить в горшок несколько сухарей, чтобы они размякли и пропитались мясным отваром; это называется соус. В Ньюфаундленде принято замачивать в воде на ночь черствый хлеб и потом тушить его с соленой треской и соленой свиной. Здесь именно это называется соусом и считается национальным блюдом. Не знаю, с этим ли блюдом или с чем-нибудь еще связано большое количество заболеваний бери-бери^[16] среди ньюфаундлендской бедноты, но вкус у него приятный. Во время непогоды экипаж «Дирекшн» превратил его в интернациональное.

Впрочем, в Ньюфаундленде знают не только это средневековое кушанье. Там есть картошка, репа, капуста и треска, а кроме того, как открыла нам миссис Мэри Томас, бывает еще и жирная птица.

Позднее мы узнали, что у миссис Томас столовалось не самое избранное общество Чаннела. Приезжие (то есть джентльмены)

предпочитали большой дом на холме. Дом миссис Томас был невелик. Это было жилье бедной вдовы, маленькой, но закаленной жизнью женщины. Мы вошли в низкую кухню, наполненную паром готовившейся пищи и дружелюбием хозяйки. Там уже сидело трое крупных мужчин, которые, как и мы, пришли сюда пообедать. Их фигуры казались черными против света. Это были капитаны трех судов, задержанные, как и мы, непогодой и тоже направлявшиеся к Лабрадору. Никогда еще не собиралось вместе шестеро людей, имеющих более общую цель. А так как общая цель, подобно общему горю или общей радости, связывает людей и приводит к согласию, то мы все дружно, как один, сначала уделили внимание обеду, затем мореходным картам и, наконец, уже на борту «Дирекшн», крепкому ямайскому рому, самому общедоступному, самому плебейскому из всех напитков, какой только можно было достать среди подонков Чаннела и какой люди еще могли пить, оставаясь при этом в живых.

Мы советовались о маршруте.

— Ни в коем случае, — сказал один из капитанов, — не входите в пролив, если не рассчитываете ночью быть в порту. — И оба других важно кивнули в подтверждение.

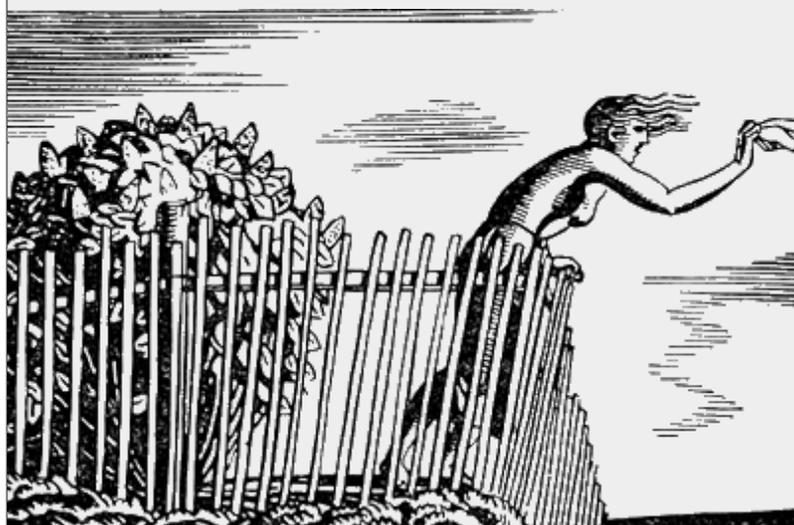
Потом мы пили ром. Вдруг тот капитан, который предостерегал нас, обнял Сэма за плечи и повторил:

— Не входите в пролив, если не рассчитываете ночью быть в порту.

Наконец, мы распростились. Редкие звезды почти не убавляли темноту ночи. Совсем рядом с нами лежал уснувший город. Мы пожали друг другу руки, и шляпка отвалила от нашего борта. Внезапно весла остановились и в тишине раздался голос:

— Смотрите, ребята, не забывайте, к ночи будьте в порту! Счастливо!

После этого в тишине порта до нас еще долго доносился шум весел.

22 июня. Слабый ветер

Северный ветер, сделав свое дело, оставил нас в покое. Воздух был свежий и прозрачный, как стекло, а с безоблачного неба мирно взирало на нас раннее утреннее солнце. Море сверкало в его лучах и манило нас. Солнце осветило берег и придало ему летний вид, скрыв тенью снежные наносы в лощинах. Будь там деревья, они только заслонили бы от нас и этот прекрасный ландшафт и все великолепие сиявшего на солнце города. Итак, хотя земля звала «останьтесь!», мы все же пустились в плавание, помахав на прощание последнему платочку, трепетавшему в чьей-то руке у порога последнего дома на самом краю берега.

Нас нес на запад легкий переменчивый ветер, и мы приблизились к мысу Рей только после полудня. Хотя в более защищенных водах море было уже спокойно, здесь оно все еще волновалось после только что пронесшегося шторма, тяжело вздымаясь и ворочаясь, словно северный ветер слишком бурным налетом лишь пробудил в нем мучительное желание. Ветер дул с кормы, и была сильная бортовая

качка. Земля ползла мимо так же медленно, как солнце. Из длинных томительных часов кое-как все-таки составилась день, и, когда последняя золотая полоска заката исчезла с поверхности гор, мы вспомнили предсказание чаннелского шкипера: «На западном побережье погода ясная, тумана не будет!».

23 июня 1929

Залив Святого Лаврентия

Густой туман. По временам он расступается и тогда виден берег, изрезанный горными хребтами. Зрелище это внушает ужас, но полно зловещего очарования. Ничто не смягчает впечатления дикости и уединения. Если там, на берегу, и есть города или фермы, все они спрятаны в глубине заливов. Сколько-то лет назад в эти горы отправился некто, желавший в глуши исчезнуть для остального мира. Здесь он жил, ничем не выдавая своего существования, только изредка приходил в город за провизией. Здесь, в горах, он и умер. Держался он замкнуто, но дружелюбно, а если ему порой случалось навлечь на себя насмешки каких-нибудь нахалов, то в конечном счете всегда завоевывал уважение. Его прозвали Безумным Отшельником. Возможно, у него действительно было какое-то легкое помешательство, подтверждавшее это прозвище.

Впервые он появился в этих местах, уже перешагнув средний возраст, но за семь лет пребывания здесь почти не изменился. Только

голова и борода побелели, а лицо приобрело от загара коричневый оттенок — больше ничего. Смерть его обнаружили охотники, которые как раз пришли в горы и наткнулись на его убежище и останки.

Дом или, вернее, хижина стояла на высоком выступе горы, откуда было видно море. Выстроенная из камней и торфа, она, по-видимому, обладала необходимыми качествами, чтобы противостоять и налетам ветра, и зимним холодам. Внутри было темно, так как дом имел лишь одно маленькое окно, обращенное к морю. У окна был пристроен стол, и на нем-то он и лежал, упав лицом на вытянутые руки.

Вещей в хижине почти не было, во всяком случае, ничего такого, что позволило бы установить личность этого человека. Не нашлось даже книги, которая помогла бы догадаться, кем он был.

Воспоминание об этом происшествии возникло у меня при виде пустынных гор, на которых в тот час лежал отпечаток какого-то особого величия. Я рассказываю об этом не только потому, что считаю воспоминания путешественника неотъемлемой частью его повествования. Услышав рассказ о смерти отшельника, я представил себе ее еще до того, как случайно узнал о его прошлой жизни.

На основании того, что знаю теперь, могу прибавить: думаю, нет ничего невероятного в том, что в последний миг своей жизни отшельник пламенной силой воображения, составлявшего весь его мир, вызвал в себе такое полное и острое ощущение счастья, что должен был воскликнуть: «Мгновение, ты прекрасно! Остановись!» И, выразив так свою волю к бессмертию, он умер и достиг его.

XVI

23 июня. Китовый риф

Никаких перемен. Густой туман, попутный ветер и гористый берег, возвышающийся стеной совсем рядом, но невидимый, как присутствие Иеговы. И днем и ночью нашими глазами был компас. Можно было бы усомниться в здравомыслии того, кто проложил наш курс так близко от берега. Но мы не сомневались. Короткие мгновения, в течение которых был виден берег, вгоняли в дрожь, но ведь для этого мы здесь и находились. Поскольку пребывание там-то тогда-то почти роковым образом связано с нашим теперешним пребыванием здесь, то будь мы склонны к философии, мы могли бы воспринять это как иллюстрацию к вечной проблеме о том, что пребывание где бы то ни было является лишь моментом продолжающегося движения. «Не бойся риска!» — вот что было бы для нас подходящим девизом. И как бы в подтверждение этого, мы поставили еще спиннакер, чтоб уж, если врезаться в берег, то на всех парусах.

Приближался конец моей утренней вахты. Мы находились в окрестностях бухты Бон и шли со скоростью 5 узлов при сильном

волнении. Капитан сменил меня. Туман немного поднялся, открыв далекую полосу берега. В самой отдаленной его точке, там, где силуэт берега вырисовывался на фоне неба, виднелся мыс, который в отличие от близлежащих массивов опускался плавной вытянутой кривой, далеко выдающейся в море. Похоже было, что мыс там не кончался и что конец его терялся за дымкой горизонта. Было ли это обманчивое впечатление, вызванное формой мыса, или я видел правильно, но так или иначе, я сделал вывод, что поперек нашего курса лежит земля, и со всей убежденностью постарался обратить на это внимание капитана. Но он думал иначе. Тут нас снова окутал туман, и мы продолжали идти тем же курсом.

Это произошло несколькими часами позже, уже после полудня. Я вышел из своего помещения на баке, чтобы проверить печку и поглядеть, как тушатся бобы. «Неплохо, — решил я, облизав ложку, — пожалуй, маловато патоки». Добавил ее и поглядел на часы. Только половина четвертого! Бобы будут готовы слишком рано. В этот самый момент крышка люка распахнулась.

— Купидон, — сказал капитан чрезвычайно спокойно, — поднимись-ка лучше наверх и убери спиннакер.

Я поглядел на помощника: тот грузно скатился со своей койки и тянулся за сапогами. Однако в голосе капитана мне почудились предостерегающие нотки, и я бросился на палубу. Густой туман и ветер; в ста ярдах от носа по правому борту земля! Спиннакер был закреплен на крюк. Кое-как нам удалось освободить его, что было необходимо для маневра. Все это продолжалось несколько секунд; до берега оставалось едва 50 ярдов. Отошли влево — самую малость.

Рифы слева! Спокойно. Проскочим посередине.

Затем внезапно обозначился ряд рифов, преграждающих нам путь. Теперь рифы окружали нас со всех сторон, только за кормой их не было. Мы оказались в положении зверя, загнанного собаками. Так мы чувствовали себя, вернее, должны были чувствовать, потому что раздумывать об ощущениях было некогда.

Оставались только две возможности — румпель до отказа и попытаться проскочить, лавируя между рифами, или сделать поворот через фордевинд с риском наткнуться на риф у правого борта. Проходят доли секунды. Мы поворачиваем. Бесконечно тянется мгновение, пока бот движется прямо на скалу. Грота-шкот задрожал,

затем оттянутый назад грот надулся, поднял гик кверху и лег на левый борт, потянув за собой весь бот. Мы отчаянно натянули шкот, чтобы выровняться. Еле-еле успели. Бот тронулся, набирая скорость. Поднятые им волны смешались с пеной волн, разбивающихся о рифы. Наполовину спущенный спиннакер трепетал. Борясь с ветром, мы опустили его на палубу, свернули. Все пришло в порядок. Земля еще не успела скрыться в тумане, как мы свободно вздохнули после миновавшей опасности.

«Послушайте, что это?»

Как будто ничего.

Я на бушприте. Прислушиваюсь, вглядываюсь в туманную мглу с напряжением, в котором, очевидно, воплощается мой страх. Вслушиваюсь, чтобы среди мириадов звуков, из которых складывается тишина, сквозь скрип снастей, бурление воды, шорохи ветра, стук моего сердца услышать один, более слабый звук. Вглядываюсь, стараясь различить что-то в этой серой пелене, столь тонкой, что, кажется, достаточно взмаха моих ресниц, чтобы разрушить ее тесный покров.

И вдруг внезапно, непостижимо на серой плоскости возникает светлое пятно, белая движущаяся полоса — появилась и пропала и опять появилась.

— Земля впереди, по правому борту!

Мы меняем направление. Низкий риф остался за кормой. Туман снова окутывает нас. Мы продолжаем плыть в тревоге и молчании.

На сей раз слышен гул и виден риф.

— Земля слева! Вперед!

Снова проскочили.

И пока я стою так на самом кончике бушприта, не видя, как другие управляют ботом, не имея касательства ни к чему, мне кажется, что это ветер меняет свое направление, а земля то приближается ко мне из тумана, то вновь отступает. Я то высоко взлетаю над водой, то быстро и плавно опускаюсь, так что ноги мои касаются ее поверхности. И это мерное раскачивание в пространстве убаюкивает меня, словно я лежу в гигантской колыбели. Божественное движение! Как сон под наркозом, оно уносит меня за пределы грозящей сейчас опасности.

Однако угроза, отчаянная опасность, которой мы подвергаемся с того момента, как наткнулись на рифы, продолжает надвигаться со всех

сторон, становясь все ближе и неотвратимее с каждым самым незначительным галсом. Мы вслепую лавируем среди сплошных рифов, которые сидят так близко друг к другу, что нам едва удастся развернуться. Сомнений нет, мы в ловушке.

После того как промежутки, через которые мы вновь и вновь приближались к земле, в своем однообразном повторении превратились для нас в нечто привычное, а наши попытки лавировать казались уже только бессмысленным оттягиванием неизбежной катастрофы, у нас, напряженно вглядывающихся и вслушивающихся во тьму, возникло своеобразное физическое ощущение досады на то, что в этом установившемся ритме запаздывает один удар.

Однако ожидаемого не случилось. Прошло немало времени, пока мы, не доверяя показаниям часов, решились допустить мысль, что все уже позади. Мы вышли в открытое море!

Именно так, незаметным образом, зачастую кончаются крупные события, как, например, сама жизнь. И чтобы смягчить это неприятное сознание, был подан грог.

А кок, высунув голову из каюты, осведомился:

— Ну, друзья, как насчет хорошей порции горячих бобов?

XVII

24 июня. Залив

Эти рифы, похожие на спины китов, излечили нас от интереса к земле. Старательно избегая берега, словно он мог пуститься за нами в погоню, мы теперь проложили совсем иной курс. Час ясного рассвета застал нас так далеко в море, что ни один самый высокий пик нигде не нарушал далекой и четкой линии горизонта. Тут же как зрительное подтверждение того, что мы находимся как бы нигде, накатился туман, а ветер спал. Хотя были все основания считать, что мы находимся в сфере приливного течения в проливе, но довольно точные данные о нашем местонахождении, полученные путем счисления, с каждым часом теряли свою ценность. Впрочем, окутанные со всех сторон туманом, мы все же не были лишены благодатного солнечного тепла, могли растянуться на мокрой палубе и глядеть в голубое безоблачное небо, возвышавшееся над слоем тумана.

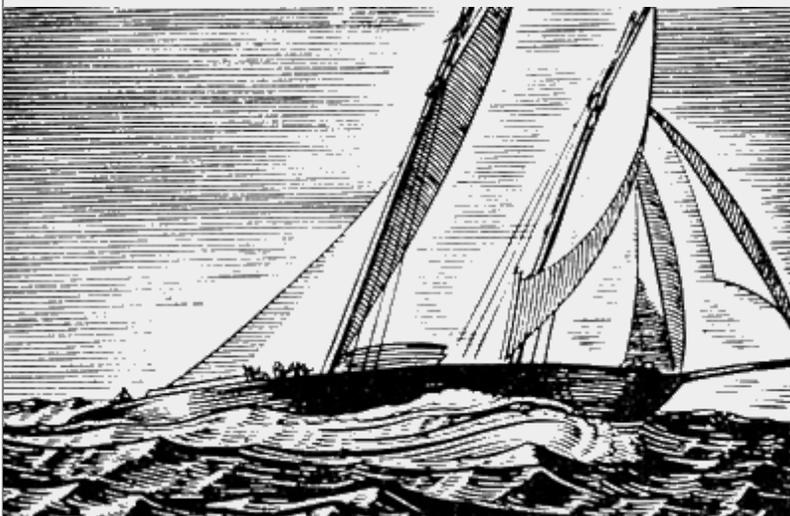
Это было, собственно, все, что нам оставалось делать. Ветра на протяжении многих часов едва хватало на то, чтобы мы могли держаться на курсе. Наконец из тумана вынырнули и поплыли мимо

небольшие айсберги. Движение их было, как нарочно, столь медленным, что не давало и намека на то, что мы двигаемся на восток или на запад.

«Кукурузные лепешки, — записано в судовом журнале у капитана. — Ветер переменился на юго-западный. Лед. Кукурузные лепешки. Туман». Однообразные события на фоне отсутствия событий.

Но даже в самой мрачной ситуации человек направляет взор к своей цели. Поэтому мы повернули «Дирекшн» носом в ту сторону, где, по расчетам, должен был находиться Белл-Айл.

XVIII

24 июня. Пролив

«Запомните, ребята, ночью будьте в порту!» Было четыре часа пополудни. Ветер и погода переменялись. Туман, лежавший над водой рыхлой массой, был теперь плотно сбит, словно увязан для отправки. Готов! С северо-востока налетел свежий ветер, поддел плечом тюки облаков и поднял их. Справа от нас тянулся длинный скучный северный берег Ньюфаундленда, слева — Лабрадор. С точностью, явившейся комбинированным результатом наших собственных вычислений и милости божьей, мы так ловко вошли в пролив Белл-Айл, словно встретившиеся нам перед тем айсберги служили баканами в проливе.

Уточнили свое местоположение по маяку на острове Гринли и, так как до наступления темноты располагали еще четыремя часами, мы подтянули паруса и направились в залив Форто, к ближайшему лабрадорскому порту в наветренном направлении. Едва Ньюфаундленд исчез за кормой, как уже новый берег поднял перед нами свое длинное и низкое нахмуренное чело.

Коричневая земля, темная на фоне вечернего неба, лишенная растительности и безмерно мрачная. Обнаженные участки скал походили на каменную дамбу, сложенную из таких огромных плит, что, бессознательно приложив к себе их мерку, мы почувствовали себя невообразимо маленькими.

Вошли в полосу тени, отбрасываемой берегом. Было холодно. Волнение и ветер усилились, приближалась ночь, а залив Форто находился от нас в четырех милях в наветренном направлении. В двух милях к западу лежала гавань Блан-Саблон, где, по логике, нам следовало бы ночевать. Однако шкипер настроился плыть в наветренном направлении, и вопрос был исчерпан. Впрочем, тем, что рассвет, разыскивая нас вдоль побережья Лабрадора, все же обнаружил наш бот где-то на морской поверхности, мы были обязаны тому же шкиперу, руки которого сумели вывести нас оттуда, куда завела его молодая прыть.

До того как поднялся ветер, мимо в порт прошли две шхуны. Команда, выстроившись вдоль борта, прокричала нам «ура!». Еще бы! Было за что.

XIX

24 июня. Пролив

Нам надо пройти всего четыре мили: курс на восток, сильный ветер — с востока-северо-востока. А течение! Нам-таки пришлось испытать его силу!

Сперва у нас появилась счастливая идея пробраться вперед короткими галсами под защитой берега. Но наш бот, не отличаясь хорошим ходом и при попутном ветре, еще меньше мог продвигаться, выходя на ветер, даже если он умеренный и море спокойно. Сделали попытку. За четыре часа с лишним, пока еще тянулись сумерки, путем повторных визитов в места, непосредственно примыкающие к берегу, смогли изучить его до мельчайших подробностей на протяжении примерно 100 ярдов. Мы с изумлением взирали на эту циклопическую стену. Могучие холмы, возвышавшиеся над ней, являли картину такой полной дикости и запустения, что она казалась творением больного мозга. Редко встречается пейзаж настолько голый и безжизненный, что теряешь всякую надежду увидеть за ним что-то иное. Поверх этих холмов вела куда-то цепочка крошечных столбиков. Мы могли даже

различить на фоне неба протянутую между ними проволоку. Итак, на Лабрадоре живут люди! У подножия естественного волнолома были нагромождены большие глыбы льда; одна из них, лежавшая отдельно, напоминала своими очертаниями моржа. Спустя некоторое время мы почувствовали некую привязанность к этому «моржу». Возвращаясь к берегу после очередного галса в море, мы оказывались то чуть впереди, то немного позади него. Он играл с нами вперегонки, этот неподвижный зверь.

24 июня. Пролив

Течение было нам навстречу. «Может быть, — думали мы, — дальше оно слабее». Дул крепкий ветер, и в проливе, широко открытом навстречу атлантическим просторам, уже началось неприятное волнение — короткая предательская зыбь, которая непрерывно окатывала нас брызгами.

Что ж, за этим мы и приехали.

Ударил шквал и уложил бот набок. Сколько ярости в этом шуме! Вой ветра над головой, вода, бурлящая на затопленной палубе. А какое зрелище! Корабль, накрененный так, что его ванты затоплены на длину человеческого роста; черные волны, обрушивающиеся на судно; зловещий мрак, водовороты белой пены вокруг и, наконец, ощущение собственной неподвижности среди всего этого. А потом еще злобное хлопанье паруса, когда мы отпускаем шкот, чтобы дать боту выпрямиться.

Слишком много всего! Приходится взять рифы, а это не большое удовольствие. Пальцы немеют от лютого северо-восточного ветра.

Итак, до Лабрадора далеко. Залив Форто, обозначенный незажженным маяком к востоку от нас, лежит прямо на траверзе. Нам удастся в конце концов повернуть, и мы плывем к нему.

Борьба с бурей продолжается. Над нами по-прежнему маячит черный берег, а по краям водного пространства груды грязно-белого льда, оттесненного сюда во время зимнего ледохода и оставшегося на мели. Но что это? Сомнений нет, всего в нескольких ярдах от нас опять наш приятель морж!

Казалось бы, теперь по всем правилам здравого смысла мы должны были быстро покончить со своим ночным приключением и отправиться на ночевку в Блан-Саблон. Но нет. Мы — упрямые, доблестные и бесстрашные, мы — полоумные, с сердцами, как из дуба, снова пустились в море, держа курс на залив Форто. И если я сам умудрился принять позу морского волка, то лишь для того, чтобы скрыть свою мелкую душонку, которая, устав бунтовать против бога, жаждала только одного — укрыться в первой попавшейся береговой щели и спать.

24 июня. Пролив

Та же ночь и те же декорации. Те же черные воды пролива, но еще более, бурные. Тот же угрюмый лабрадорский берег, но опять отодвинувшийся вдаль. Мы угадываем его лишь по огням маяка мыса Амор в заливе Форто, которые наконец-то зажег ленивый сторож. Тот же крепкий ветер, только еще более разгулявшийся, набравшийся сил и уверенности.

Время — после полуночи. Тьма, хоть глаз выколи, ни звездочки. Кок направляется вниз. В каюте полный разгром: одежда, сапоги, книги, посуда и все содержимое ящика с инструментами перемешано и раскидано вокруг. Кок в довольно странном положении — под невероятным углом к палубе готовит горячую чечевичную похлебку. (Рецепт: два стакана чечевицы, четверть стакана риса, картошка, морковь, лук. Медленно кипятить, добавляя компоненты через положенные промежутки времени, заправить и затем — счастливая идея! — перед подачей на стол влить ром. Потрясающе вкусно!) Итак,

кок подает похлебку помощнику и шкиперу, которые по очереди спускаются вниз поесть и обогреться.

— Что это там за порт к западу? — спрашивает капитан. — Где он находится?

— С подветренной стороны, в четырех милях от нашего теперешнего местонахождения и в двух от того места, где мы были шесть часов назад, — отвечает штурман. — Неплохой порт. Надо держаться южной стороны пролива, пока не покажется маяк на острове Гринли, над вершиной острова Вуди, затем повернуть и, идя прямо на восток, войти в гавань.

— Ладно, — говорит шкипер. — Я думаю, мы туда и направимся.

— Ура! — восклицают в один голос штурман, кок и матрос.

Та же ночь и те же декорации

24 июня. Пролив

Теперь во тьме мчимся на запад так, словно фурии гонятся за нами по пятам. Вскоре мы уже можем различить контуры земли, еще более черной, чем сама ночь. С правого борта длинной низкой полосой тянется материк, слева впереди маячит масса острова. Между рифами и мелями осталась проходимой лишь узкая полоса вдоль самого берега острова. Когда мы вошли в этот проход, скорость наша была, вероятно, узлов семь, а из-за темноты казалось, что мы идем еще вдвое быстрее. И вдруг нас со всех сторон окружили гигантские призрачные фигуры, смутно белевшие во тьме: льды! Ни уменьшить скорость, ни изменить направление было уже невозможно, мы неслись прямо на айсберги. Помощник бросился на нос.

— Поворачивай, ради бога! — завопил он. — Надо выбираться! Нельзя же...

— Заткнись, — ответил капитан.

Хотя и казалось, что айсберги стоят сплошной стеной, как раз вовремя для нас открылся какой-то проход, и мы прошли через него;

вокруг кипел белый ледяной прибой. Здесь как будто были сотни айсбергов, светившихся во тьме зеленоватым и мертвенно-голубым светом. Мне надо было справиться по карте, и я поспешил вниз, чтобы хоть на миг оторвать глаза от этого жуткого зрелища.

Мы все же прошли сквозь лес айсбергов. Нас снова окружала лишь ночная тьма да берег, черневший с подветренной стороны. И вдруг из-за холмов острова прорвался огонь маяка на острове Гринли. Теперь приятный момент маневрирования был уже близок! Берег постепенно понижался, пока не превратился в низкую отмель, едва различимую на черном фоне моря. Где же она кончается! Как определить координаты маяка? Это было невозможно. Я выждал, пока мы не приблизились к берегу вплотную.

— Готово, — крикнул я, — давай!

Мы рванулись против ветра. Паруса забились с бешеной силой, полотнища грота со свистом хлопают по палубе, яростно трещат блоки — адский концерт! Бот замер на повороте, затем большая волна ударила в нос с правого борта и снова отбросила нас назад. Маневр не удался.

К моменту, когда бот набрал разбег для второй попытки, мы были у подветренного берега материка. Снова бросок навстречу ветру, наперекор его яростным воплям. Но теперь к ним прибавился еще рев прибоя. Помощник, обхватив ногами ванты, повис на шкоте с левого борта, отчаянно вцепившись в рвущийся из рук стаксель. Налетевший шквал уложил нас на левый борт, и помощник, не выпустивший стакселя из рук, оказался по шею в воде. Маневр сорвался вторично.

Теперь мы находились так близко к скалам, что поворот через фордевинд был уже невозможен. Оставалась последняя надежда: якорь. Бросили его за борт, размотав вслед 10 сажений троса. Якорь коснулся дна. Прибавили еще две сажени. Бот остановился и стоял теперь на якоре в толчее прилива, в сорока футах от подветренного берега; кругом бушевал шторм. Что же дальше?

Среди моего имущества была одна пара вязаных варежек с рисунком в виде сердечка. В ту ночь их надел шкипер, и каким-то образом я заметил, что в суматохе и тревоге последних минут он стащил одну варежку и кинул ее на палубу. Мысль о том, что ее может смыть волной в море, так мучила меня, что, как только спустили парус,

я, тщательно скрывая от других свои намерения, отправился на розыски. Я нашел ее. И душа моя обрела покой в надежной гавани.

25 июня. Залив Брадор

Приливное течение несло на восток, штормовой ветер дул с востока; ночь была наполнена шумом раздираемой бушующей воды. Бот бросало с борта на борт между ветром и течением. Весь залитый водой, он находился в плачевном состоянии. Это место не было приспособлено для стоянки.

Не успели мы закрепить грот онемевшими от холода пальцами и убрать с палубы все лишнее, как сразу же подняли якорь и по-прежнему в кромешной тьме вновь пустились в море. Шли под стакселем, по ветру, держа курс на запад, вначале и не думая ни о чем, кроме того, чтобы как-то выбраться из затруднительного положения, в котором очутились.

Затем внезапно мрак стал рассеиваться и вокруг начал медленно выползать день. Мы снова увидели этот богом забытый, длинный, угрюмый берег Лабрадора, увидели себя самих, то есть друг друга, с ввалившимися глазами, увидели наш бот и белую пену, которую он оставлял за кормой на темной поверхности воды. Увидели, как ветер гонит по заливу серо-зеленые волны с белыми гребнями, увидели

айсберги, разбросанные там и сям, словно дикие арктические цветы. А вот и скрытое солнце выбросило свои лучи из-за пузатых облаков. Рассвет и шторм. Свинцовое небо с красными, как раскаленное железо, полосами и айсберги, загорающиеся от прикосновения солнечных лучей бледно-голубым и изумрудным светом.

На выступе берега деревушка — рассыпанная кучка домов и церковь со шпилем. Она выглядит такой заброшенной и безжизненной в этот ранний рассветный час.

Парус! На юго-западе от нас шхуна под малыми парусами пробирается в Бродор. Мы пошли за ней следом. Далеко в самой глубине залива бросаем якорь и стоим бок о бок, словно утка с утенком. Долгая ночь кончилась.

*Остров Монхеган
Залив Брэдор*

Однажды много лет назад в Мэне в холодный зимний день ко мне в дом вбежал мальчишка.

— Велели тебя позвать, — сказал он, — хотят, чтобы ты взорвал могилу для старой миссис Смит.

Дело в том, что в те времена делать дыры в земле было моей специальностью: я копал колодцы. Итак, надев рукавицы, кепку, захватив восьмифунтовый молот и длинный бур, сунув в карман несколько шашек динамита вместе с прочими принадлежностями, я стал подниматься на холм, где находилось кладбище. Там мои приятели могильщики безуспешно ковыряли замерзшую землю.

— Дайте-ка покажу, как это делается, — сказал я.

Мы вместе с напарником Хирамом Касальесом, который придерживал бур, вогнали его в землю на три фута. Я вставил шнур в капсулю, крепко сжал капсулю зубами и попытался засунуть его в динамит. Ничего не вышло. Динамит замерз. Тогда я перочинным

ножом проделал в динамите углубление, положил туда капсуль со шнуром, замазал отверстие мылом и, опустив готовый заряд в яму, придавил его землей. Затем спичкой поджег шнур, и все мы удалились на приличное расстояние, чтобы оттуда любоваться фейерверком.

Секунда, минута, две, наконец пять... Через некоторое время с затаенным страхом опять приблизились к могиле.

— Попробуем еще раз, — сказал я.

Опять осечка.

— Динамит у тебя замерз, — сказал Эрнест Уинкапо, который как раз в этот момент подошел к нам. — Пошли, будем его оттаивать.

И мы стали спускаться вниз с холма к аккуратному маленькому домику Эрнеста. На кухне его молодая жена жарила оладьи; здесь же подле нее играли ребятишки.

Эрнест открыл дверцу печки, положил туда динамит и снова закрыл дверцу. Мы уселись ждать. С этого момента я следил за каждым своим движением или словом, стараясь казаться абсолютно спокойным.

Динамит в конце концов взорвался. Правда, это произошло не раньше, чем мы благополучно поместили его в землю.

Но вернемся опять в кухню. Я получил романтическое воспитание: я привык считать, что с любовью, с жизнью и с динамитом шутить не полагается и что положить динамит в печку — значит идти на верную смерть. И что же, разве я сидел безучастно, ожидая неминуемой гибели? Какая чепуха! Просто я хорошо знал этого человека. Знал, насколько он опытен в подобного рода вещах, а поэтому был убежден, что никакая опасность мне не грозит. Именно такая уверенность в ком-нибудь или в чем-нибудь, такая надежда на бога, счастье, на судьбу или на самого себя кроется за большинством отважных поступков.

* * *

Итак, события последних сорока часов увеличили мое уважение к морской сноровке нашего капитана и поколебали мое мнение о его разумности. Поколебали настолько, что я, дорожа своей жизнью не

больше, но и не меньше, чем большинство людей, решил обратиться к нему примерно с такой речью:

— Послушайте, Сэм, мы за два дня дважды чуть не разбились. Не слишком ли много за такой период? Ведь мы хотим доплыть до места да еще вернуться.

— Вот и я так считаю, — серьезно отозвался капитан.

В заливе Бадор есть почтовое отделение. «Мы разобьемся прежде, чем достигнем цели», — написал я, но разорвал письмо.

*Залив Бродор.
Лабрадор, Канада*

На берегу залива Бродор есть маленький летний лабрадорский поселок. В домах тепло и уютно. Кухни и спальни оклеены веселыми картинками из воскресных приложений к газетам. Деревянная мебель и утварь выкрашены в ярко-голубой и красный цвета, на крашеном полу постланы вязаные дорожки с изображениями кораблей, собак и птиц. На спинке качалки и на столе вышитые салфетки. Печь блещет чистотой, кастрюли и сковородки сияют. Вещей в домах немного, зато все, что есть, свое, большей частью сделанное своими руками, и несет на себе отпечаток домашнего уюта. Лабрадорцы — народ бедный, преимущественно потомки французов, поселившихся здесь несколько поколений назад. Каждый год на исходе весны из своих домов в глубине материка они перебираются сюда целыми семьями — мужчины, женщины, дети и собаки — на все лето охотиться на тюленей и ловить рыбу.

Залив Бродор служит также местом встреч ньюфаундлендских рыбаков. Их суда стоят на якоре в маленькой бухте против поселка. Рыбаки приезжают из далекого внешнего мира, и если у лабрадорца в кармане грош, то у них, по крайней мере, два; кроме того, они произносят французские названия Блан-Саблон, Анс-о-Лу и Иль-о-Буа как Блэнк-Салмон, Нэнси-лу и Айлибай. Поэтому они считают себя гораздо выше лабрадорцев и не очень дружат с ними. Но при всем этом они добродушны, отважны и ничуть не хуже своих соседей.

Островок, на котором расположен поселок, всего-навсего бедный, непритязательный клочок земли без единого деревца, но для нас, нашедших здесь освобождение из морского плена, в нем заключено все, что может дать человеку любая суша и даже родная земля. Маленькие холмики представлялись нам горами, и мы взбирались на них, чтобы обозреть мир. Узкие ущелья казались надежной защитой от ветра, пруды превратились в озера, в которых можно было купаться, а уж как мягок бы А мох под нашими босыми ногами!

Мы провели в уютной островной бухточке три ночи. Сначала был ветер и дождь, потом выглянуло солнце и стало тихо. Оба дня мы делали попытку отплыть, однако каждый раз удавалось дойти лишь до скалы, называвшейся Бульдог. Там мы толклись часами. Причем иной раз нас прибивало так близко к скале, что приходилось пускать в ход весла, чтобы не налететь на нее. С наступлением темноты мы каждый раз возвращались назад и снова бросали якорь в глубине бухты. После этого шли в гости или принимали гостей у себя.

В один из вечеров у нас состоялась памятная беседа. С нами обедали два капитана, Эндрюс и Барбур, из залива Тринити. За бобами и ромом они рассказали нам о тяжелой жизни на тюленьих промыслах Ньюфаундленда, о бедствиях и опасностях, которым подвергаются охотники. Когда они дошли до трагических событий весны 1914 года, я, припомнив свои тогдашние записи, в свою очередь рассказал, что мне было известно. Позже нашел среди бумаг эти записки. Вот они.

*Бригус, Ньюфаундленд
Март 1914 г.*

Держу в руке письмо и читаю:

«Милый, у нас в Нью-Йорке снежный буран, и мы со страхом думаем о том, что придется выносить тебе на Ньюфаундленде. Если у нас снегу напало несколько футов, а двадцатиградусные морозы причиняют столько страданий, то у вас теперь, должно быть, целые горы снегу и такой холод, какого мы даже представить себе не можем. Береги себя. Одевайся теплее. На ночь непременно надевай шерстяные носки и шапку, которые я тебе связала».

Ха! Я сижу в прогретой солнцем тени на пороге старого дома, перестройкой которого занимаюсь, и с улыбкой читаю эти предостережения. Последний день февраля, завтра — начало весны. Солнце еще низко, но светит уже почти с 6 до 6. С каждым днем оно все больше растапливает снег, размягчает коричневую землю. Ручьи

полны, и воздух звенит от их журчания. Поют морские птицы. На моем уютном холмике, обращенном к югу, уже весна!

В марте все дни были, как этот первый, и даже лучше. Солнце подсушило землю и вызвало на свет из влажных участков почвы зеленые ростки травы. Я распростился с тяжелыми кожаными сапогами и бегал уже в легкой обуви. Дом был почти достроен и радовал глаз. Вокруг я поставил забор, сделал из шпангоута арочные ворота. Над входом в дом прикрепил вырезанную из дерева фигуру девушки. Прежде она украшала нос какой-то старинной шхуны. У нее были такие черные волосы, такая белая шея и такие румяные щеки, что она ни в чем не уступала первым красоткам Ньюфаундленда.

Почти ежедневно ко мне приходили гости из порта, по большей части старики, потому что вся местная молодежь охотилась на льду. Гости стояли подле меня на солнечном склоне и, должно быть, вспоминая свою молодость, рассказывали, какое это прекрасное место для весеннего гулянья.

— Ты погоди, вот когда вернутся с промысла ребята да начнут приходить сюда с девушками, уж тогда скучно не будет. Здесь очень рано появляются одуванчики. Нравятся тебе одуванчики? Вот это красота, когда они покроют здесь все до самой воды.

Мой дом стоял на отшибе, словно оглядываясь на город, оставшийся позади, на другой стороне гавани. Отсюда были видны суда, спокойно стоявшие на якоре: пока еще не началась суэта перед отплытием к Лабрадору. На противоположном берегу виднелись холмы такие же, как мой, только более мрачные, потому что они были обращены на север. На моем холме между камнями попадались лужайки и в траве росли дикие ягоды. Когда они поспеют, тут будет полно ребятишек.

Гости мои были очень любезны и заботились о моих нуждах. Один притащил хлеб, пирог и молоко в бутылке из-под рома, другой пару козьих шкур, чтобы постелить на пол, третий, услышав, что я сплю на голых досках, так как постель моя еще не прибыла, принес на голове перину и подушку, завернутые в парус. Я отпетый безбожник, но все воскресные вечера проводил в уютной методистской церкви вместе с моим плотником и приятелем Робертом Перси. В конце концов, почему не пойти, если это приятно? Там все очень приветливы, а от старых гимнов становилось тепло на сердце.

Вечером в воскресенье 29 марта я отправился с Робертом Перси в англиканскую церковь — церковь моего детства. Накануне местный священник нанес мне официальный визит и заявил на меня права. В этой церкви было уютнее, чем в большом молитвенном доме методистов, но нестерпимо скучно. Может быть, возвращение молодежи с охоты и оживит эти богослужения. Мы вышли из церквушки поздно вечером. Воздух был холодный, а небо все усыпано яркими звездами. За нашими спинами слева висел молодой месяц, только что собравшийся закатиться. Все это показалось мне на редкость красивым.

— Плохой месяц, — сказал Роберт Перси, — будет шторм. Гляди-ка, на него можно повесить рожок с порохом.

Действительно, тонкий полумесяц лежал почти горизонтально. Но я не хотел верить дурным предзнаменованиям и стал допытываться, почему он так думает.

— Эта примета никогда не обманывала, — ответил он.

Дома у него мы застали бабушку, одиноко сидевшую в кухне. Один ребенок спал в своей постели, старший был в церкви с матерью, а младшая, Грэйс, черноволосая и очень румяная, уснула на кушетке в кухне. Бабушка освободила нам место у печки. Это необычайно впечатлительная женщина: она сразу помрачнела, услышав, что месяц лежит на спине. Вскоре вернулась жена Роберта Перси и приготовила чай. Каждый вечер в ее доме настоящий пир для меня. У нее такой вкусный хлеб! Тем более что мой недостроенный дом пока еще ожидает своего хлебопека.

В понедельник вечером, по дороге в гавань, я снова увидел над холмом молодой месяц. Воздух был еще прозрачнее, чем накануне, но, несмотря на это, вокруг серпа был заметен ореол. Видно было всю луну, слабо освещенную светом земли. Я опять подумал о дурном предзнаменовании насчет рожка с порохом, и оно опять показалось мне неправдоподобным. Увидим, сказал я себе и вступил в длинную полосу тени, отбрасываемой холмом. В голове у меня мелькнула строка из Вордсворта: «Какие тайны знает страсть!»^[17].

На другой день проснулся в шесть утра. Высунул нос из-под одеяла и, выглядывая из-за стоящей горой перины, постарался определить, какая будет сегодня погода. Через верхнюю часть маленького окошка, вырубленного под самым карнизом, мне виден

берег на той стороне гавани. Если бы погода была ясная, я узнал бы об этом прежде, чем успел бы отыскать глазами далекие холмы и дома, потому что моя комната была бы залита отраженным солнечным светом. В тот же вторник, в последний день марта, в шесть утра, сквозь три узких стекла в верхнем оконном переплете я увидел только унылую серую пустоту. Лишь спустя некоторое время можно было различить слабые очертания холмов. Между мной и ними опустилась снежная завеса. Я встал, развел огонь, внес в дом запас угля, дров и воды на тот случай, если начнется шторм. Воздух был ледяной, влажный; сильный порывистый ветер гнал по двору снег.

Мой дом защищен холмом и обычно недоступен ветрам ни с востока, ни с запада, ни с севера; они могут задеть его лишь короткими разрозненными порывами. Но сегодня ветер разыгрался не на шутку. Яростно набрасываясь на стоящие позади холмы, он не пропускал ни одного закоулка и залетал рикошетом в места, в которые у него не было прямого доступа. Сидя в доме, я мог судить об этом по печной трубе. Сначала зарычал огонь в топке, затем ветер ворвался в дымоход и наполнил всю комнату облаками дыма, смешанного с мелкой угольной пылью. Я терпел это в течение часа, а потом, взяв с полки зубную щетку, бритву, блокнот, в котором теперь описываю эти события, и томик под названием «Старые верования в новом освещении», которым ссудил меня методистский пастор, по возможности укрыв все остальное от проникновения сажи, отправился в гавань.

По пути я начал постигать серьезность шторма. Снег уже толстым слоем покрыл землю, и сильно мело. Дувший в спину ветер подгонял меня без всяких церемоний, то и дело швырял в сугробы и стал по-настоящему опасен там, где дорога шла по скале, нависшей на высоте 50 футов над гаванью. Недалеко от города я увидел человека, идущего навстречу против бури. Поджидая меня, он остановился под защитой скалы. Это был сапожник, который нес мне отремонтированные башмаки, увязанные в красный носовой платок. Я подозреваю, что он предпринял этот поход не столько ради заказа, сколько в предвкушении удовольствия поболтать. И мы с четверть часа болтали с ним, стоя в расселине скалы. Этот человек чинил обувь, рыболовные сети, цирюльничал, брался за любую несложную работу и получал за все это очень мало. Он показал мне свой карманный ножик, зазубрившийся в

прошлом году при падении на камни, когда он и получил увечье, вынудившее его взяться за починку обуви.

Я провел в гавани почти весь день. Обедал с Робертом Перси и его семьей, отработал им малую толику, срезая сучки с еловых ветвей, предназначенных на подстилку корове. Во второй половине дня я вернулся домой, хотя хозяева просили меня остаться. Шторм достиг большой силы, поэтому у всех в поведении проскальзывал страх и стремление удержать человека под крышей. Я выдержал настоящее сражение, покуда достиг дома. Ветер перехватывал дыхание и жалил лицо колючим снегом. Смотреть вперед было невозможно, но временами удавалось все же бросить взгляд за пределы тропинки, по которой я с усилием продвигался, и я различал в воздухе снежные валы, гонимые бурей.

Добравшись до дому, затопил было печь, но тут же поспешно загасил, так как кухня сразу же наполнилась дымом. Пришлось оставить дом и вернуться в гавань. Обрато я шел по ветру, и это было легче. По дороге я обратил внимание на ручьи, которые так весело журчали во время недавних весенних дней. Теперь они были погребены под снежными наносами толщиной в шесть футов.

Когда я, отряхнув снег в передней, вошел в дом Перси, раздался общий возглас облегчения. Для этих людей всякая буря связана с океанским штормом и вызывает ужас. До этого времени я никогда так ясно не понимал, что шторм всегда влечет за собой чью-нибудь гибель среди семей, связанных с морем.

На тюленьих промыслах нажиты целые состояния. Города построены и процветают на доллары, которые в былое время парусный флот привозил с ледяных полей. Эти города пришли в упадок после того, как сталь и пар свели на нет вложенный в них капитал и положили начало торговому флоту Сент-Джонса. Теперь люди редко садятся на судно в собственной гавани, но вслед за своими капитанами отправляются в столицу и поступают там на службу либо под начало тех же капитанов, либо куда-нибудь еще.

К флоту Сент-Джонса принадлежали пароходы «Флоризель» и «Стефано» с линии Красного Креста, «Бель-авантю» и «Бонавантю», «Эрик», ходивший на север с Пири, а также «Терра Нова» героического капитана Скотта, «Саузерн Кросс» Шеклтона, «Нептун», «Викинг», «Ньюфаундленд» и другие^[18]. Судов много, но и они не могут

вместить те армии людей, которые стекаются в Сент-Джонс. Люди приезжают по железной дороге и морем или приходят пешком, сотнями наводняя город. Улицы заполнены моряками в высоких сапогах. Места на пароходах нарасхват, так что заранее заказанные билеты перепродаются за 5, 10 и даже 15 долларов. Я беседовал с одним человеком, который заболел и продал забронированное за ним место за 35 долларов. Это половина той суммы, которую можно заработать за месяц охоты на тюленей. Как-то я зашел в почтовое отделение в Сент-Джонсе, чтобы телеграфировать в Нью-Йорк относительно моего рабочего ящика. Там же был один матрос, который отправлял телеграмму следующего содержания: «Миссис Джон Берне. Купил билет на «Саузерн Кросс», отплываю завтра вечером».

— Вы можете прибавить еще одно слово.

— Тогда припишите: «Прощай», — сказал матрос.

Я не охотился на льду, но уверен, что во всем мире всякая физическая работа одинаково изнурительна, потому что люди в одном краю не храбрее и не сильнее, чем в другом. Их заработок составляет лишь небольшую часть стоимости их труда, за риск же они ничего не получают. Поэтому опасность в расчет не принимается. Местом для охоты на тюленей служат ледяные поля, проплывающие каждой весной через залив Святого Лаврентия в Атлантический океан у восточного побережья Ньюфаундленда. Группы охотников с утра до вечера бродят в поисках тюленей, удаляясь на несколько миль от своего судна. Человек может сломать ногу на неровной поверхности или свалиться в море, перебираясь через открытые пространства воды. Льдины часто трескаются, и тогда образовавшийся проток преграждает обратный путь к судну; порой поднявшаяся метель скрывает все от глаз и заставляет человека блуждать в одиночестве. 80 лет тюленьих промыслов обошлись во много сотен жизней.

Я уже стоял в кухне, когда Роберт Перси проговорил:

— «Саузерн Кросс» прошел Чаннел в понедельник.

Эти слова вызвали в семье общее волнение. Раздались горестные вздохи и восклицания, и, взглянув на них, я сразу почувствовал, насколько неприятно это известие.

— Утром пароход прошел Сен-Пьер и Микелон, но маловероятно, что он заходил в эти пункты.

Ураган был ужасный, замерзшие стекла затемняли комнату и скрывали от глаз бурю. Ветер зловеще завывал в трубе, старый дом скрипел, как древний корабль. Мы все сгрудились у печки, думая только о буре и судьбе «Саузерн Кросс». Особенно примечательно держалась бабушка. После первых же сообщений о «Саузерн Кросс» она сочла корабль погибшим. Меня всегда поражало благородство осанки и лица этой женщины. Сейчас в предвидении несчастья, исполненная суровой печали, она напоминала героиню греческой трагедии.

Ко времени вечернего чая зашел человек и принес с телеграфа свежие новости. Собственно, они заключались в том, что о пропавшем судне больше не слышали ни звука.

— Да, — сказал он, — здесь у нас порядком поредет после этого дела.

Бабушка застонала и вышла из комнаты.

Вечером я поднялся было, чтобы уйти, но никто и слышать не хотел об этом. Какая-то старушка, которую я никогда раньше не видел, узнав о том, что я нахожусь у Перси, тоже сказала: «Не отпускайте его домой». Я недавно подружился с этими людьми, но, если бы теперь ушел, ни одна из женщин не сомкнула бы глаз. Они ни за что не хотели разрешить мне расположиться на кушетке в кухне. Меня уложили вместе с Робертом Перси, так что я смог полюбоваться его старыми вязаными кальсонами розового цвета. На полу в передней всю ночь горела лампа, равномерно освещая все комнаты; старые часы в передней били каждый час и полчаса, как отбивают склянки на корабле.

Утром в среду ветер дул с неменьшей силой, но теперь уже с запада. День во всем походил на вчерашний. Можно было лишь догадываться, что где-то над несущимися серыми снежными облаками существует ясное небо. Я отправился на розыски своего дома. Дом, разумеется, стоял на том же месте, но издали был совершенно невидим. По пути выросли сугробы невероятных размеров; дом занесло по самые окошки, так что внутри царил мрак, хоть лампу зажигай. А мой ручей! Исчезли даже покатые склоны ложбины, служившей ему руслом, снег заполнил ее до краев. За один только день мы очутились снова среди глубокой зимы. Без воды жить было неудобно, и я снова возвратился в гавань. Поднимаясь по дороге к дому Перси, я увидел

кучку людей, столпившихся перед входом. Какую ужасную новость они принесли! Никогда мне не забыть этого. Прошлой ночью все 160 человек, находившиеся на пароходе «Ньюфаундленд», замерзли во льдах.

Нелегко представить себе подобную смерть, но в это утро один человек в лавке рассказал такую историю. В 1898 году после охоты на льду они вошли в порт Сент-Джонс в радостной и твердой уверенности, что прибыли первыми. Но у причала уже высились мачты другого промыслового судна: их опередили. Бросили якорь, послали на берег боцмана с небольшой группой людей, в числе которых находился и рассказчик. На пристани было полно народу, у многих повязки на руках и ногах. С судна на берег выносили трупы замерзших. Почти все тела были совершенно голые, так как после смерти их одежду забрали для спасения других. Трупы сохраняли самые разные положения: одни скорчены, чуть не сложены пополам, другие вытянулись во весь рост. Глаза широко открыты, как у живых, на лицах застыли гримасы. Трупы пришлось откалывать от ледяной горы на корме. На этом судне, называвшемся «Гренландия», погибло 48 человек.

В ночь со среды я опять спал вместе с Робертом Перси. Ветер дул с силой урагана, и снег несло сплошной стеной. Я мог бы вернуться домой, потому что дорога была уже испытана, но остался, чтобы мои друзья не волновались. Прошли четверг, пятница и суббота. Погода по-прежнему стояла суровая. Я разрыл сугроб и нашел воду. Уголь у меня кончился, я с трудом приволок по снегу мешок из города. Все дни с утра до вечера помещение телеграфа в порту было битком набито людьми. Телеграммы доставлялись моментально, дети выполняли роль посыльных, они тут же сами переписывали их и разносили. Выяснилось, что кое-кто на «Ньюфаундленде» выжил, и список погибших сократился наполовину по сравнению с первоначальными сведениями. И все же трудно было поверить в это, настолько все было ужасно.

О «Саузерн Кросс» по-прежнему не поступало никаких известий. В газетах Сент-Джонса был напечатан список офицеров и команды, число их доходило до 170. Мне показали дома некоторых из них. Опасения, что пароход погиб, перешли почти в уверенность. Всякое упоминание о доме, жене, детях, о надеждах и планах кого-нибудь из находившихся на корабле звучало трагически. Когда погибает сотня

людей, эта жизненная драма заключает в себе целый мир. Тут все: материнская любовь, годы юности, история любви и женитьбы. Эта драма задевает всю гамму эмоций десятка тысяч живых людей.

Священник посетил жену и дочь капитана «Саузерн Кросс». Жена наплакалась до изнеможения, а девочка лежала в полубреду и звала отца. Дела по дому были заброшены, и всю неделю никто почти ничего не ел. Во вторник в доме сделали уборку, все помыли, приготовились к приезду отца. Это происходило как раз в тот день, когда другие уже знали, что капитан никогда не вернется. Был и другой дом, в котором тоже мало ели в эти дни из-за горя и бедности. Мать лежала в постели, не оправившись от рождения семимесячного ребенка, которого она родила одна, без всякой помощи. У нее было еще несколько маленьких ребятишек и никого из взрослых, чтобы поддержать ее. Гибель «Саузерн Кросс» неминуемо должна была свести ее с ума, потому что она и так была очень слаба, а после родов мысли ее еще сильнее пугались.

В пятницу пришла весть, что в заливе Пласеншия замечено трехмачтовое судно. Возможно, это «Саузерн Кросс». Новость дошла частным путем до аптекаря. Его просили никому ничего не говорить, пока не придет какое-нибудь подтверждение. Разумеется, весть разнеслась по городу с быстротой лесного пожара. Не прошло и часа, как известие опровергли: то было не «Саузерн Кросс», а другое судно. Последняя новость дошла и до дома Перси. У них не было близких родственников на «Саузерн Кросс», но эти люди горюют не только о тех, с кем они тесно связаны. Еще после первого известия бабушка отправилась в дом капитана, к его жене и ребенку, и вернулась, совсем упав духом. Там было много народу, и хотя посетители вскоре узнали, что слух о спасении опровергнут, они не решились лишить бедную женщину этой надежды. К вечеру страх вернулся к бедняжке, и она со слезами стала умолять сказать ей правду. Как ужасны ложные надежды!..

Рассказывали про другую женщину, которая в своем отчаянии утешалась лишь тем, что ей не явился дух покойника.

— Не верю, не верю! — кричала она. — Я бы увидела знамение!

Можно ли верить знамениям?

В 1872 году пароход «Вилледж Белл» находился во льдах. Как-то ночью жена одного из моряков проснулась. Ей чудился топот ног на

улице, ведущей от берега к дому: это люди несли на плечах сундучок ее мужа и у ворот тяжело опустили его на землю. Женщина вскочила с постели, подбежала к двери, распахнула ее. Стояла тихая ночь, нигде не было слышно ни звука. Ни людей, ни сундука. В эту ночь муж женщины и еще одиннадцать охотников погибли на льду.

Третья женщина, муж которой пропал, возвращаясь с Лабрадора, мечтала хотя бы о каком-нибудь знамении. Она вставала по ночам и, достав из шкафа одежду мужа, бродила по дому и звала его.

— Вы бы заговорили с мужем, если бы он вот так явился вам ночью? — спросил кто-то из присутствующих.

— Я бы побоялась, — взволнованно сказала молодая жена Роберта.

Снова мы заговорили о несчастных жене и дочери капитана и спросили бабушку, состоявшую с ними в дальнем родстве, не собирается ли она навестить их завтра.

— Нет, — ответила она. — Я уже была у них сегодня, сказала девочке, что она потеряла лучшего на свете отца, но на то божья воля.

Наступил понедельник 6 апреля, и вот наконец светит солнце, проливая на землю бальзам возвращающейся весны. На рассвете я нагишом стоял возле дома, всем телом ощущая солнечное тепло; воздух был наполнен звуками капли. Еще несколько дней — и с земли исчезнут последние следы этой второй зимы. Возобновится рост травы, на старом кусте сирени будут продолжать наливаться почки, и можно будет ожидать обещанного появления одуванчиков в июне. Город на той стороне гавани станет опять таким же безмятежным и красивым, как в весеннее утро неделю назад. И впредь, во все времена года, он будет твердо стоять, обратив к морю свое обветренное лицо, и, если не считать упадка его могущества, ничем не выдаст, какие несчастья поразили его в самое сердце.

*Бригус, Ньюфаундленд.
Нью-Йорк*

Что касается фигурки девушки, украшавшей вход в мой ньюфаундлендский дом, то с горечью должен добавить следующее: я нашел ее в 1914 году на одном корабле, пострадавшем от бури, в куче разного хлама. Я забрал ее, помыл, выскоблил и отполировал. Покрасил ей лицо и шею белой, щеки розовой, а волосы блестящей черной краской. Украсил ее ожерельем, золотыми сережками и поставил так, чтобы все мужчины могли любоваться ею.

Позже, когда я покидал Ньюфаундленд, мне хотелось взять фигурку с собой. Я предложил за нее владельцу столько, сколько мог. Но мог я немного, так как был беден. Пришлось оставить ее там.

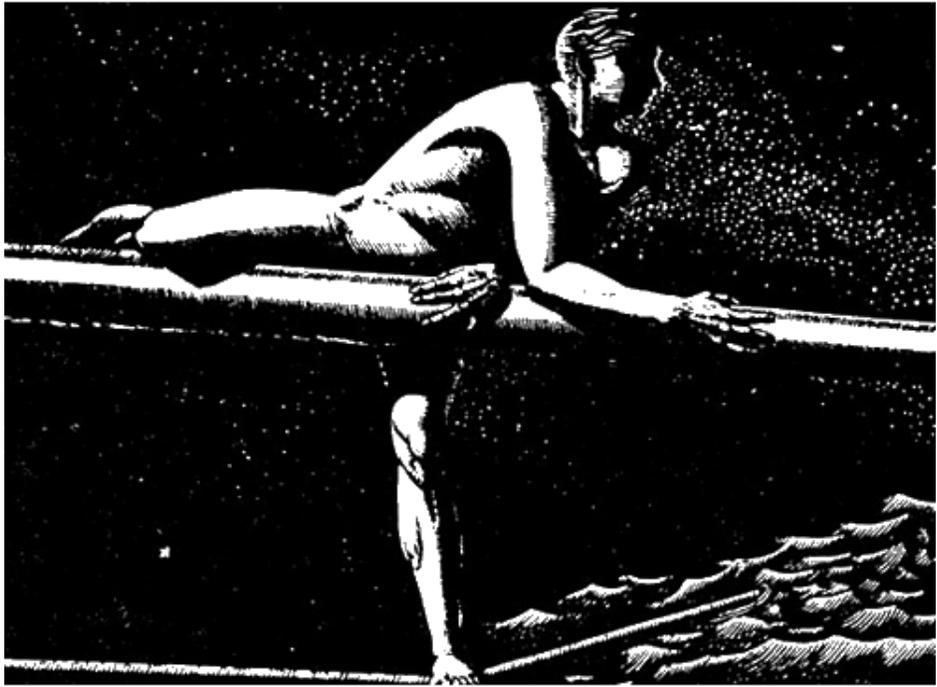
Прошло еще десять лет, и вот однажды в Нью-Йорке, зайдя в модный антикварный магазин, я обнаружил ее. Из гущи редких шкатулок, стульев, старинных часов и фарфора — обветшалого фамильного имущества разорившейся аристократии — эта матросская подружка равнодушно взидала на окружающее, словно и комната, и

город, и весь мир были частью тех необъятных морских и небесных просторов, среди которых она родилась. Когда я обернулся и подбежал к ней, сладкие воспоминания, чуть ли не любовь, теснились и звучали в моем сердце, в мозгу. Но едва протянув руку, чтобы дотронуться до фигурки, как бывало, я внезапно почувствовал, что это невозможно; я понял, какую работу произвело здесь время, и мысленно обругал себя.

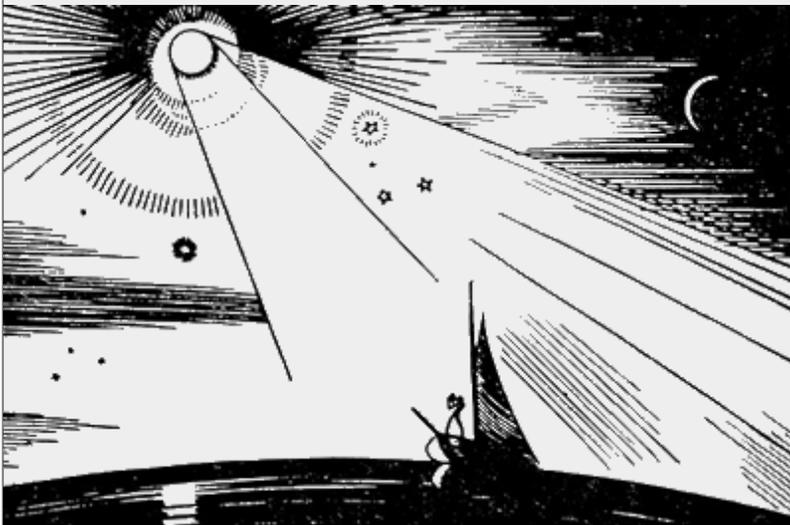
— Где вы нашли ее? — шепотом спросил я у продавца.

— В Бостоне, — ответил он также шепотом.

И я, даже не рискнув выяснить ее городскую цену, на цыпочках вышел из магазина.

XXVIII

Залив Брадор. Штиль

Но в этот вечер рассказов за бобами и ромом случилось еще одно событие, которое наводило на мрачные размышления и, возможно, привело к столь трагическим последствиям в дальнейшем. Хотя оно так и осталось загадкой, я все же перечислю факты и вкратце изложу сопутствовавшие им особые обстоятельства, как обычно делают в начальных главах своих произведений авторы романов, наполненных тайнами и ужасами.

В силу необходимости моя штурманская подготовка к этому плаванию прошла самым спешным образом. За короткое свободное время, имевшееся у меня перед отплытием, я постарался овладеть решением кое-каких простейших задач, чего, по моим представлениям, на первый случай было достаточно. Для того чтобы понять их, я бегло, но достаточно четко разобрался в основах сферической геометрии, на которых строятся формулы для решения этих задач. Не рискуя полагаться только на свою память и в то же время считая ниже своего достоинства списывать с учебника, я выбрал основные формулы и

положения, переписал их себе в специальную тетрадь, расположив, как мне было удобно. Затем, чтобы придать тетради вид, подобающий мореходному руководству, я на настоящий морской манер обернул ее клеенкой.

Мое первое упражнение во вновь изученном искусстве дало, как уже говорилось, ошибочные результаты, и я был этим серьезно сконфужен. Поэтому дальше я упражнялся и проверял себя при каждом удобном случае, пока наконец не достиг того, что в часы, когда мы бездействовали, дрейфуя возле залива Бродор, мог уже с абсолютной точностью производить наблюдения солнца. Даже умел доказать, что мы действительно находимся в заливе Бродор, если бы кто-нибудь в этом усомнился. При всех вычислениях я пользовался своей клеенчатой тетрадью и даже изобрел способ высчитывать, накладывая кальку поверх написанных в тетради формул. Должно было казаться, будто вся моя штурманская деятельность целиком зависит от этой магической книги.

Назначение штурманом такого неопытного человека, возможно, выглядело чересчур поспешным действием, особенно принимая во внимание выдающиеся, согласно его собственной оценке, данные помощника.

— Я, — заявил он напыщенно, — прочел абсолютно все, что издано по навигации.

— Никто не читает книг по навигации, — воскликнул я с возмущением, — точно так же, как не читают учебников арифметики. Обычно их изучают.

Случилось так, что первый триумф моей точности совпал с днем нашего обеда с капитанами. День был безукоризненный — безоблачный, тихий и ясный, и мы «так удачно продвигались», что в четыре часа дня находились на том же месте, где были в полдень. Я засекал время. Затем взял высоту солнца в полдень по расчету, а в четыре или около того, поймав солнце зеркалом, медленно склонял его, пока солнце не коснулось моря. Я поймал этот самый момент, как кинооператор, и сделал расчет — абсолютно точно.

На клочке бумаги записал: 28 июня, местонахождение в 4 часа дня: $51^{\circ}28'35''$ северной широты, $57^{\circ}13'41''$ западной долготы.

— Проверьте, — сказал я, бросая листок на столик с картой перед капитаном, и понес драгоценную тетрадь обратно к себе на бак, где она

всегда стояла на полке, четвертой в ряду других десяти книг.

Капитан в два счета нанес мои данные на карту и заявил:

— Мы сейчас налетим на скалу Бульдог. Доставайте весла.

В тот вечер была основательная выпивка. Как только удалились оба шкипера, я залег спать. Спал таким крепким сном, какой может подарить человеку лишь чистая совесть в сочетании с ромом.

Встав поутру, я увидел следы настоящего побоища. Всюду валялись осколки. Даже стекло лампы, висевшей высоко над столом, по-видимому, пало жертвой чьего-то широкого жеста.

Это было в день нашего отплытия. Погода стояла ясная, и я сделал наблюдения. Затем отправился к полке за тетрадью, однако тетрадь исчезла. И хотя с тех пор я день за днем часами обыскивал тесное помещение, так больше ее и не видал.

Кто мог ее взять?

29 июня. Залив Сен-Клер

В 2.30 пополудни мы снялись с якоря. Нельзя сказать отплыли, потому что нас тащил буксир. Устав дожидаться ветра, стыдясь долгого бездействия, а еще больше повторения наших преждевременных прощаний, мы стремились хоть как-нибудь выбраться отсюда в море. Вблизи от входа в залив находится симпатичный островок, под названием Паракет. Там под защитой власти и могущества Канадского доминиона занимаются ухаживанием, любят друг друга и выводят птенцов самые занятные из мелких морских птиц. Это рай топорков^[19].

В виду островка мы распили прощальный кубок с капитаном Барбуром.

— До свидания! Счастливого плавания! Легкий ветер подхватил нас, бот набрал ход, и снова мы трое представляли друг для друга весь человеческий мир.

Затем легкий ветер подул сильнее, а с приближением вечера небо омрачилось черными тучами, предвещавшими непогоду. Два кашалота вынырнули с подветренной стороны. Подгоняемые крепчайшим

северо-восточным ветром, мы влетели в залив Сен-Клер и стали на якорь вблизи поселения. Мы научились осторожности.

Боже, что за место! Круглая бухта, открывающаяся к югу навстречу всем ветрам и волнам, которые могут прийти оттуда. Ровная однообразная линия берега с крутыми склонами окаймляет эту каменную чашу и прерывается лишь там, где мрачная долина ведет в глубь еще более мрачного материка. На северной стороне холма, поднимающегося уступами, беспорядочно рассыпаны потрепанные бурей хлипкие деревянные домишки, окруженные частоколами. Шаткие пристани и рыбацьи домики, похожие на клетки, выброшенные бурей на берег, лежат у самой воды. Всем этим человек словно повторил в миниатюре ужасное безобразие, созданное здесь природой. Причем, безобразие настолько полное и не смягчаемое хотя бы самой маленькой, но приятной сердцу вещью, что все эти детали в целом создают картину абсолютного запустения и заброшенности. Вдобавок, перекрывая даже шум ветра, с берега доносился вой доброй сотни псов.

Вскоре на лодках приехали гости. Они заполнили палубу и затем спустились вниз. Каюта была битком набита гостями; одни неуклюже стояли, другие расположились на неудобных сиденьях, держа на коленях руки с зажатými в них шапками. И эти люди, потомки потомков живших здесь поколений, родившиеся здесь, чтобы прожить всю жизнь и умереть в заливе Сен-Клер, ни разу не увидев ни дерева, ни поезда, ни города, ни обработанного поля, ни вообще ничего, кроме того, что окружало их, были совершенно такими же, как повсюду, только чуть-чуть робели. Как они могли выдерживать такую жизнь!

На следующий день, в воскресенье, мы отправились с визитом на берег. Как бедны были эти люди! Но как опрятно, чисто и уютно у них в домах, как удобно жилось там среди вещей, сделанных своими руками. По дороге я вдруг заметил в окне девичье лицо. Это длилось всего мгновение: постеснялся разглядывать девушку. Но, подумал я, как чудесно было бы жить здесь и не уезжать, жить здесь вечно!

Вечером к нам на борт явился молодой человек. Его беспокоили глаза, болевшие от снежной слепоты. Мы дали ему борной кислоты для промывания. Это был ладный симпатичный парень.

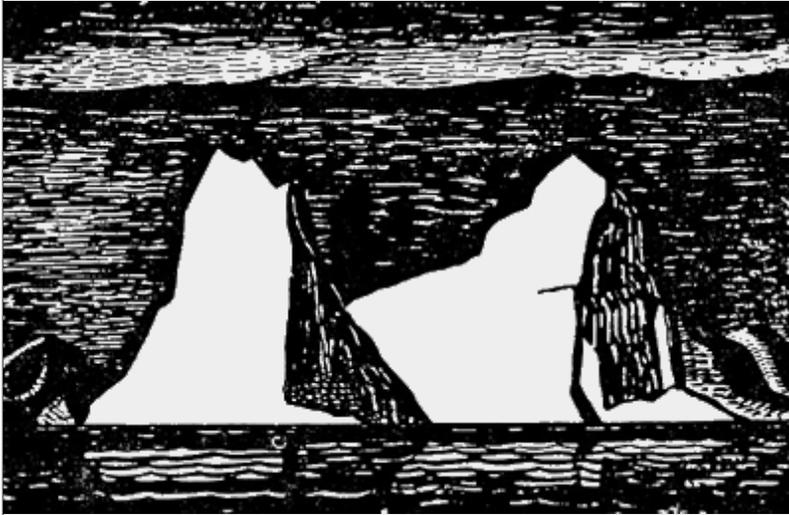
— Женат? — спросил я.

— Нет, — ответил он, — здесь девушек почти нет.

— Вон там, — сказал я ему, — в том квадратном низеньком домике, как раз за поворотом живет девушка. Будь я молодым, я бы не знал покоя ни днем, ни ночью, пока не добился бы ее.

— Да ну, — сказал он. — Успеется.

Норд-ост, бушевавший весь день и ночь, утих лишь в понедельник после полудня. Небо немного прояснилось, с северо-запада подул легкий ветер. Мы отчалили, и я думал о том, что никогда больше не увижу девушку в низеньком домике у поворота дорожки.

1 июля. Пролив

Не успели мы выйти из залива Сен-Клер, как нас окутал туман. Под этой непроглядной завесой, то при переменном ветре, то при штиле, во власти сильных течений, учесть которые у нас не было возможности, мы на протяжении 18 нескончаемых часов играли в жмурки с препятствиями в виде льдин и скал. Только случайное везение спасло нас от столкновения с ними. Через несколько часов после того, как спал туман, ленивый сторож маяка на мысе Амор зевнул, потянулся и пустил в ход свои колеса. В течение всей вахты я слушал доносящийся издали унылый рев диафона, смешанный с еще более унылым шумом дождя. Мы медленно дрейфовали по кругу, и лишь короткие толчки ветра по временам выправляли наш курс. Затем, около полуночи, совсем близко раздался долгий пугающий рев, какой бывает вокруг бурунов. В конце концов, определили, что это шум прибоя на западной стороне залива Форто. Таким образом, мы достигли места, где собирались заночевать неделю назад!

Итак, извлекая урок из опыта той ночи, попробуем выразить условия сохранения статус кво для каждого человека следующим уравнением: $a+v+C=X$ (где a и v — присущие нам сила и выносливость, C — божественный промысел, а X — сумма дьявольских сил). Тогда, чтобы получить формулу преодоления жизненных трудностей, мы должны только найти коэффициент уменьшения C или увеличения X , или лучше то и другое одновременно. Таким образом, жить становится просто, надо лишь поближе познакомиться с богом и с дьяволом.

Однако туман разрушил все наши расчеты. Утро застало нас в полном неведении насчет того, продвинулись мы к востоку или к западу, или, в известных пределах, к северу или к югу от нашего прежнего местонахождения.

— Мы дрейфовали на юго-запад, — изрек помощник, — и теперь вернулись назад в залив Святого Лаврентия.

Но хотя никто из нас не был склонен настаивать на том, что мы сильно продвинулись, подобная перспектива была уж чересчур мрачной, чтобы осуществились надежды, которыми были полны наши сердца. И так как ветер окреп и дул в нужном направлении, солнце пригревало и пар стлался за нами по воде, мы бодро поплыли на восток, готовые к любой счастливой вести, кроме той, которую будто устами архангела Гавриила послал нам бог. В ушах внезапно раздался идущий одновременно с запада и с востока трубный глас (назовем его так) — звук сигнальной сирены. Пока мы затаив дыхание вслушивались, стараясь понять это таинственное явление, звуки быстро приближались, как нарочно все время сливаясь друг с другом, словно специально для того, чтобы помешать распознать их.

Затем вблизи послышался шум воды, но ничего еще не было видно. Вдруг совсем близко с оглушительным гудком, прямо у кормы из тумана вырос пароход, колоссальный и страшный для нашего маленького суденышка. Разрезая волны и оставляя за собой широкий пенящийся след, он миновал нас. Туман снова сомкнулся, гудки становились все слабее и наконец совсем затерялись вдаль. Мы опять остались одни. Бот слегка покачивался на волнах, оставленных пароходом. И тут впереди, с правого борта, отчетливо и ровно раздался гнусавый рев сирены маяка. Мыс Норман! Мы прошли пролив.

Туман рассеялся. Мы увидели белый столб света и сигнальную будку под красной крышей, это был Белл-Айл — открытое море.
Попутный ветер и сорок миль до Батл-Харбора!

2 июля. Батл-Харбор

Близ юго-восточного угла Лабрадора, чуть севернее той неопределенной линии, за которой пролив Белл-Айл становится Атлантическим океаном, лежит остров Карибу. У северо-западной оконечности острова, так близко к нему, что их разделяет не более ста ярдов в самом широком и всего несколько футов в самом узком месте, расположен остров Батл. Узкий рукав воды между ними и есть Батл-Харбор.

Весь день держалась хорошая ясная погода, около полудня ветер принес нас к самому Лабрадору. В течение четырех часов мы наслаждались развертывавшейся перед нами панорамой вытянутого дикого берега, превращенного низкими лучами солнца в волшебно-прекрасную страну. И наконец, когда на нас уже стали покушаться длинные тени гор, а надвигавшиеся сумерки окутали прохладой, как раз тогда, когда мы больше всего на свете нуждались в гавани, горячем ужине и спокойном ночлеге, перед самым нашим носом оказались узкие ворота прохода Батл-Харбор — его черный ход. Однако проход

этот был настолько узким, что мы никогда не рискнули бы войти в него, если б не дружеская помощь рыбака, оказавшегося поблизости.

— Подойди к нам! — крикнули мы.

И десять минут спустя, следуя на буксире за его моторной лодкой, мы полным ходом вошли на рейд Батл-Харбора, бросили якорь и уселись пить кофе с горячими оладьями, какие пекут на Аляске.

XXXII

***52°15'30" северной широты
55°34'40" западной долготы***

Острова Самоа, их природа, быт и нравы островитян настолько часто описывались, что я позволю себе опустить это и продолжаю рассказ о самом путешествии. Пусть эти слова, принадлежащие храброму капитану Фоссу, позволят и мне избавить читателя от повторения всего, что можно сказать о Батл-Харборе, о местном населении, промыслах, пристанях, сушилках для рыбы, лавках, складах и Гренфельской миссии. Можно добавить, что столь же много написано и о гостеприимстве, о благах цивилизации, о друзьях, об удовольствии, которое все это может доставить избитым и истерзанным странникам, и что непозволительно рассказывать об этом даже в таком частном повествовании. В самом деле, уже так много написано решительно обо всем, что, если в полной мере уяснить себе значение мудрых слов старого капитана Фосса, все писатели могли бы спокойно отложить в сторону перо и, полагая, что для достижения всеобщего взаимопонимания (этой предпосылки общественного благополучия и

счастья) уже сделано все возможное, угомониться, начать выращивать и пожинать плоды этого счастья, подобно всем простым смертным. Однако писатели исходят из представления об исключительности своего бренного существования и продолжают писать. Таким образом, все это пустозвонное искусство становится лишь формой распространения предполагаемой исключительности или способом самовыражения. Позвольте же и мне, выступающему в роли писателя, облачиться в мантию собственного изготовления и, вполне довольствуясь доставшейся мне скромной долей в общем величии литературы, продемонстрировать низшую сторону моего «я», в расчете скорее на симпатию, нежели на похвалу.

Я недолюбливал помощника, мне не нравились его лицо, рост, фигура, его манера двигаться, говорить. Господи! Что за самодовольное нечленораздельное завывание! Это звуковое выражение тупого застоявшегося ума, загроможденного неперевавленными фактами. Штурман! «Журналист» по паспорту, да еще студент к тому же. Что он мог изучать, этот студент? Этот игуанодон^[20] с Ривьеры, все время стремившийся лишь к тому, чтобы поскорее уложить куда-нибудь огромную массу своего тела. Эта кукушка в нашем гнезде, огромный изнеженный сластена, живущий под чужой крышей и на чужих харчах.

— Довольно, — заявил я капитану. — Вот уже две недели, как я изо дня в день, за исключением трех раз, готовлю еду и мою всю посуду. Я выполняю всю работу, какая есть на борту, кроме работы матроса, но и в ней тоже участвую. Я целиком выстаиваю свои вахты.

— Это верно, — ответил капитан слегка виноватым голосом и с минуту поразмыслил. — Что, если мы сократим время вахты?

— Нет уж, — сказал я. — Я хочу нести вахту полностью.

И было решено так: я остаюсь коком, но они оба должны выполнять обязанности судомойки. С тех пор каковы бы ни были мои духовные улады, но мученичество было исключено из их числа. И если в результате грязные тарелки болтались в бадье по 23 с половиной часа в сутки, меня это не касалось, как, впрочем, не касалось и помощника, поскольку время от времени тарелки мыл шкипер. Лишь однажды кок позлорадствовал. Созвав экипаж к обеду и дождавшись, пока все удобно уселись, подоткнув под подбородок салфетки, глотая слюнки в предвкушении пира, он провозгласил:

— Ну, давайте ваши тарелки!

А в это время все решительно тарелки и блюда, ножи и вилки лежали грязные в бадье на палубе.

4-е июля. Уже четыре дня сидим без дела. Оправданием служит сильный встречный ветер. Мы рассчитываем ночью отплыть. Запасы пополнены, кроме угля и воды, пополнить их должен был помощник, а теперь этим занимаемся мы с капитаном.

Вдруг я замечаю на пристани высокого худощавого старика с белой бородой, в голубой офицерской фуражке — капитан Мозес Бартлетт из Бригуса на Ньюфаундленде! Я подбегаю к нему и трясую руку старому приятелю.

— Ты ужасно изменился, — говорит он, — постарел.

Я окидываю его беспристрастным оком и от жалости могу сказать только одно:

— А ты, как всегда, молод и прекрасно выглядишь.

— У твоего бота, — говорит он, — слишком тяжелая оснастка. Боковая качка, должно быть, кошмарная.

Что ж, он прав.

Он продолжает:

— Чего теперь надо остерегаться, так это льда. Когда уйдете отсюда, держитесь вдоль берега до острова Раунд-Хилл, а там уж идите своим курсом по дуге большого круга до Гренландии.

От Батл-Харбора до острова Раунд-Хилл

5 июля при тусклом свете раннего утра весь экипаж поспешно встал и вылез на палубу. Было холодно. На фоне предрассветного неба чернел силуэт безмолвного городка. На темном берегу бледно светились сидящие на мели айсберги. Усеянное звездами чистое небо и попутный юго-западный ветер!

Бесшумно, словно стараясь незаметно удрать, поставили мы парус, подняли якорь и отплыли, без прощальной суеты и крика. Так же тихо, как приближавшаяся заря, вышли на простор океана.

И если мы не чувствовали себя уничтоженными при одном лишь представлении о масштабах этой авантюры, то только благодаря мудрой предусмотрительности природы, которая, щадя человеческий разум, позволяет нам сохранять беспечность перед лицом необъятной стихии.

1000 г. н. э.

1929 г. н. э.

Вышеупомянутый разум тем временем занимался непосредственными проблемами плавания и питался различными фактами, относящимися к суше, морю и ветру, не только потому, что они ежечасно давали о себе знать, но и потому, что их природа, история и поведение были обозначены в лоцманском руководстве и на картах.

В общем и целом, препятствия, которые мы преодолевали во время плавания, были, учитывая наше снаряжение, не больше и не меньше тех, какие почти 1000 лет тому назад стояли перед Лейфом, сыном Эрика. Возможно, что наш бот обладал лучшими мореходными качествами, зато корабль Лейфа был больше. Мы шли на парусах; у Лейфа кроме парусов была дополнительная мощность. Неважно, что создает дополнительную мощность — мотор или люди. И то и другое равно можно считать факторами, способствующими безопасности плавания. В нашем распоряжении был компас, у Лейфа — Полярная звезда, солнце и вдобавок вся мудрость опыта многих поколений,

позволявшая ему читать по звездам. Они служили ему достаточно хорошим руководством. Поэтому, если бросить на одну чашу весов двух неопытных матросов и кока, а на другую тридцать пять закаленных морем норманнов Лейфа, то тому, кто пускается в плавание через Девисов пролив, следовало бы предпочесть корабль Лейфа.

Весна высвобождает в арктических водах западнее Гренландии большое количество льдин, пакового льда и айсбергов, которые сносит течением к берегам Лабрадора и Ньюфаундленда. В июне и в начале июля у этих берегов полно льда, который частично прибивается к суше, частично уносится в море западным или восточным ветром. В течение этого времени лед образует непроходимый барьер между Лабрадором и открытым морем.

Вдоль восточного побережья Гренландии проходит полярное течение. Оно огибает мыс Фарвель и поворачивает на запад и на север, доходя почти до Готхоба, все время следуя за линией берега и забивая эти воды льдом: с конца марта и по август включительно. Это означает, что южные порты в этот период закрыты для навигации. Сам лед представляет не менее ощутимую опасность, чем если бы все рифы и мысы на побережье снялись со своих мест и носились вокруг по воле ветра и течения.

Проблема заключалась в том, чтобы одновременно избежать столкновений и с лабладорским льдом, и со «сторис», как принято называть гренландский лед. С этой целью мы решили воспользоваться открытой водной полосой вдоль берега Лабрадора, которую расчистили для нас недавние юго-западные ветры, и на протяжении 80 миль держать курс на север до острова Раунд-Хилл, а оттуда на N by E до Готхоба. Итак, если днем будет светить солнце, а в течение коротких ночных часов луна и звезды, если удержится попутный ветер, если лед не будет выходить за пределы отведенных ему границ, тогда мы сможем оказаться в Готхобе быстрее — разумеется, по сравнению с вечностью, — чем успеешь сказать «Робинзон Крузо». Там мы и оказались, но какой ценой!

Благодаря нашим картам, мы точно знали места, в которые держали путь, вплоть до мельчайших подробностей береговой линии и промеров глубины, и так же точно, в градусах, минутах и секундах широты и долготы; мы знали, на каком именно из 16600160000 пересечений градусной сети, отражающем наши представления о

Земле, находится тот железный болт с кольцом, к которому мы сможем пришвартоваться, если на то будет милость божья и соизволение датчан.

Зная это, мы знали то, чего не знал Лейф, и по сравнению с ним были почти богами.

Суббота, 5 июля
Первый день в открытом море

В это, прекрасное утро 5 июля, по мере того как мы все дальше заплывали на север, близкий берег, золотисто-коричневый в лучах поднявшегося солнца, очень скоро начал отступать и превратился сначала в ряд синеющих вдаль пиков, которые затем стали казаться островами и наконец — прощай, Америка! — исчезли совсем. Мы шли под крепчавшим ветром на всех парусах со спиннакером; измерение скорости показало 6 узлов. Затем появился туман. На часах восемь. Темнеет. Я становлюсь к рулю. Высчитав, что остров Раунд-Хилл у нас на траверзе, прокладываем курс в Готхоб на N by E.

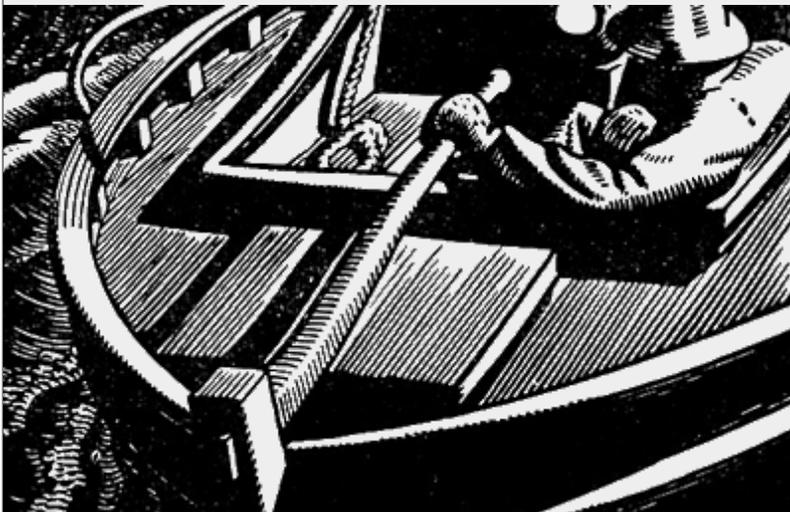
Но тут ветер спал и в течение часа наступил штиль. Ни одного живого звука, ни легкого бурления и бормотания перекатывающихся волн, ни малейшего шороха в вантах — полнейшая тишина, только вялое поскрипывание бездействующего судна. И вокруг меня не темнота и не свет, а мутный сумрак, угрюмый и зловещий. Затем на севере встала стеной огромная бурая туча, которая начала расти и

расползаться, пока не закрыла все небо. Внезапный порыв ветра рванул гик. «Ну, началось!» — подумал я.

И снова тишина, но какая ужасная, угрожающая тишина! Крадучись, словно подготавливаясь к единственному, но безошибочному, страшному сокрушительному удару, этот бурый мрак подступил со всех сторон, охватил и сдавил меня, застилая все кругом. Боже, какая тьма, и главное — безмолвие. Хотелось закричать, чтобы разрушить этот кошмар, пронзительным воплем разорвать тишину, чтобы наконец разразилась так долго сдерживаемая катастрофа, какая бы она ни была.

Снова подул ветер, и грота-гик с грохотом откачнулся назад к правому борту. Затем внезапно свершилось чудо: словно от жалости ко мне, такому ничтожно малому и напуганному, такому беспомощному на беспредельной шири океана, весь этот ужас заплакал, и капли слез в виде дождя стали падать на воду и на меня. Пока мрак плакал вместе со мной, наконец наступила полночь. Конец моей вахты — спать.

XXXVI

*Полдень: 54°28' сев. широты
55°00'19" зап. долготы*

Второй день! Безоблачное небо, до полудня легкий западный ветер, затем все замерло. Солнце и тишь, почти невозможно поверить в существование холода или бури, так спокойно и так скучно. День перешел в вечер, а вечер во все сгущающийся сумрак ночи. Время моей вахты. Ни малейшего дуновения ветра, но все паруса наготове, словно вымалывают его.

До сих пор условия для наблюдения солнца оказывались благоприятными, хотя за все путешествие я ни разу не видел во время ночной вахты Полярной звезды. С наступлением темноты небо неизменно затягивало туманом или облаками. И вместо того чтобы восторгаться великолепием звездного неба, я во время этих бесконечных часов дрожал от холода, не в состоянии размышлять о чем-либо и лишь непрерывно напрягал мозг в поисках средства, которое помогло бы убить время или как-то достичь спасительного

неверия в реальность моих телесных страданий. Ух, и отчаянный же холод был там!

Мы скоро научились искусству носить на себе все свое имущество, надевая одежду слой за слоем в последовательности размеров, так что каждый из нас являлся на вахту, напялив все, что можно, укутанный одеялом и в непромокаемом плаще. Довольный и согретый, он усаживался в тесном кокпите, закуривал трубку и обращал свой ум к приятным и полезным размышлениям. Но как бы мы ни одевались, не проходило и часу, как сырой холод проникал до самых костей. Начиная с этого мгновения жизнь превращалась в пытку, которую непременно надо было вынести. На дневной вахте все было иначе — всегда происходило что-нибудь отвлекающее внимание. Даже в волнах у носа и у кормы судна можно было найти повторяющийся ритм и пенный рисунок, радовавшие глаз и придававшие какую-то особенность каждому мгновению в зримом калейдоскопе времени.

Мы вообще мало разговаривали друг с другом, а серьезных бесед у нас и вовсе не бывало, поэтому я отказываюсь повторять здесь утомительную болтовню моих товарищей по плаванию о яхтах и парусном спорте, так же как не менее решительно отверг бы передачу моих собственных рассуждений, скажем, о длине и качестве свиной щетины в кисти художника. Если кто-нибудь из нас и обладал знаниями и остроумием, то он хорошо скрывал это. Что же касается интимных признаний, которые могли бы оказаться серьезным препятствием для поддержания вынужденного товарищества, то их, кроме рассказов помощника о его пляжных подвигах на Ривьере, по счастью, не было.

Один раз мы поспорили.

— Когда я говорю север, — заявил помощник, — я имею в виду то место, куда указывает компас.

— А когда я говорю север, — возразил я, — то имею в виду север.

Через три четверти часа этот спор принял ужасающие формы.

«Как это похоже на жалкого сластолюбивого лентяя — путать местные магнитные залежи с Северным полюсом, заставляя землю вращаться вокруг маленькой и переменчивой точки притяжения! Только ветер обозначают по магнитным румбам. Эх ты, пустозвон несчастный, надутый болван!»

Все это было у меня на языке, когда шкипер, почуяв, что пахнет убийством, вмешался и положил конец спору, сказав:

— Оба правы! А теперь держите на N by E!

Я выполнил команду, и мы, держась круто к ветру, продолжали благополучно следовать своим курсом — N by E — в Готхоб.

XXXVII

***53°51'45" западной долготы
55°40'48" северной широты***

Время шло, и наши мысли наконец были избавлены от тревог по поводу лабрадорского льда. Когда утром 7 июля, пройдя сквозь поле разреженных айсбергов, мы снова вышли на чистую воду, то почувствовали уверенность, что опасность уже миновала.

Ветер теперь был северо-западный, умеренный, мы хорошо продвигались. Мои наблюдения показывали, что нас сносит дальше к востоку, чем это допускал курс, проложенный шкипером по счислению. Намеченные на карте карандашом два различных курса были лишь проявлением мудрой предосторожности на случай ошибки, которая могла оказаться в вычислениях штурмана, по вине неверных хронометров. Как бы то ни было, хотя ветер заходил все более, к северу, мы держались настолько круто к ветру, насколько это позволяло нам продвигаться.

Седьмого в 5.40 я сделал последние наблюдения для определения долготы. Согласно им мы находились на 53°33'15" западной долготы.

В полдень следующего дня был хороший горизонт для вычислений по солнцу. Они показали $57^{\circ}15'17''$ северной широты. А дальше мы плыли вслепую.

XXXVIII

8–9 июля. 4-й и 5-й день в океане

8 июля было холодно и ненастно. К ночи подул с северо-запада сильный ветер, по морю ходили опасные короткие высокие волны, все указывало на приближение бури. Чувствуя это, я, отправляясь на вахту, попросил зарифить грот. Но грот не зарифили.

По-прежнему шли под всеми парусами, сильно накренысь и подвергаясь беспорядочным толчкам волн. Бот то зарывался носом в воду, то высоко вздымал его к облакам, и тогда вода двумя потоками сливалась с бортов, а брызги били шрапнелью в тугие, как барабан, паруса, сухие под градом брызг, и ни одна капля воды даже не коснулась палубы. Никакой опасности, ни малейшей!

Однако легко было представить себе ужасную картину, как кто-то из нас, находясь ночью один на палубе, пока двое остальных спят внизу в закрытой каюте, станет закреплять отвязавшийся конец или подтягивать парус и невзначай поскользнется или потеряет равновесие. Тогда в этом дьявольском хоре волн и ветра никто не различит его слабого вскрика. Кто-то предложил, чтобы рулевой обвязывался

веревкой. Однажды мы испробовали этот способ, а потом отказались. Рисковать было легче. Мы приладили на носу и на корме постоянные леера, и они оставались там во время всего плавания. Часто по контрасту с почти полной беззаботностью, с какой я обычно передвигался по узкой палубе, мне казалось, будто бы мы живем, балансируя между двумя бесконечными пространствами — под и над нами, огражденные от бездны поручнями из каната.

2 часа утра, на вахте стоит шкипер. Ветер зюйд-ост. Грот с двумя взятыми рифами. Но уже час спустя мы идем под стакселем — крепкий ветер и сильное волнение.

Рассвело. Ветер все еще сильный, но худшее уже позади. В 5.30 утра снова поставили зарифленный грот. Нас сносит ветром, и мы медленно продвигаемся. После полудня поставили кливер. Ветер, превратившись в легкий попутный, утих. Но море продолжало волноваться, Оно старалось сохранить разбег. Так полуугрозой, полуполюдейкой окончилось 9 июля — наш пятый день в открытом море.

*Четверг, 10 июля
6-й день в океане*

Теперь ветер дул с юга и был совсем слабым. Мы поставили спиннакер. Но на нас ополчилось море: толчая закончилась и образовавшийся водяной вал равномерно набегал с северо-востока. Затем начался шторм. Большой спиннакер раздувался на ветру, как нижняя юбка какой-нибудь старой девы. Он взлетал и бился, натягивая тонкий шкот. Треснул ус гика; но ничего, он все еще держался.

В десять утра мы его убрали. К полудню ветер значительно посвежел, но мы все еще плыли и притом под всеми основными парусами.

На вахте шкипер. Скорость ветра — 40 миль или больше. Мы на всех парусах делаем 5–6 узлов.

Затем волны приходят в бешенство, а ветер переходит в штормовой. Бот ныряет в самую глубину, но выныривает. Как красиво! И разорванная волна потоками окатывает палубу.

6-7 узлов. Все еще на плаву. Не слишком ли долго?

Внезапно наступает момент, когда нам остается срочно сделать только одно — лечь в дрейф. Привязавшись к цепям, помощник по пояс в зеленой воде — его то выбрасывает, то вновь окунает — закрепляет гик. Грот сопротивляется нам, как взбесившееся животное. Четыре тысячи фунтов ярости против тридцати наших пальцев! Но мы отвоевываем у грота дюйм за дюймом, и в конце концов нам удается закрепить его.

* * *

Каюта маленького бота, дрейфующего во время шторма в открытом море. Вся команда внизу. Полнейший хаос и неразбериха, мокро и холодно. Люк закрыт. Полумрак. Шкипер и помощник втиснулись в свои наклоненные койки, кок, скорчившись на полу, поперек каюты, читает вслух «Энн Веронику»^[21].

*Продолжение «Энн Вероники»
Продолжение шторма*

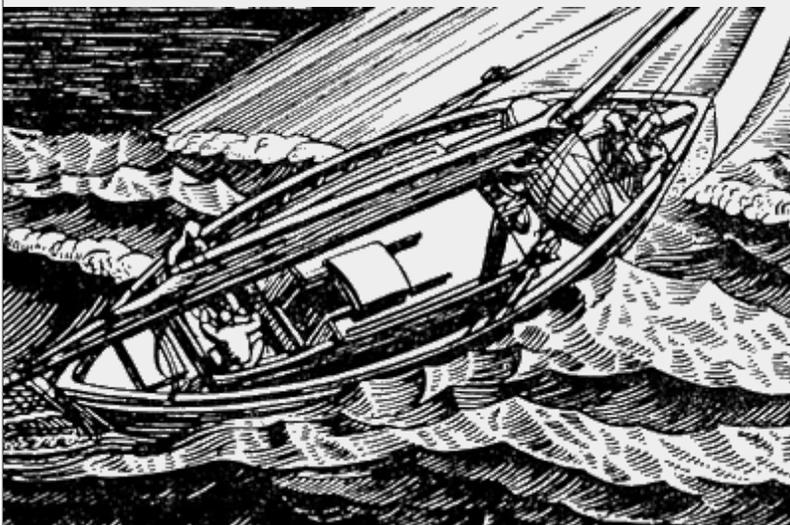
Топить углем печь на море во время шторма! Помилуй бог того, кто на это отважится. Не успел я разжечь ее, как — ффу-у! Из открытой дверцы повалил дым, из всех щелей ударило пламя, словно из паяльной лампы. Наконец печь задуло. И вот я, задыхаясь, стою на лесенке и сверху, сквозь палубу, на меня сочится вода.

Начинаю снова: руками выгребаю уголь и растопку, закладываю еще больше газет, настругав лучин из мягкого соснового поленца, добавляю их туда, кладу сверху отборнейшие сухие и легкие дрова, решив на этот раз обойтись без угля, выливаю четверть чашки керосина и разжигаю печь.

Уу-у! Как заревело! Затем внезапно все, что скопилось в печи — пламя, дым, сажа, — разом извергается в каюту, словно из пасти дракона. Дым, слезоточивый газ и огонь вместе обрушивались на человека, ввергая его, полузадушенного, в немое отчаяние.

Однако и в самом плохом есть хорошее. Учитывая факторы, благодаря которым мы стали людьми, понятно, что каждому рано или поздно приходится научиться прямо хватать быка за рога. Печка не хотела гореть. Что ж, мы были близки к тому, чтобы изобрести примус, если бы он не был уже изобретен. К счастью, у нас имелся примус.

Вскоре, когда он был закреплен на полу и над его горелкой приятно бурлил обед, кок, удерживая одной рукой кастрюлю, взял в другую книгу, и «Энн Вероника», как ни в чем не бывало, опять принялась надоедать ему.

*Пятница, 11 июля
7-й день в океане*

Лежим в дрейфе в течение всей ранней утренней вахты. Туман; море бурное; ветер приближается к умеренному. Шкипер убирает в каюте, сушит промокшую одежду у жаркого огня печи, в которой каким-то чудом появилась тяга. Время от времени он высовывает голову наружу и принюхивается к погоде. Нет, решительно шторм прошел.

С рассветом, поставив грот и стаксель, снова пускаемся в путь. Внизу топится печь, наверху — попутный ветер и дневной свет. Барахтаемся среди больших волн где-то в Девисовом проливе, окутанные туманом, но движемся своим курсом. Все хорошо.

Середина моей утренней вахты. Бот сильно качает и бросает из стороны в сторону, гафель злобно колотится, и вот — трах! Тяжелый ус раскололся. Нам удастся лечь в дрейф и спустить грот без осложнений. Затем я четыре часа кряду бьюсь над тем, чтобы сделать новый, более крепкий, ус из запасного румпеля.

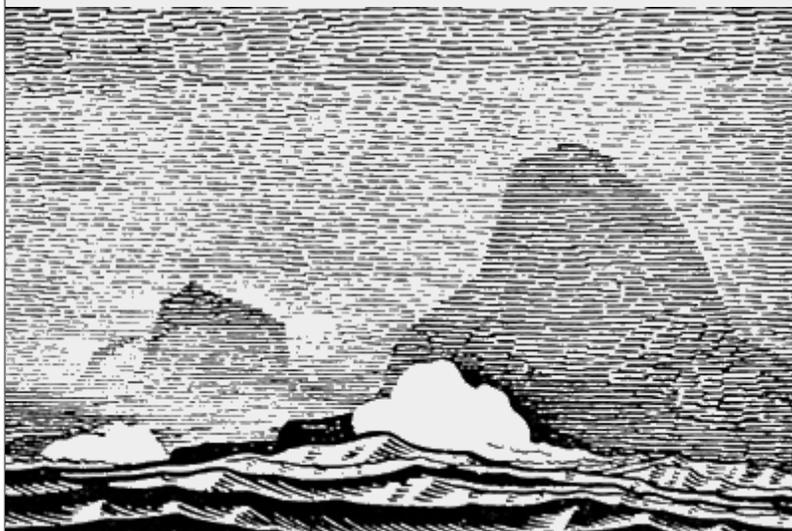
При этом судовой плотник получил большое удовлетворение, когда, заметив помощника, минуту пораскинул мозгами и затем, отложив в сторону инструменты, которые никто не потрудился наточить для него, сказал, вытесывая топором новый ус: «Помощник, наточить долото!» И тот повиновался.

Затем только из-за того, что бот немного качало, тот, кто в этот полдень исполнял обязанности кока, выбросил дюжину яиц в виде двух приправленных ругательствами омлетов а ля Ривьера в ящик с углем и лишь после этого приготовил третий уже для нас.

Пять часов пополудни, сильный ветер в борт, густой туман, тяжелые маслянистые перекаты волн. Внезапно, непонятно как и откуда, рядом с ботом с наветренной стороны возникает серый силуэт парового траулера и исчезает опять.

Земля? На каком расстоянии от нас?

XLII

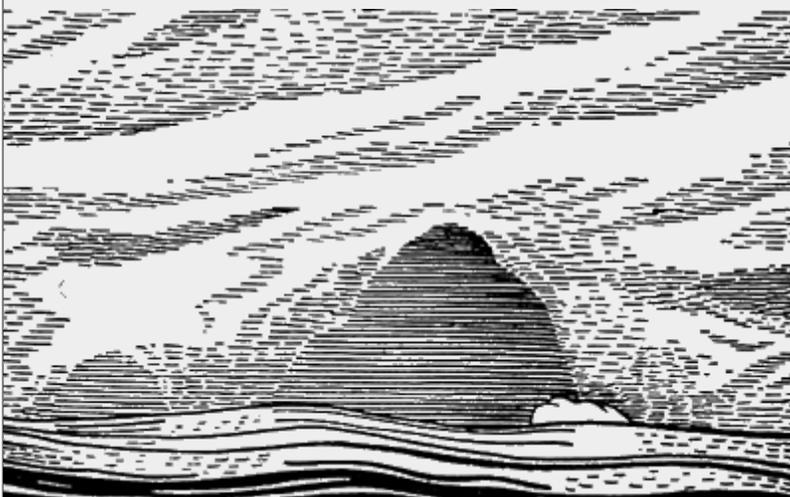

*Суббота, 12 июля
8-й день в океане*

Ветер, который ночью дул нам навстречу, на рассвете перешел на северо-северо-западный, а затем отклонился к северу. По-прежнему густой туман. Сразу после полудня появился мелкий лед и вода приобрела цвет молочного нефрита, словно в море влились ледниковые потоки.

Вдруг откуда-то появились две маленькие птички и стали кружить над нами. Словно оброненные ими, проплыли водоросли, похожие на оливковые ветви. И вот земля! Так внезапно! Она в один миг выросла с подветренной стороны и впереди. Рифы и темные массивы островов призрачно вырисовывались в тумане. В тот момент нам казалось, что за туманным покровом для нас таится скорее неизбежность кораблекрушения, чем обетованная земля. Приближаемся. Берег, словно разозленный зверь, показывает свои клыки, вокруг них кипит белая пена бешенства. И прежде чем замерли отголоски нашего первого крика «земля!», мы повернули назад и обратились в бегство.

XLIII

Воскресенье, 13 июля 9-й день в океане

То были холодные часы, холодные дни и ночи. Мы сражались с берегом. Ледяная волна и густой сырой туман вокруг. Иногда промокшую палубу освещало яркое солнце. Холодные лучи света протягивались к нам с безоблачного неба; тогда туман, лежащий на воде, становился ослепительно белым и еще более непроницаемым для глаз.

Мы уже пять дней не делаем наблюдений солнца и полагаемся только на счисление. Это, вместе с учетом таких факторов, как встречные ветры и недавний шторм, давало возможность лишь предполагать, что мы находимся где-то к югу от Готхоба. Но где именно и не заплывем ли слишком далеко к северу до того, как рассеется туман, мы никак не могли выяснить.

Мореплавателю, впервые приближающемуся к Гренландии, рифы и острова, лежащие на подходе к ее юго-западному побережью, так же как очертания гор на берегу, кажутся столь однообразными и непрерывными, что попытка установить между ними разницу

представляет нелегкую задачу. Рука всевышнего щедро, как из перечницы, усыпала эти места препятствиями, так что вы основательно подумаете, прежде чем рискнете искать здесь гавань в туманную погоду. Да и самый вид берега не внушал нам желания отдохнуть под его сенью: вокруг плоские рифы и возвышающиеся башни скалистых островов. Крутые склоны скал давали мало надежды на благополучную высадку, а их лишенные растительности вершины к тому же делали такую надежду мало привлекательной.

13-го поднялся ветер, заставивший нас взять вторые рифы. Это было больше, чем хотелось бы, учитывая, что желанный порт, возможно, лежал у нас на траверзе. Но мы толклись у берега, то приближаясь к нему, то отходя назад, все время зорко следя за своим береговым галсом. Зачастую, прежде чем открывался берег, приходилось миновать бесчисленное множество островов, которые, когда мы поворачивали назад, преграждали путь к морю.

К счастью, уже наступил полярный день. В эту ночь, когда бот лежал при полном штиле, я во время вахты закрепил гик в средней части бота, привязал румпель и, завернувшись в одеяло, сидел, спустив ноги в теплый люк, ведущий в каюту, и читал до самой полуночи.

XLIV

Понедельник, 14 июля Последний день в океане

Ранним утром южный ветер окреп, и мы снова взяли курс на берег. Туман, еще более плотный, чем обычно, набросил на воду сумрачный покров, видимость сократилась до каких-нибудь 200 ярдов. Внезапно у самого борта обозначилась скалистая масса, и вслед за ней еще и еще, повсюду, и с левого и с правого борта. Мы, как сквозь строй, прошли среди рифов, выбираясь назад в море.

Эта история начинала действовать на нервы. Не успели мы отступить перед чересчур яркой реальностью берега, как уже снова пустились в обратный путь, пытаясь как-то покончить с утомительной невозможностью попасть куда бы то ни было. Благоразумие — скоропортящаяся добродетель.

Был час дня, когда задул сильный ветер. Убрав кливер и грот, двигались к берегу только под стакселем, впервые подогреваемые твердой решимостью, — которую, по-моему, развег стыд, — добиться,

наконец, выхода из этого положения. Судьба нам, видимо, благоприятствовала.

По мере продвижения мы, казалось, выходили из тумана в более чистую атмосферу. Наши органы чувств как-то уловили эту незначительную перемену еще до того, как она дошла до сознания. Сразу же в мрачное окружение, в котором мы пребывали, проникло почти восторженное ожидание и уверенность, что теперь-то наконец мы увидим прекрасную страну, ради которой забрались в эти широты.

И вот она появилась перед нами, но не сразу и не вплотную. Без пугающей внезапности, она постепенно возникала вдаль — низкие острова и длинный пологий берег, серевший в серебристом тумане. Потом весь пейзаж разом прояснился, когда солнечные лучи прорезали туман и осветили участки земли, полосу белой пены вдоль берега. Туман отступил и висел теперь гигантской стальной тучей где-то позади гор. «Вот она, Гренландия, — думали мы, — такая дикая и прекрасная!»

Но в то же время и облака начали принимать грандиозные формы, словно стараясь умалить землю в наших глазах и отвлечь внимание к их собственным превращениям. Густой туман непрерывно уплотнялся, собираясь в горообразные массы. Иллюзия горных хребтов стала полной, если не считать фантастической вышины этих облачных вершин. Мы поверили в невероятное и сидели, ошеломленно созерцая голубой барьер гранитных гор, вздымающих свои увенчанные облаками снежные пики на четыре и более, тысяч футов над уровнем моря.

Там и сям между вершинами белели далекие покрытые снегом поля материкового льда. Глетчеры застывшими потоками извивались в глубоких долинах или свисали со склонов гор. Гранит и лед, а перед ними широкая прибрежная полоса с редкой растительностью, только принимающей зеленую окраску лета.

Но вместе с уверенностью, что мы стоим наконец у порога Гренландии, сейчас же возник вопрос: а где же именно?

XLV

Последний день в океане
Координаты найдены

Карты находятся в таком же отношении к зрительным географическим представлениям мореплавателя, как геометрия четырех измерений к проблемам повседневной жизни: они изображают в двух измерениях то, что глаз на море видит только в одном измерении.

Самые фантастические зазубрины и выступы берега, которые штурман должен учесть, определяя положение судна, представляются глазу прямой сплошной линией, отделяющей землю от водной равнины. Не удивительно поэтому, что, имея перед глазами панораму берега и карту, на которой там и сям многообещающе обозначены поселения и почти всюду отмечены бухты или якорные стоянки, мы были не менее растеряны, чем если бы карт вовсе не существовало.

Точно так же, как после нашего решения добраться до берега, он сразу открылся перед глазами, так и теперь, когда необходимо было узнать, где мы находимся, выглянуло солнце. В тот же миг тяжелый

туман, лежавший над морем, поднялся, и впервые за много дней перед нами открылся чистый горизонт.

Я кидаюсь за секстаном. Опершись на фалы из-за сильной боковой качки, ловлю солнце и наклоняю зеркало, пока отражение не касается западного края океана.

Помощник стоит с хронометром. Я окликаю его:

— Приготовиться!

Проходят секунды. Багровое солнце все ближе и ближе клонится к изумрудной поверхности океана.

— Давай! — кричу я.

Помощник записывает на листке: 3 часа, 47 минут, 23,9 секунды.

И не успел я еще спуститься с палубы, как снова потемнело.

Нас больше интересует широта, а наблюдения и цифры получены лишь для долготы. Я старательно вычисляю и получаю $51^{\circ}35'11''$ западной долготы. С этим результатом направляюсь к карте. Предположив, что мы находимся в 3 милях от берега, я прочерчиваю линию нашего курса. Ее пересечение с линией долготы дает наше обсервованное место. До Готхоба менее 50 миль!

Первый... и последний порт

Эта весть казалась, пожалуй, слишком хорошей, чтобы быть абсолютно верной. Несомненно, в быстроте, с какой остальные отступились, предоставив с этой минуты мне одному отвечать за правильность нашего курса, чувствовался насмешливый вызов: хоть умри, а сделай. Ошибись я в определении нашего местонахождения — и мне угрожало прозвище «Готхобского Кента», которое следовало бы за мной как символ вечного позора до конца жизни.

Наше повествование уже так близко подошло к развязке, что каждое событие и чуть не каждая мысль приобретают особое значение, поскольку все они так или иначе способствовали тому, что мы в конце концов оказались там, где этого требовало развитие драмы. Отнесемся поэтому к деталям с тем интересом, который мог бы проявить Верховный адмиралтейский суд Южной Гренландии, чего он милостиво не сделал во время состоявшегося впоследствии разбирательства. Мы же приступим к перечислению мельчайших

происшествий с серьезностью, которую полностью могут оценить лишь те, кому известны волнующие последствия этих событий.

Мы шли уже не менее двух часов курсом на Готхоб, когда появился первый признак приближения к населенным местам: впереди на возвышенности маленького острова стоял сигнальный знак в виде креста.

Согласно карте теперь перед нами открывались два возможных курса: идти до Готхоба открытым морем или же вдоль берега, по проливу между цепочкой островов и материком. Курс, проложенный в открытом море, был длиннее, к тому же предвиделась ненастная погода, тем не менее мой выбор пал именно на него. А поскольку я как раз стоял у руля, то и повернул в море.

Шкипер с помощником изучали карту.

— Если мы, по вашим словам, приближаемся к Готхобу, — произнес шкипер, — то не можем ли мы проплыть этим проливом?

— Можем-то можем, но...

— Ну тогда так и сделаем, — заключил он, и мы повернули в сторону материка.

Оставив слева группу островов с сигнальными знаками, вошли в защищенные воды. Ветер здесь был слабее. Поверхность пролива, если не считать легкой ряби, поднятой ветром, была такая же гладкая, как у какого-нибудь пруда с пресной водой. Как приятно плыть так ровно, так спокойно и снова слушать плеск воды о борта бота! И снова видеть землю так близко! Ощущать дружелюбное соседство этого величественного дикого края, его безмерный и надежный покой. Еще несколько часов — и мы войдем в Готхоб, бросим якорь! Люди толпами высыпят на берег встречать нас. Все будут говорить, какие мы молодцы! Будут осматривать наш бот и дивиться, какой он маленький, прочный, какой чистый да красивый! Ах, какие вы храбрецы! И даже мужчины, эти отважные датчане, будут восхищаться и завидовать, а девушки — милые, нежные, голубоглазые датские девушки — просто влюбятся в нас!

«Надо прибраться», — думаю я.

— Прибавим-ка скорость, — говорит шкипер и достает спиннакер.

— Стойте, ради бога! — кричу я протестующе, — нельзя этого делать.

Берег мрачно выставил нам навстречу скалистые выступы. Узкие ущелья с обрывистыми стенами, как растопыренные пальцы гигантской руки, указывают на ледяные поля в центре материка, на это гнездовье арктических бурь. Аляска, мыс Горн — вот что сродни здешним местам. Там я испытал силу этих грозных «валли» — внезапных шквалов, которые со зверской яростью кидаются вниз с вершин гор и исхлестывают все море в пенистые клочья. Они так молниеносны и ужасны!

Мы поставили спиннакер. Ветер, словно смеясь над моими страхами, упал до легкого.

— Держитесь курса, пока не поравняемся с тем островом, похожим на улей, а потом круто берите влево, — сказал я и отправился вниз готовить ужин, наводить порядок.

Ужин в этот вечер был роскошный: кукурузные лепешки, рубленая солонина и оладьи. Затем, не без мысли о придирчивом взгляде датских хозяек, я принялся чистить и скрести наше кухонное хозяйство, которое весьма нуждалось в этом после долгих дней и ночей на море. Так прошли часы.

Тем временем ветер переменился и дул отчасти навстречу. Результатом была перемена курса и отход от той простой, но, как я теперь знаю, верной инструкции, которая была моим последним словом. Меня вызвали на палубу, но я мог только взирать на незнакомые очертания берега и вместе с остальными недоумевать, куда это мы попали.

Хотя наш курс оказался теперь не слишком ясным, это было не так важно, потому что ветер спал. Уже вечерело, небо было так густо затянуто тучами, что нас окружали глубокие сумерки. Начал моросить дождь. Шкипер направил бот к лежащему впереди маленькому фиорду. Пользуясь слабым ветром, которого едва хватало, чтобы медленно толкать нас вперед, в таком глубоком молчании, что слышался ропот дождя, мы обогнули мыс, остерегаясь приближаться к нему чересчур близко, и вошли в фиорд. Едва мы оказались в покое и безопасности между стенами гор, нас охватило благоговение перед величием и тишиной этих мест. Все трое почувствовали одно простейшее, но редкое желание; жить здесь, просто жить бесконечно долгое время.

Мы никак не могли решиться бросить якорь, и я так и не знаю точно, где именно мы его бросили. Песчаное дно фиорда быстро мелело. В одном месте бот даже слегка зацепил дно, но нам удалось натолкнуться на достаточно глубокое место близ южного берега. Снизу из каюты я услышал всплеск брошенного якоря и воспринял этот звук как сигнал к ужину.

Какое тепло, чистоту и уют они застали в каюте! Все было принаряжено для захода в гавань. Гавань — какое слово! А сегодня можно спать.

— И утром тоже встанем, когда захотим, — добавил шкипер.

Но еще целый час после того, как остальные улеглись, я сидел в своей маленькой нарядной каморке на баке и писал именно эти страницы моего дневника, которому суждено было потом превратиться в книгу; писал в благодатной ночной тишине, под звук дождя, мягко падавшего на палубу.

О том, как много значило для меня наконец попасть туда, в этот гренландский порт, можно судить по последней строке моих записей: «Завтра, — говорилось там, — я буду писать эту».

XLVII

*63°56'40" северной широты
51°19'00" западной долготы*

Меня разбудила качка. Где я нахожусь? Припоминаю. Дневной свет слабо проникал сквозь отверстия в баке, которые заслоняла шлюпка. Часы показывали 10.30 утра. Вот это поспал! Качало отчаянно; размашистый удар — крен на правый борт. С палубы доносились шаги, голоса, звук разматываемого каната. Ну, ничего, мы на якоре; к тому же никто не зовет. Я уперся коленями в борт койки — лежать иначе было невозможно.

Внезапно бот накренился так сильно, что я чуть не вылетел на пол. Встал, поспешно оделся и открыл дверь в каюту. Она была освещена ярким дневным светом. Шкипер еще не вставал.

— Бот сносит при двух якорях! — крикнул помощник с палубы.

— Потрави концы, — отозвался шкипер.

Я добрался до трапа. В этот момент накатила волна, накренила нас и держала в таком положении в то время, как зеленая вода потоком врвалась внутрь, словно хотела заполнить весь корабль.

— Черт! — завопил я. — Я так хорошо все убрал!

На палубе бушевал ураган; никогда еще не видывал подобного ветра. Море плашмя лежало под его ударами, все гребни волн были срезаны начисто и превращены в пыль. Ледяные брызги волн и жгучие струи дождя неслись на нас со всех сторон.

Пробрался к помощнику. «Нам понадобится третий якорь», — решил я и направился на корму.

В это время вылез и шкипер.

— Ладно, — сказал он, — доставайте третий.

И я спустился вниз в последний раз.

Запасной якорь лежал под мешками с углем и провизией в кормовой части трюма. Добраться до него было непросто. Убрав трап, ведущий из каюты наверх, я принялся за работу на четвереньках, скорчившись в узком проходе. Это было нелегко. Перетаскивая стофунтовые мешки в каюту, стараясь при этом ничего не повредить, я то и дело поглядывал вверх и видел в отверстие над головой серое небо. Но вот появились очертания нависшей горы. С этой минуты она постепенно стала занимать все больше места, а небо все меньше. В конце концов уже начало казаться, что гора сама надвинулась на бот и висит теперь прямо над ним.

Перед тем я осторожно положил на столик с картами зажженную папиросу и, работая, все время помнил о ней, беспокоясь, как бы не припалить стол. Время от времени я чуть-чуть отодвигал ее на другое место. Мы же так заботились о нашем боте, так боялись чем-нибудь повредить его.

Я носил вещи, продукты, перетаскивал мешки с углем и в конце концов добрался до якоря. Якорь был большой и весьма увесистый. Выволок его в каюту.

— Эй, — окликнул я помощника, — спускайтесь, помогите мне вытащить этого дьявола на палубу.

Подняв голову, я увидел желтый комбинезон помощника, выделявшийся ярким пятном на фоне темного склона горы.

— Какой от него теперь толк, — сказал помощник, но все же спустился.

Тяжеловато пришлось с этим якорем, и похоже было, что сил у нас мало.

— Я слабею от волнения, — сказал помощник.

«Я тоже», — подумал я, но промолчал.

Наконец мы подняли эту громоздкую штуку и втолкнули ее в кокпит. Когда я начал подниматься следом, огромная волна приподняла бот и положила на борт. Я повис, наполовину высунувшись из каюты. Мой взгляд уперся в приближавшуюся каменную стену, которая была так близко от кормы, что, казалось, сейчас нас раздавит. Волна высоко вздыбилась перед скалой и распалась, превратившись в пену, которая кипела вокруг нас. Мягко покачивая бот, волна опустилась, и темный берег спокойно отошел назад.

Пришла новая волна и опять швырнула нас к самой скале.

«Ну, сейчас разобьет», — подумал я и как можно крепче вцепился в свою опору, весь напрягшись в ожидании приближавшегося страшного момента.

Но на этот раз удара не было. Когда, казалось, мы уже отодвигались назад, ахтерштевень мягко коснулся скалистого выступа. Прикосновение было настолько легким, что не раздалось ни звука, просто бот чуть-чуть задрожал. Однако эта дрожь пробежала по чугунному фальшкилю и его дубовой основе, по шпангоутам и обшивке, по всем болтам и гвоздям, по всем фибрам бота и по нам самим. Может быть, до того мы еще не понимали, что пришел конец, теперь же знали, словно господь шепнул нам об этом.

Итак, нас отнесло назад в третий раз.

Затем, будто для того чтобы покончить наконец с этой игрой, все фурии моря и ветра были выпущены на свободу. Нас подняло высоко над скалой и затем швырнуло вниз. Надо сказать, что этот первый удар был еще не так силен, как другие, следовавшие за ним в ближайшие полчаса перед тем, как бот затонул.

XLVIII

15 июля, от 10.30 до 11.00 утра

Эти полчаса! Бот лежал, пойманный гигантским уступом скалы, килем на уступе, правым бортом упираясь в склон. В таком положении его удерживали волны и ветер. Удерживали, чтобы то и дело поднимать и швырять с размаху назад. Каждая волна легко подхватывала бот и несла его вверх, а затем с грохотом роняла его тринадцатитонную, подбитую чугуном массу на гранит. Поднимала и швыряла, поднимала и швыряла! Тут обнаружилось все совершенство нашего судна; однако, раз ударившись, оно продолжало жить лишь для того, чтобы вновь и вновь принимать удары.

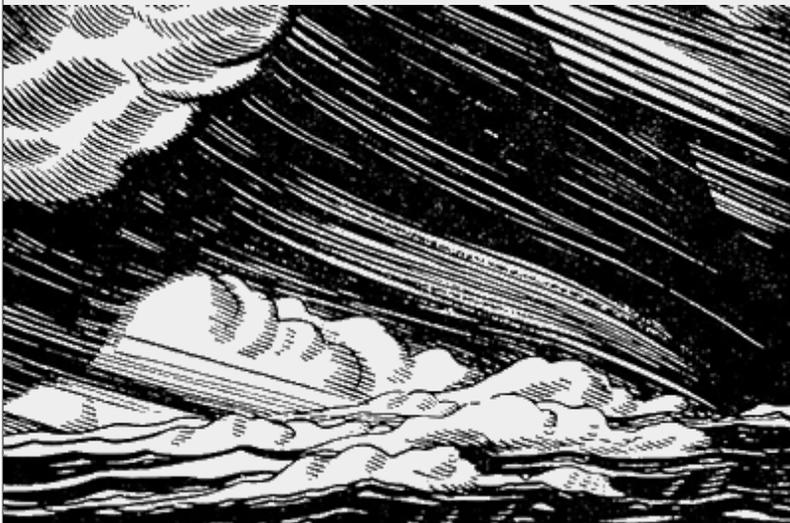
Гигантский кузнечный молот, бьющий по граниту горы, молот, пустой изнутри, и в центре этой пустоты — человек. Представьте себя на его месте. Я оставался внизу и знаю, что это такое.

Представьте себе, что я — Адам, брошенный с размаху в гущу разбушевавшихся дьявольских сил. Адам, мир которого состоит из ветра, бури, снега, дождя, града, молний и грома, землетрясений и потоков, голода и холода и подавляющего присутствия чего-то

огромного, неведомого. Адам, который пускает в ход весь свой крошечный разум, чтобы сохранить самостоятельность перед лицом этого избытка неизмеримости. В то же время он спокойно — ведь жизнь продолжается — выполняет свои неотложные дела в их нормальной последовательности, одно за другим, мало о чем думая и еще меньше рассуждая. Вообразите себе этого Адама и Мужчину — меня — в центре Вселенной в миниатюре; Вселенная представлена каютой бота «Дирекшн», лежащего на скалах Гренландии.

Мы живем не столько благодаря нашему воображению, сколько несмотря на него.

XLIX

Пища и огонь Тело и душа

Спички: они в шкафу у меня на баке. Достаяю их оттуда в большом количестве. Следующая мысль: надо сохранить их сухими — большая жестяная банка на полке. Она с чечевицей! Высыпаю чечевицу на пол. Нет, не всю, столько места спичкам не потребуется. Укладываю внутрь спички, закрываю крышку. Все в порядке. Теперь нужно во что-то положить банку. Вон маленький чемоданчик Сэма — самая подходящая вещь. Открываю: нарядные галстуки и белые воротнички. Долой их оттуда!

Кладу внутрь банку со спичками, заполняю остальное место продуктами и закрываю чемодан. Так, это сделано.

Керосин: пятигаллонный бидон до берега не дотащить. Есть одногаллонный, но он завален мешками,

По мешкам с углем лезу в кормовую часть трюма. Господи, что здесь творится! Перерываю мешки и ящики и наконец нахожу его. Хорошо!

Спирт для разжигания примуса в маленькой бутылочке. Нахожу и ее.

А где же сам примус? Валяется разбитый на полу. Еще один лежит в моем походном мешке вместе с плащ-палаткой, набором судков и т. д. Он на баке под койкой у правого борта, под грудой запасных канатов, одежды, принадлежностей художника. Выгребаю все на пол. Ага! Вот он, мешок!

Мука, рис, масло, бобы, суп-концентрат, кофе, бекон, шоколад, сигареты — все это идет в мешок. Готово.

Мои красавцы-хронометры! Я достаю их из футляров и осторожно заворачиваю в какую-то одежду, в несколько слоев. Кладу на дно рюкзака пару одеял, на них часы, секстан, мою серебряную флейту и киноаппарат, а поверх этого еще одеяла.

Затем я передаю это и всё остальное попавшееся под руку — одеяла, одежду — помощнику на палубу.

«Ну, довольно», — думаю я с гордостью.

— Выходите же оттуда, — в четвертый раз кричит помощник, вглядываясь в беспорядок, царящий в трюме.

Беспорядок! Это «ничья земля», груда обломков: двери, ящики, полки, обшивка, печные конфорки, кастрюли, сковороды, посуда, пружины, матрасы, инструменты, бобы, масло и книги — все это, растерзанное, разбитое, расплющенное, расколотое десятки раз, при каждом толчке, сотрясающем бот, взлетавшее на воздух и снова брошенное на пол.

Над моим письменным столом висел прибитый к шпангоуту портрет любимой. Я не забыл о нем. Я возьму этот портрет, решил я, спрячу его прямо на груди, под рубашкой, и он будет последней вещью, которая покинет судно вместе со мной. А вернувшись домой, я скажу: «Погляди-ка, родная, что я привез», — и покажу ей портрет. Затем скромно, но не настолько, чтобы совершенно скрыть свою доблесть, я расскажу ей, как в этот час смятения и страха подумал о ней. Ну и молодцом же я буду выглядеть!

И вот я снова, кое-как карабкаюсь и цепляясь, пробираюсь назад на бак, нахожу там ее портрет, безмятежно взирающий на побоище, снимаю его и кладу себе за пазуху. Туда же отправляю конверт с деньгами, паспортом и разрешением на высадку в Гренландии и затем по воде, где ползком, где боком, карабкаюсь и протискиваясь с

отчаянным упорством, прокладывая себе путь назад и вылезая на палубу.

L

*Корабль затонул
Экипаж спасся*

Помощник, работая, как десять грузчиков, переправлял вещи на берег. Путь был недалек: вместе с поднимающейся волной надо было прыгнуть с палубы на скалы и выбраться оттуда прежде, чем вода затопит скалу. Кинув вперед мешок, он следовал за ним, хватал его и оттаскивал в безопасное место на более высоком уступе.

Мешок с хронометрами скатился в воду. Но мы вытащили его в целости и сохранности. Зато кое-какие другие вещи, смытые волной со скалы, пропали. Море вокруг было усеяно нашим имуществом.

Раскачивающийся грота-гик еще усугублял беспорядок на палубе. Мачту пока спасал очень крепкий стоячий такелаж.

На берегу шкипер выбивался из сил, стараясь закрепить конец от топа мачты за большой валун. Покончив с делами на борту, я прыгнул на скалу и поспешил ему на помощь. Раскачивающийся топ мачты вырывал конец из рук всякий раз, как нам почти удавалось закрепить его. Но в тот момент, когда мачта низко наклонилась в нашу сторону,

мы успели дважды обернуть трос вокруг скалы. Упершись всем телом, мы держали конец. Трехдюймовый трос лопнул, как веревочка!

Конец «Дирекшн» был близок. Быстро развязав мешок, я достал киноаппарат. Прислушаемся! Даже сквозь шум волн, ветра и дождя я на короткий миг услышал его негромкое стрекотание, похожее на стук сердца. И все случившееся там, у берегов Гренландии, в Караяк-фиорде в одиннадцать утра 15 июля 1929 года, под этот звук обрело немое бессмертие.

ЧАСТЬ II

I

***Караяк-фиорд
15 июля 1929***

Западная Гренландия, гористая и дикая. Бушует шторм; холодный дождь низвергается водопадом из низких туч. Крепкий ветер превращает в пары потоки, льющиеся со склона горы, и весь видимый мир, земля и море, дымится, как от внутреннего огня.

По неровной, покрытой травяным ковром береговой полосе между морем и горой движутся три человеческие фигуры, единственные живые существа в этой горной пустыне. Они бредут согнувшись, преодолевая встречный ветер.

Взбираются на пригорок и с его гребня смотрят вниз на замкнутую котловину. В ней лежит озеро, круглое, как луна. Берег озера, усыпанный камнями, выделяется чистой светлой полосой рядом с темно-зеленой водой. Люди спускаются к воде и, остановившись на берегу, смотрят на ту сторону, на замыкающую озеро горную стену. Темная скала поднимается отвесно к небу. С высокого края скалы

льется водопад. И крепкий ветер, подхватывая низвергающуюся воду на середине пути, рассеивает ее в воздухе, как дым.

Три человека стоят и смотрят: на горы, на дымящийся водопад, на темно-зеленое озеро, поверхность которого серебрится от порывов ветра, на цветы, окаймляющие каменистый берег и разбросанные, как звезды, по склонам. Наконец один из них говорит:

— Правильно, что мы должны расплачиваться за красоту. Стоило совершить путешествие в тысячу миль и пережить все, что мы пережили, чтобы оказаться сейчас здесь, в этом месте. Может быть, мы только для того и жили, чтобы быть сейчас здесь.

II

15 июля. Днем

Предварительно обследовав ближайшие окрестности пустынного берега, мы возвратились к месту крушения и выбрали местечко для устройства временного убежища. Нависшая над берегом скала составила одну сторону палатки, которую мы соорудили из спиннакера. Несмотря на сильно мешавший ветер, мы все-таки ухитрились закрепить парусину на верху скалы, оттянули ее книзу и придавили края камнями. «Пол» был неровен и загроможден валунами. Удобно устроиться невозможно. Но зато мы оказались хорошо защищенными от ветра и дождя. У нас было достаточно места, чтобы сложить свой маленький запас земных благ. Этот драгоценный запас мы начали перетаскивать в убежище. Нам повезло: ветер, продолжавший бушевать, теперь подпирал наши усталые спины, помогая носить намокший груз.

Однако вскоре я занялся приготовлением обеда, так как за весь день мы еще ни разу не ели. Немного погодя мы валялись в оранжевом полусвете в нашем жилище, сооруженном из скалы и парусины,

прихлебывали горячий суп из обжигавших губы металлических кружек, грызли шоколад и мокрые сухари. И мне кажется, у каждого из нас подсознательно зашевелились воспоминания детства, воспоминания о домике, устроенном из шалей, выброшенных на стулья, о таинственном освещении под ними, о далекой радости тех дней, когда мы, дети, бедные и свободные, играли в разбойников или потерпевших кораблекрушение. И вот теперь мы оказались здесь, бедные, по-настоящему потерпевшие кораблекрушение. Теплый золотистый свет, проникавший сквозь мокрую парусину, освещал нас и наше имущество, разбросанное кругом, как разбойничья добыча. И если люди бывают когда-нибудь счастливы в сей, так называемой земной юдоли, то мы в тот час испытали это чувство.

III

Кораблекрушение Отлив

Как-то, не очень давно, я серьезно намеревался предложить распорядителям «великого» фонда Гуггенхайма^[22] отправить меня наудачу, без маршрута, в путешествие по всему свету, чтобы искать среди богатых и бедных, мудрых и глупых, хороших и дурных, белых, и красных, и коричневых, и черных, и желтых то, что делает людей счастливыми. Впрочем, кажется, прочитав о финансировании работ одного ученого, занимающегося изучением так называемой кладбищенской поэзии Англии, я понял, что каждый человек должен искать истоки счастья самостоятельно.

Немного спустя после того сладостного часа в Гренландии, о котором я рассказал, мы прервали свой отдых и снова отправились к потерпевшему крушение боту. Прошло уже несколько часов, прилив кончился. Крепкий ветер продолжал бушевать, волнение на море было еще сильное. Нам стало ясно: судно останется на уступе скалы и во время отлива даже частично будет выступать из воды.

По-видимому, бот был полностью опустошен. Море унесло все, что находилось в боте и могло плавать. Люк на баке был открыт, и волны вырывались из него, как гейзер, всякий раз вынося наверх какое-нибудь курьезное добавление к живописному ассортименту вещей, усеивавших скалы и воду. Книги, бумага, холсты, ботинки, носки, яйца, картошка — мы выуживали все, что могли!

— Поймал книгу, — крикнул помощник, действуя длинным шестом как удилицем, и, подбросив свою добычу вверх на скалы, подобрал ее.

— «Торжество смерти», — прочитал он вслух.

Из моего длинного дневника плавания мы нашли только одну страницу, последнюю. «Завтра я буду писать этюд», — прочел я. Но теперь это неосуществимо: все необходимые для этого принадлежности наверняка пропали, и я подумал, как мало значит сейчас все это — картины, дневники, книги и тому подобные предметы.

Одно стало ясно: нам удастся подобрать немалую часть того, что оставалось на борту. Потому ли, что мысль об этом предстоящем богатстве делала нас в тот момент относительно беднее, или потому, что щедрое приращение наших запасов лишало все сделанное для их спасения героического оттенка, но что-то разрушило мое недавнее ощущение полного счастья. И вместо того чтобы мечтать прожить здесь несколько недель или все лето, я стал думать только о том, как выбраться отсюда.

IV

Караяк-фиорд Полночь, 15–16 июля

Приближалась полночь. Среди валунов, лежавших кучей у подножия скалы, рядом с которой мы разбили лагерь, горел большой костер. Красноватый свет от него, падая на близлежащие предметы, сгущал мрак окружающей пустынной местности и скрывал от нас зрелище бури. Вокруг пылающего огня висели и сушились одеяла и одежда. Они отгораживали нас стеной от ночи и задерживали порывы ветра, проникавшие к нам из-за скалы; в то время как с одной стороны от одеял шел пар: так было жарко; снаружи они покрылись брызгами дождя, которые нес ветер. У огня было тепло. И хотя остальные все еще возились около затонувшего бота, я сидел здесь, прижавшись к скале, пользуясь привилегией и посушиться, и отдохнуть.

Мысли, которым предавался я в продолжение длившегося менее часа полусна, были такого приятного свойства, что их настоятельно требовалось скрыть от моих товарищей. В конце концов кораблекрушение — случай, который подобно смерти накладывает на

нас, как на джентльменов и героев, обязанность сохранять выражение стойко переносимого страдания, трагедии, облагораживаемой храбростью. Мы не должны плакать, но наша улыбка, если мы склонны улыбаться, должна быть смягчена изящным выражением усилия, чтобы не оставалось никакого сомнения в том, что под ней скрывается душевное страдание. Я испытывал тайный стыд оттого, что радовался.

Я немного радовался даже тогда, когда судно билось о камни, какой-то дьявольский голос — мой собственный — шепнул мне «ты рад». И хотя пристойности ради я подавил этот голос, но это была правда. Мысль эта была грехом и правдой; под их двойным влиянием она продолжала жить во мне, развиваться, расти. И в то время как я сидел у огня, она расцвела; я осмелился взглянуть ей в глаза и назвать ее своей.

Когда немного спустя остальные вернулись с места крушения и принесли с собой жалкие спасенные вещи, я сказал: «Как чудесно», но подумал, как безвкусно судьба лишила нас прекрасного совершенства нашей катастрофы.

Сейчас час ночи, наступило время моего освобождения от разочарования из-за такого унылого снижения драматизма нашей трагедии. Уже, несмотря на бурю, из-за гор выползает серый рассвет, и опять открывается голая пустынная местность, уходящая вдаль изрезанная линия берега, вдоль которого я собираюсь с надеждой брести.

Мой рюкзак готов. Его содержимое: провизия на неделю, палатка, запасная пара носков, свитер, примус, кастрюля и кружка, два одеяла, большой и тяжелый судовой компас. Поклажа тяжела, не меньше пятидесяти фунтов, потому что вещи мокрые. Я взваливаю мешок на спину и надеваю лямку на лоб. Готово.

Молитва — вещь полезная и необходимая для нас лишь как ритуал. Это — самоизмерение человека во славу божию. Мой обряд связан с хронометрами. У меня были прекрасные хронометры, предоставленные мне во временное пользование их знаменитыми изготовителями. Эти хронометры побывали в разных путешествиях и служили великим мореплавателям. Хронометр — это прибор для измерения божества во времени, ради удовлетворения мелких нужд и ради удовольствия человека.

— Не забывайте, — сказал я помощнику, — заводить хронометры в полдень.

Тем, кто придает значение молитве, я могу объявить во всеуслышание, что часы эти остановились только через два месяца после нашего прибытия в Данию.

V

16 июля. 1 ч. ночи
Путешествие по суше

Я тронулся в путь бодрым шагом, легко прыгая по кочкам болотистой почвы. Так, прыгая и напевая, я в одно мгновение добрался до склона. Обернулся, чтобы в последний раз взглянуть назад. Как далеко я ушел! Вдали виднелся огонь, маленькая звездочка в слабом свете раннего утра, а на скале стояли две крохотные фигурки и махали руками, прощаясь со мной. «До свидания!» Спускаюсь вниз в ущелье, к берегу реки. Речка быстра и глубока. Я не решаюсь переправиться через нее в этом месте, а иду вверх по течению.

Вскоре подхожу к круглому озеру, которое мы видели накануне: речка вытекает из него. Здесь она шире, но мельче. Пробую перейти ее вброд, но вода доходит до верха голенища. Резиновые сапоги — моя единственная обувь, и я не хочу набирать в них воду в самом начале путешествия. Возвращаюсь на берег, разуваюсь и раздеваюсь. И сюда, в защищенное от ветра место, попадают капли дождя. Масса комаров. Чтобы не рисковать в быстром течении реки всем заразом, я сначала

перетаскиваю вещевой мешок. Холодная, ледяная вода доходит мне до пояса, к счастью, не выше. Вернувшись и забрав намокшую одежду, я натягиваю ее на мокрое тело, опять взваливаю на спину мешок и отправляюсь дальше. Но уже не пою.

Я должен придерживаться берега и потому возвращаюсь к нему. Местность теперь более возвышенная, холмистая, неровная, заболоченная. Идти по ней трудно. А формы ее так огромны и просты, что обманывают глаз: то, что представляется совсем небольшим растоянием, оказывается длинным путем. Внезапно я чувствую себя очень маленьким существом, медленно-медленно ползущим по обширному пространству.

Величественный ландшафт производит глубокое впечатление. Я смотрю вниз на темный продуваемый ветром фиорд, на дальние горы, громады которых вырисовываются сквозь серую пелену дождя; смотрю вверх на ближние горы, возвышающиеся надо мной; кое-где на них видны снег и лед, и кажется, что здесь еще зима. Но под ногами у меня высокая зеленая трава, смятая ветром и дождем, повсюду яркие цветы. Приходит в голову мысль срывать цветы на ходу, чтобы собрать букет для моей милой. Странное занятие. И я начинаю рвать цветы.

С этого момента собирание полевых цветов превращается в навязчивую идею, становится более, реальной, ощутимой целью пребывания здесь и, странно сказать, более важным делом, чем цель моего путешествия. В течение долгих утомительных часов я бреду вперед, часто уклоняясь в сторону, чтобы сорвать какой-нибудь новый яркий экземпляр и присоединить его к растущему в моей руке пучку. Сколько людей проходят так по жизни, сжимая в руках букеты полевых цветов!

VI

Полуостров Нарсак Западная Гренландия

Я старался держаться берега, но его крутизна постоянно заставляла меня отходить дальше в глубь острова. Наконец я оказался на голом каменном уступе довольно высокого холма, на который с трудом взобрался. Внизу подо мной далеко простиралась низина, заливаемая морем. Новый крюк! Изрезанное, неровное, холмистое и гористое побережье впереди не обещало легкой дороги. На минуту я пал духом. Усталый, присел под прикрытием валуна, чтобы отдохнуть, съесть кусок шоколада и сориентироваться по карте.

Если считать, что мы потерпели кораблекрушение в Караяк-фиорде, то сейчас должны находиться от Готхоба менее чем в тридцати милях морем. Но по суше его не достичь. В том месте полуострова, где мы находились, на карте был обозначен поселок. О характере поселка, зимний ли он или существует круглый год, карта ничего не сообщала. А мы слишком много начитались о старинных кочевых обычаях гренландцев и слишком мало знали об их современных нравах, чтобы

быть уверенными в том, что найдем людей в месте, которое на карте называлось Нарсак.

Существует или нет этот Нарсак, можно было, по моим расчетам, узнать очень скоро, так как, если верить карте, он находился всего лишь в восьми милях от нашего лагеря. И вот для того, чтобы это выяснить, чтобы твердо знать, где мы находимся, и найти какой-нибудь выход из затруднительного положения, я и стою на вершине холма под проливным дождем со своей палаткой и недельным запасом провизии на спине. Хотя я немного отдохнул за эти несколько минут и подкрепился, но все-таки совсем не испытываю бодрости при виде расстилающегося передо мной в высшей степени унылого пейзажа.

VII

Морской берег Болота и горы

Унылый край! К чему рассказывать, как я его узнал, проникся его духом, преодолевая шаг за шагом зигзаги утомительного, тянущегося на много миль пути. Вниз по склонам холмов, крутым и скользким, или усыпанным обломками сланца и валунами, или пересеченным ущельями и отвесными спусками; вниз, вниз до заливаемых морем низин, по которым я брел, оступаясь в воде, с тяжелым грузом, в тяжелой обуви. Я искал на берегах глубоких, раздувшихся от дождя потоков место, где можно было бы перейти вброд или рискнуть прыгать с грузом по скользким камням с одного на другой. Я снова взбирался на склоны холмов, обходя какое-нибудь болото или озерко, проходил мили, чтобы продвинуться вперед на несколько сот футов. К чему рассказывать обо всем этом? Разве только для того, чтобы передать читателю какое-то ощущение бесконечного числа часов, пройденных миль и предельной усталости, охватившей меня.

Дорога гориста, я отклонился вглубь и иду не в нужном мне направлении. Снова вниз, к морю, может быть, удастся пройти по привлекающей меня равнине. Отлично! Твердая и гладкая поверхность. С новыми силами шагаю вперед.

Внезапно равнина обрывается отвесным уступом к вдающемуся в сушу морскому заливу. Следуя вдоль берега залива в глубь его, дохожу до места, где потоки водопада низвергаются в каньон. Иду вверх по течению. Наконец добираюсь до места, где, кажется, можно перейти. Сбрасываю свою поклажу и тщательно исследую всякую точку, куда можно ступить, рассчитываю каждый шаг, просматриваю все места, где придется прыгать. Переход возможен. Но если я поскользнусь и упаду, все будет кончено навсегда! Я задумываюсь над этим. Затем усталый, с чувством стыда, снова поднимаю мешок, взваливаю его на себя и, тяжело ступая, продолжаю идти вглубь, удаляясь от берега.

Но если бы я знал, куда это меня в конце концов заведет, то, может быть, рискнул бы прыгнуть.

VIII

16 июля

В глубь полуострова Нарсак

Прошло несколько часов. По моему расчету, уже вечер. Я стою на высоком плато, окруженном вершинами невысоких гор. Здесь, наверху, холодно и мрачно. На северных склонах лежит снег, растительности мало, кругом только голые камни. Дождь льет не переставая, по всему лицу земли бегут потоки воды. Как я сюда попал? Зачем?

Продолжая идти вдоль низкого болотистого берега, я, наконец, вышел к широкому озеру, простиравшемуся в ту сторону, откуда я пришел. Иду дальше вдоль берега озера. Затем там, где, казалось, оно кончается, на пути встретилось маленькое ущелье, из которого вытекала вода другого, расположенного выше, озера. Наконец, обойдя все препятствия, я снова достиг берега первого озера. Идти здесь было хорошо. «Скоро я его обогну!» — радовался я.

Но в одном месте выступал отрог горы, стеной подымавшейся прямо из глубин воды. «Нет, — подумал я, — у меня нет сил вернуться

назад, снова пройти столько миль». И вместо того чтобы начать длительное, безопасное, постепенное восхождение, полез на этот отрог.

Может быть, ничто из того, что мне придется делать за всю мою жизнь, нельзя будет даже сравнить с тем тяжелым трудом, который я приложил к тому, чтобы взобраться на эту небольшую гору. Как я устал! Трудно было из-за вещевого мешка. Я не мог нести его на спине: под его тяжестью я неминуемо должен был опрокинуться. Пришлось волочить его. Отыскав точку опоры, я затем подтягивал мешок. На мгновение опирал его на какой-нибудь маленький выступ скалы, нащупывая в это время новую точку, чтобы поставить ногу. Иногда клал его на уступ выше себя и взбирался к нему. Один раз я забросил мешок вверх дальше, чем мог достать рукой, и обнаружил, что не в силах туда взобраться. Я отправился в обход, подошел к мешку сверху, протянул руки вниз и с большим трудом дотянулся до него... «А что если он вырвется у меня из рук и скатится обратно вниз! — думалось мне. — Я ни за что не смогу вернуться за ним».

Тут мне пришла в голову странная мысль: я со своей ношей — христианин, все это путешествие, его трудности, обходные пути, рискованные положения придуманы для того, чтобы с их помощью испытать в моем лице веру и стойкость Человека, который представлен мною. И мысль эта стала навязчивой идеей. Заглушая громкий голос отчаяния, я бормотал, как сумасшедший: «Я взберусь, я взберусь!» И так благодаря безумию достиг вершины.

Здесь, как человек прошедший через страшное испытание или перенесший тяжелую болезнь, похудевший и исполненный святости, я лег навзничь на траву. Перед моими широко раскрытыми глазами по небу ползли низкие облака. Они двигались плавно и бесшумно. Какой покой был там, в мирной вышине!

Вскоре я поднялся. Взвалил на себя мешок, казавшийся теперь легким, и спустился по другой стороне отрога к озеру. Оглянувшись назад, на берег, я увидел, что, перевалив через гору, продвинулся ярдов на сто. Расстояние это казалось солидным. Поэтому, установив примус под прикрытием большого камня, я приготовил и съел обед: суп с сухарями.

Подкрепившись, прошел совсем немного и подошел к главному впадающему в озеро потоку, раздувшемуся, как и все остальные, до внушительных размеров. Мне пришло в голову, что лучше будет

оставить дорогу берегом, идти по водоразделу и обогнуть таким образом бурные потоки, оказавшиеся серьезным препятствием для продвижения вперед. Это означало, что мне придется с трудом подниматься в гору, но, поскольку, как я заметил, горы простирались до самого берега моря, их предстояло пересечь в любом случае.

Сколько занял у меня этот крутой подъем, я не мог установить: время мне показалось вечностью. Путь был очень неровный и извилистый. У мешка с ляжкой, надетой на лоб, есть свое преимущество: вы идете в упряжи. Шея и голова неподвижны, напряжены, глаза смотрят на землю под ноги. Спина согнута под углом, точно соответствующим положению равновесия, и остается так все время. Вы держитесь за пояс или сплетаете пальцы рук за спиной, чтобы поддержать ношу и дать отдых усталому позвоночнику. Ноги имеют только одну возможность — шагать. Не глядя ни вперед, ни назад, без мысли, как мул, ритмично, как часовой механизм, вы шаг за шагом оставляете за собой часы и мили.

Итак, я достиг вершины. Оборачиваюсь. Гляжу назад и удивляюсь, как мне удалось забраться так далеко. Готовлю себе чай, отдыхаю несколько минут. Как здесь наверху холодно! Продолжаю весело идти вперед, пока передо мной не открывается цепь озер. Пройдена и она.

Я стою в этом унылом месте и думаю: что же дальше, где я? Кладу компас на мох, пробую угадать, где я нахожусь, определяю направление пути. Отлично! Мой путь пойдет через широкий проход между крутыми скалами. Это полого поднимающийся склон. Я торопливо иду по проходу, как будто прохожу через ворота, ведущие к цели путешествия. И там, насколько я могу разобрать в надвигающемся мраке и сквозь дождь, местность понижается. Я пересек водораздел.

Теперь чашку бульона, минуту отдыха! Чувствую, будто я родился вновь. «Нет, ни за что не остановлюсь», — восклицаю я и пускаюсь снова в путь, бегом.

Пройдя около двухсот ярдов, я внезапно теряю уверенность, спотыкаюсь, невероятная усталость охватывает меня.

Недалеке выступ нависающей скалы, которая может служить укрытием. Дохожу до нее, сбрасываю ношу наземь. Я окончательно вымотался. Судя по темноте, уже около полуночи. Буду спать здесь.

IX

Строительство Реконструкция

Когда-нибудь ученый, участник великой экспедиции по проведению исторических и антропологических исследований в Гренландии, разведывая возвышенные места на полуострове Нарсак, набредет на такой образец древнего примитивного жилья, который должен будет убедить его не только в том, что в прошлом здесь обитало племя, жившее в пещерах или среди скал, но и в относительно высоком уровне развития этого племени, выполнявшего каменные работы. Какую экономию имеющихся средств дает использование естественных уступов: построив одну маленькую стенку, эти люди ухитрились получить жилище с тремя стенами и крышей в виде нависающего выступа скалы! В гниющем мхе, который густым слоем устилал уступ скалы, образующий пол, ученый, может быть, увидит доказательство того, что племя это больше всего любило удобства, комфортабельные мягкие ложа, супружеское счастье и сон. Но какими, по-видимому, мелкорослыми были эти горные жители, если они жили в

такое тесное и низкое жилище, что с хорошо наполненным животом нельзя проникнуть внутрь.

Да, они были бедны и голодны, эти люди каменного века, любившие комфорт. Они жили на этих голых холмах, загнанные сюда более воинственными обитателями побережья, питаясь бог знает чем. Выносливое племя!

Этот ученый никогда не узнает, как любил удобство, как мечтал об очаге и еде и супружеском счастье тот, кто построил это жилище; как он старался вызвать пламенные сны вопреки сырости и холоду, терзавшим его в течение одного-единственного долгого, бессонного, несчастного полуночного часа; как он, измученный, а не отдохнувший, вылез из своей постели и принялся прыгать, плясать, хлопать себя по спине руками, выкрикивать песни во мраке, под проливным дождем.

Странные вещи происходят и сейчас в диких местах; знает ли о них сам бог?

X

17 июля. Рассвет. 1 ч. ночи

Наконец терпение мое иссякло. Покинув свое жалкое ложе, я зажег примус, сварил суп, съел его. Упаковал мешок и, подняв промокшую насквозь ношу, — набросил широкую лямку на лоб. Снова в упряжке! Время за полночь. Серый свет раннего утра освещал мой путь.

Долгое время я ставил левую ногу впереди правой, затем правую впереди левой. Шел то в гору, то спускался с горы. Я видел, как под ногами медленно проходили луга, покрытые травой, болота, сланцы, скользкие уступы скал, ручьи. И все время я ориентировался по поблескивавшему слева озеру.

Наконец дошел до места, где озеро кончилось. Отдыхаю, оглядываюсь назад и вижу, как далеко я ушел. Смотрю вперед и вижу, что местность круто понижается и там далеко внизу подо мной лежит новое озеро, окруженное холмами. На дальнем берегу озера прямо из воды поднимается небольшая крутая гора, выше той, на которой я стою. А направо и налево от нее, за низкими холмами, океан.

Но где же Нарсак? Я поворачиваюсь и взбираюсь на последний отрог ближайшего горного хребта. Когда я поднимаюсь на гору, низко нависшие дождевые тучи расходятся и рассеиваются. Солнце пробивается наконец сквозь них — такое жаркое, прекрасное! Выше, выше!

Вдруг, когда я переваливаю через гребень, передо мной открывается целый новый мир — суша и море; далекие снежные вершины и ослепительные местами кусочки материкового ледника, горы и мысы, острова, бухты и заливы; и океан — синий, спокойный. Гренландия! Боже, как мир может быть прекрасен!

XI

17 июля. Тирольская песня

Определив с вершины горы направление, я через несколько часов приблизился к морю. Дорога была извилистая и трудная, пришлось переходить через сырые низины, переправляться через потоки. Я смертельно устал. Но утро было так прекрасно, солнце так приятно пригревало, вокруг были такие очаровательные места, манившие путника разбить здесь палатку и пожить несколько дней. Поэтому усталость, как повод для остановки, казалась неуместной, неподходящей ко всему этому. Я точно знал, где нахожусь, знал, что цель моего путешествия, Нарсак, не могла быть далеко и с каждой вершины холма мог уже открыться вид на него. А как утешение после частых разочарований каждый раз на пути оказывался новый холм, на который нужно было взбираться.

Один раз, переправившись через речку, я сел на мягкую прибрежную траву и подумал: «Здесь, на солнце, я расстелю свои вещи, посушу их, посплю». Но, помыв ноги, посидев немного на солнышке и съев кусок шоколада, я встал, надел мешок и двинулся

дальше. Как и раньше, я думал: «Еще один холм и конец». Эта упорная мысль так крепко завладела моей душой и телом, что я мог продолжать движение вперед, именуемое ходьбой, пока не упал бы от истощения или не обошел вокруг света, если б, достигнув какого-то «еще раз последнего» гребня и остановившись на нем отдохнуть, не увидел далеко на спокойной глади океана маленькое, еле движущееся пятнышко.

Казалось, в это утро после нескольких дней бури все в природе соединилось, чтобы создать такой совершенный покой. Можно было сказать: нет ни звука, ни движения, кроме звучания и движения солнечного света. И вдруг эту полную тишину разрушил долгий, дикий, пронзительный, радостный, переливчатый вопль на тирольский манер. Он наполнял долины, переваливал через холмы и бился о склоны гор. Эхо докатилось до моря и понеслось долгим беспорядочным шумом по его спокойной поверхности. А я стоял на вершине скалы и махал руками как сумасшедший.

В каяке сидел гренландец и лениво удил треску. Океан был в этот день недвижим, солнце так грело, что никому ничего больше не было нужно: треске не нужна была еда, а рыбаку было так хорошо, что это его не беспокоило. Возможно, рыбаку даже спал, так усыпительно может быть в такой день ритмичное подергивание удочки. Внезапный шум, переливчатый вопль с пустынного берега был для него полной неожиданностью.

Он с удивлением, испугом или, может быть, с восторгом услышал эти звуки и, подняв голову, увидел далеко на суше четко вырисовывающуюся на фоне неба отчаянно размахивающую руками фигуру — меня. В то время как прыгающая фигура неслась к нему, гренландец смотал свою удочку, взял в руки весло и с робким любопытством направил лодочку к берегу.

XII

Знание и предвидение

Канун нового, великого события — встречи в пустынном месте людей, не только чуждых по социальным условиям, но разделенных десятью тысячами лет жизни своих племен. С одной стороны — выходец из племени переселенцев с «Мэйфлауэра»^[23], потомок Вильгельма Завоевателя, Карла Великого, Брайона Бору и т. д., наследник культуры Калвина Кулиджа, Уоррена Хардинга, доктора Крейна, Линкольна, Мелвилла, Гёте, Казановы, Матушки-гусыни, Цезаря, Иисуса, Юпитера, Будды, Бога — человек, душа и разум которого — результат брожения массы из ума и мудрости, красоты и добродетели, культуры и изящества, образованный джентльмен, христианин; с другой — боже, какое драматическое положение! — человек каменного века. Разве удивительно, что я остаиваюсь в нерешительности?^[24]

Я искренне прошу отнестись к предмету моего рассказа с тем вниманием, которое уделяется умному путешественнику и квалифицированному наблюдателю. Но то, что мне приходится

просить об этом, может легко обнаружить мое беспокойство из-за отсутствия общепризнанных заслуг ученого — титулов, степеней, связей и целеустремленности, которые придают бесспорный авторитет их обладателям. Мне пришло в голову, когда я искал себе оправдание, что, несмотря на большие претензии усердных и знающих ученых, измерителей черепов и взвешивателей разума — биологов, морфологов, текстологов, психологов и других, тех, кто, вооружившись диаграммами и таблицами, идут на приступ чуда и тайны живого, я, чувствительный, наделенный благими намерениями простой смертный, без всякого оборудования, кроме интуиции и здравого смысла, так хорошо помогающих большинству людей общаться, существовать и соединяться в пары в жизни, могу в делах человеческих попасть в точку не хуже, чем если бы я был по меньшей мере доктором философии Гейдельбергского университета.

XIII

Встреча человека с человеком

Бегом, прыгая, спотыкаясь, скользя на камнях, снова продолжая бежать, добираюсь до берега. Я стою на камнях маленького мыса в десяти футах над водой и смотрю вниз на гренландца в каяке. А гренландец смотрит вверх на меня. Я ободранный, грязный, исхудалый, небритый. Гренландец одет в белую, без единого пятнышка рубашку с капюшоном — анорак. Он темнокож, и его коричневое лицо блестит на солнце, как полированная бронза. Черты лица у него восточные: широкие скулы, маленький нос, большой рот с пухлыми губами, маленькие черные блестящие глаза. Мы с серьезным видом обмениваемся приветствиями и начинаем разговор.

Неважно, что он говорил только по-эскимосски, а я не знаю на этом языке ни слова и что, не имея общего языка, мы прибегли к доязыковой жестикуляции, не считаясь с тем, что универсальность взгляда и жеста претерпела большую эволюцию. Я рассказал ему свою историю. Рассказал, как мы отплыли из Америки на маленьком судне, добрались до Гренландии, бросили якорь в фиорде, потерпели

крушение. Что я вот уже тридцать шесть часов иду по горам. Что я устал. Все это я рассказал со всем драматизмом, на какой способен, а это немало. Мной был пущен в ход пафос и юмор. Когда я говорил с пафосом, он смотрел на меня сочувственно, мой юмор вызвал у него улыбку, прекрасную улыбку. «О брат мой, — думал я, — как мы абсолютно одинаковы. Но ты богатый человек, а я бедный бродяга, шляющийся по побережью. Ты чист и аккуратен, а я вызываю отвращение. Ты гражданин своей родины, у себя дома, а я бездомный чужак, бог знает откуда! И в то время как мое неуклюжее суденышко лежит разбитое, полузатонувшее на скалах, ты сидишь в самой изящной и прекрасной лодочке, какую только мог изобрести человек». И я понял в тот момент, если не знал этого раньше: все, что мы называем цивилизацией, все укрощающие, облагораживающие силы искусства, науки, религии, романтических традиций, нравственности — все это результат ничего иного, как действия среды, в которой рождается неизменная бесконечная цепь человеческих потомков каменного века.

— Тут немного дальше по берегу есть поселок, — сказал гренландец, — там живет человек, который говорит по-датски. Идите сушей, а я поеду кругом на лодке и встречу вас.

Он взялся за весло, чтобы грести. Я же усталым движением поднял мешок и взвалил его на себя. В том месте, где мы стояли и разговаривали, море вдавалось в берег маленьким заливом. Мне нужно было вернуться немного назад, вглубь, чтобы обогнуть его. Гренландец, должно быть, повернул голову, чтобы посмотреть, как я пойду. Заметив мою тяжелую походку, он в одно мгновение поравнялся со мной, обогнал меня. В глубине залива мой новый знакомый вылез из каяка, ловко вытащил его из воды, бережно положил на берег и пошел мне навстречу. Мы пожали друг другу руки. Он взял у меня тяжелый мешок и взвалил его на себя.

— Сигарету? — предложил я.

Покуривая, как старые друзья, мы двинулись в Нарсак.

Нарсак. 17 июля

Они бежали со всех сторон — яркие, быстрые фигурки, мужчины и женщины, мальчики и девочки. Они высыпали из домов, выскакивали из-под земли. Все они сошлись вместе, образовали толпу и побежали нам навстречу. Среди этих малорослых людей бежал громадный человек, великан с круглым веселым лицом и светлыми усами. Обут он был в деревянные башмаки, в ухе болталась золотая серьга. Вот, подумал я, уж это настоящий датчанин. Мы встретились, пожали друг другу руки, и я начал рассказывать им всем историю моей жизни.

Все находили ее занимательной. Еще бы! Я указал далеко на юго-запад, за море, и сказал: «Америка». Они поняли. Сложив руки ковшиком, чтобы изобразить лодку, я дул на них и качал их из стороны в сторону, чтобы представить ветер и волны. Я показал, как мы вошли в Караяк-фиорд и стали там на якорь. Затем изобразил им, так что у меня лопались легкие, картину бури и крушения. Рослый человек понял меня.

— Идем, — сказал он на языке, который я счел датским.

И я пошел с ним в самый лучший дом в поселке, его дом. Потому что он был начальником торгового пункта.

Он взял бумагу, перо и чернила и старательно изложил мой рассказ в письме губернатору Готхоба. Вот перевод этого письма:

*«Дорогой господин управляющий и шериф Ч. Симони!
Они пришел американец по суше из Караяка на их лодке или корабле он затонул с двумя людьми. Пожалуйста будьте добры приезжайте и скажите ему об, я не могу с ним говорил.*

*Желаю счастья и долгих лет.
Вам и миссис.*

Искренность Ваш

Торн Хольм».

Он промокнул письмо, запечатал его и попросил самого лучшего в деревне гребца отвезти письмо в Готхоб. Затем с сияющим лицом вернулся ко мне.

— Будьте как дома, — сказал он.

Его жена — преждевременно состарившаяся гренландка, морщинистая, согбенная. Дочь — высокая, стройная, красивая брюнетка. Обе были одеты в очень идущий женщинам гренландский костюм: короткие, ярко расшитые штаны из тюленьей кожи, высокие сапоги из этого же материала и пестрые ситцевые рубашки.

Я захотел помыться и побриться. Они принесли мне горячей воды, мыло и безопасную бритву, прислуживая с такой милой любезностью, что я внезапно осознал свое одиночество. Став немного чище, я отправился вместе с начальником торгового пункта в лавку и, сняв всю свою одежду, переделся в грубое чистое платье, какое смог там купить. Затем, чувствуя себя великолепно отдохнувшим, отправился бродить по поселку, надеясь, что девушки будут влюбляться в меня. Но потому ли, что я выглядел слишком старым или измученным, или казался некрасивым, или просто имел дурацкий вид, ни одна из них, насколько мне известно, в меня не влюбилась. Под конец я удовлетворился тем, что, сидя на пригорке, смотрел на девушек и парней, поселок и море, сожалея, что ни к чему этому непричастен.

Человек и сверхчеловек

И так, хотя я, кажется, уже объяснял, что происхожу от Карла Великого, меня постоянно выводит из себя, что я то здесь, то там, а в общем везде натываюсь на бедных родственников. Причем родство это, к несчастью, обнаруживается через одинаково присущие нам отталкивающие черты. Боясь, что признания, подтверждающие это наблюдение, могут бросить тень на меня самого, я предпочитаю сослаться на исследования в области человеческого поведения одного моего приятеля, склонного к науке.

Этот приятель занимал квартиру, из окон которой была видна значительная часть жилого района центрального Манхаттана. На него смотрели фасады и тылы ближних и дальних многоквартирных домов, гостиниц, пансионатов, частных владений, битком набитых и кишмя кишящих существами, принадлежащими к роду «человек». И вот он решил — разумеется, только из высоких побуждений — установить у одного из своих окон мощный телескоп. По вечерам, когда люди обычно удаляются в интимную обстановку своих спален, будуаров и

ванных комнат, он направлял объектив телескопа туда, где забыли опустить шторы, и мог, таким образом, наблюдать и изучать поведение людей, не подозревающих, что их кто-то видит.

Собираясь предъявить столь серьезные обвинения, я хочу заменить важные обобщения моего приятеля рассказом о том, что однажды ночью довелось увидеть мне самому. И все же, даже опираясь на авторитет собственного свидетельства, я не решаюсь так грубо нарушать условности хорошего тона и могу только намекнуть о том, что открылось моему взору. Уж лучше скажу одно — ибо к тому я и веду весь этот разговор, — что среди мелких привычек эскимосов нет ни одной такой, которая не была бы в ходу у представителей нашей благородной арийской расы. Примите это авторитетное заявление из уст Подглядывающего Тома.

Однако я не хотел бы, чтобы меня записали в защитники неприкрытого греха. Уж лучше будем относиться к этому с той же терпимостью, с какой относимся к пьянству, не заставляя себя воображать, будто мы лучше, чем есть на самом деле.

И вот я брожу среди дерновых построек гренландцев, наблюдая, насколько мне удастся, их жизнь, испытывая порой капельку отвращения, но еще больше завидуя, разглядывая и подвергаясь разглядыванию, смеясь и терпя насмешки, очарованный и трудолюбием, и праздностью, и общим для всех весельем. Я то прохаживаюсь, то, застыв на каком-нибудь пригорке, принимаюсь размышлять о жизни и любви, о грязи и о счастье, вздыхаю о собственной судьбе. А часы бегут. Что же происходит тем временем?

XVI

От Готхоба до Караяка

Двадцать два гренландца гребут как сумасшедшие, направляясь в Караяк-фиорд, где после десятичасового сна трудятся вовсю, спасая свое имущество, потерпевшие кораблекрушение. Во время отлива они выуживают вещи, во время прилива относят их в лагерь. Но вот прибывают гренландцы с запиской от меня. Пир, чтобы отпраздновать это событие! И толпа, собравшись вокруг пылающего костра, пьет кофе и ест сухари.

Один гренландец гребет изо всех сил, направляясь на север в Готхоб. Прибыв туда, он спешит в дом управляющего колонией ^[25] Симони и передает ему письмо.

— Как! — восклицает Симони, — самолет Крамера потерпел аварию в Караяк-фиорде? И два человека утонули?

Он посылает за доктором.

— Едем, доктор! Может быть их удастся спасти.

Сзывают людей. Каждый садится на свою моторку и отправляется.

Мимо проходит лодка губернатора Южной Гренландии, возвращающегося из экспедиции. Они окликают команду и сообщают с борта новости. Три лодки полным ходом идут в Нарсак.

Я только что кончил обедать в доме начальника торгового пункта. Обед был хороший. Мы пили шнапс и пиво. Сейчас сидим, прихлебывая бренди, и курим большие сигары. Мы веселы и довольны. Внезапно в гавань входит на всех парах эскадра правительственных судов, и я бегу встречать их, восторженно приветствуя взмахами флага.

Представители власти смотрят на меня с изумлением:

— Странный человек, товарищи его мертвы, а он смеется.

Они сходят на берег.

Губернатор мистер Ольдендов, чрезвычайно красивый мужчина в военной форме, обходительный джентльмен, скорее, думается, похож на придворного, чем на губернатора отдаленной области. Если б я знал!

Мистер Симони, пожилой, склонный к полноте и грусти, — человек такой доброты, что она излучается из него отовсюду. Пожимаешь ему руку, как старому, дорогому другу.

Доктор Борресен. Этот себе на уме и, обмениваясь со мной формальным приветствием, подмигивает.

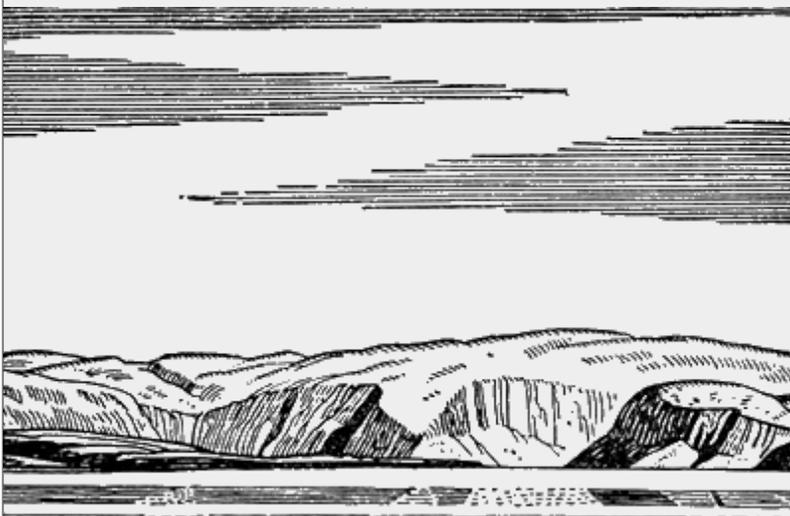
Я рассказываю свою историю по-английски. Они все хорошо владеют этим языком.

— Так, — говорит губернатор, — А у вас есть разрешение высадиться в Гренландии?

Разрешение на жизнь, разрешение на смерть! Когда меня выставили из Ньюфаундленда, то заставили получить разрешение на выезд.

Что ж, разрешение у меня было: и разрешение, и: паспорт, и аккредитив, и наличные. И когда все было улажено, мы взошли на борт, чтобы отправиться в Караяк.

XVII

Труба Гавриила. 17–18 июля

Мы отплываем воскрешать из мертвых. Что может быть хуже этого, кроме похорон? Воскрешая жизнь, любовь, ненависть, кости. То, что уже сделано, отжито, кончено, чего лучше уж не трогать, снова вытаскивается на свет. Упаси меня боже от этого! Покончим с неприятным делом.

— Мы заставим его всплыть! — говорит губернатор, глядя на высокую мачту бота «Дирекшн», выступающую из воды.

До конца отлива еще пять часов, в Нарсак за бочками отправляется моторная лодка.

Двадцать два гренландца сидят на камнях, избивая комаров.

— Гренландцы, идите угощаться!

Они, толкаясь, идут в лагерь, ухмыляются, смеются. Здесь разложены запасы с «Дирекшн»: горох, фасоль, рис, кофе, чай, кукурузная мука, овсяная мука, пшеничная, масло, мешки, банки, куски и обрезки всякой всячины. Они набрасываются, толкая друг друга, как дети, на все, что мы выкладываем.

«Это вам, это нам. Вам, нам; вам, вам, вам — нам».

Дележ продолжается до тех пор, пока у каждого не оказывается такая куча, что она не уместается в каяке. Вот мы доходим до того, что сохранилось из игрушек, привезенных для них, — маленький деревянный рожок. Они чуть не передрались из-за него. Наконец счастливец, выбравшись из свалки, отбегает на несколько шагов и дудит в рожок. Он издает забавный, слабый, писклявый звук, и все режут от восторга.

Тогда я достаю свою серебряную флейту и играю для них. Я играю «Ах, мой милый Августин», и все двадцать два гренландца поют хором. Затем я пою с переливами на тирольский лад. Вот это вещь!

А время идет, начинается отлив, и возвращается стрекочущая моторка, груженная пустыми бочками. Палуба «Дирекшн» уже выступает над водой.

— Наполните бот бочками, — приказывает губернатор.

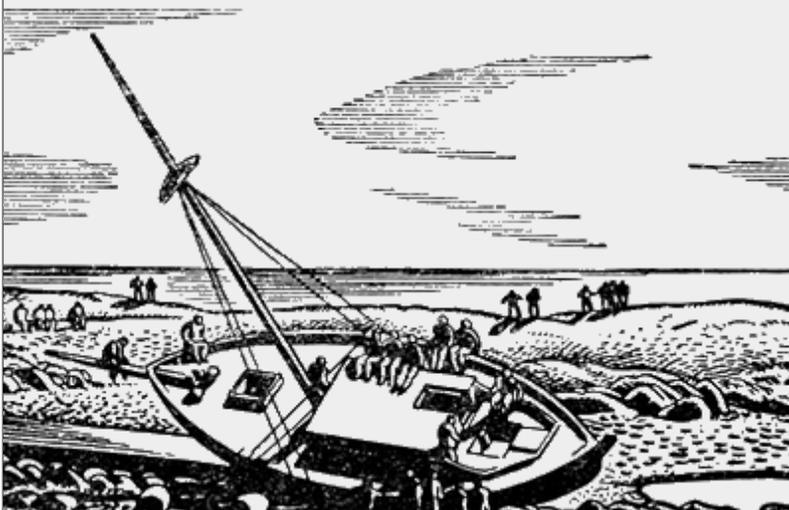
Вталкивают бочки через передний люк одну за другой, пока выпотрошенные помещения под палубой не наполняются, сверху к бочкам веревками привязывают планки. Все готово, остается ждать, ждать прилива. И прилив медленно поднимается.

К носу и корме бота, к верхушке мачты привязывают канаты и крепят их к моторным лодкам. Начинают тянуть. Лодки тянут, канаты напрягаются, но бот не двигается. Зеленая вода взбивается в белую пену. Еще раз и еще. Раскачивают бот за верхушку мачты. И вдруг он начинает двигаться. Полный ход вперед! Бот скользит. Тяните не останавливаясь, тяните все!

Как будто со вздохом — «Ну что ж, раз уж я должен опять жить» — «Дирекшн» ослабляет свою схватку со смертью и соскальзывает с уступа скалы.

Бот на плаву!

XVIII

Прощай, «Дирекшн»!

Еле отбуксировали в Готхоб с трудом державшийся на плаву, осевший в воду по самую палубу разбитый бот. Там его пришвартовали у берега, прождали почти до полуночи наступления прилива и тогда вытащили на сушу. Корпус бота, с которого стекала вода, медленно пополз по слипу; наклонился на левый бок и, наконец, сильно накренившись, остановился высоко на берегу.

Красное солнце освещало блестящий мокрый бот, из разошедшихся швов которого сочилась вода, как капли крови. Так, повернув свой изодранный бок к небу, открытый солнцу, дождю и снегу и вьющим гнезда птицам, если какая-нибудь птица соблазнится им, лежал «Дирекшн». И таким мы его оставляем.

ЧАСТЬ III

I

Готхоб. Конец июля

До полуночи остается только час или два, я сижу на холме над маленьким поселком Готхоб. Солнце почти село, и его пурпурный свет лежит на земле.

Я смотрю вперед на покрытые травой невысокие холмы, на обрывистые горы, возвышающиеся за моей спиной; смотрю на спокойную воду фиорда, на далекие вершины, резко выделяющиеся на огненном небе. Тихий вечер, очень тихий! Красота его так захватывающая, что трудно переносить ее в одиночестве. А из поселка доносится смех и танцевальная музыка, играют на аккордеоне.

Спускаюсь вниз, в деревню, и иду в плотницкую мастерскую, где танцуют. Помещение до отказа набито народом. Девушки, одетые в свои лучшие платья, стоят в ряд. На них яркие вязаные шапочки, широкие вышитые бусами воротники, кофточки пестрой расцветки, шелковые пояса, короткие штаны из тюленьей кожи и сапоги цвета киновари, отделанные выше колена черной полосой из собачьей шкуры и вышитым полотняным верхом. Я выбираю девушку и пересекаю

комнату, направляясь к ней. Она смеется и дает себя обнять. Мы обхватываем друг друга руками и танцуем. Вот под какую музыку мы танцуем.

Четыре шага вперед, четыре шага назад; кругом, кругом, кругом, кругом. И как легко она танцует! Мы крепко обнимаем друг друга. Она сильна, гибка, молода и очень красива, как могут быть красивы гренландские девушки. Вдруг моя партнерша становится мне очень дорога. Я хочу сказать ей об этом и не могу. Хочу уйти с ней, уединиться в холмах, лечь с ней на траву в укромном месте. Мы бы лежали там и смотрели вверх, на небо.

— Подумай, — сказал бы я, — на всем свете только ты да я!

Она прижалась бы ко мне, и каждый бы чувствовал биение сердца другого. Как бы мы любили друг друга!

— Никогда, — может быть, сказал бы я, — никого я так сильно не любил!

Но вот танец окончился, а я не открылся ей: как я мог? Вскоре я ушел, опечаленный, домой.

Дома сразу лег спать. Но через открытые окна, лежа в сумерках без сна, слышал смеющиеся голоса влюбленных.

«Что за вздор! — думал я. — Придет какой-нибудь матрос, ущипнет ее за ногу, и они отправятся на холм».

Натянув на глаза и уши перину, как бы закутавшись в фальшивый мрак своего неверия, я наконец уснул.

Вот так, чтобы сохранить остаток гордости при унижительном сознании нашей неспособности любить, мы придумали ложь, что романтика — привилегия культурного человека.

II

Кнуд Расмуссен Северная Гренландия

Жил-был охотник на тюленей, жена которого была так хороша, что ветер забывал дуть там, где она находилась. Поэтому перед ее жилищем море всегда было спокойно. Когда муж возвращался с охоты на тюленей и видел на море мельчайшую рябь, он знал, что жена его в палатке. Но если жена находилась на берегу, то как бы ни дул ветер в других местах, возле нее море было как зеркало.

Однажды, как обычно, муж уехал. Он заплыл на каяке очень далеко и вернулся домой только к вечеру. Увидев, что на берег накатываются большие волны, он сразу понял — жены нет дома. Он высадился и вошел в палатку. Палатка была пуста, жены в ней не было, но одежда ее была на месте. Муж недоумевал, куда она могла уйти. Он свернул палатку, спустил каяк на воду и стал грести вдоль берега. Проплыв довольно большое расстояние, он увидел палатку, из которой как раз вышел рослый мужчина с длинными волосами, завязанными узлом на затылке.

Охотник окликнул этого человека и спросил, не проходила ли здесь лодка.

И тот ответил:

— Вчера прошла лодка, плывшая с юга.

Тогда муж спросил:

— Можно ли здесь найти кого-нибудь, кто бы помог мне грести?

Рослый мужчина ответил, что может привести ему мальчика-сироту, а пока что пригласил охотника пристать к берегу, поесть вкусного рагу из кислой капусты с подгнившей печенкой. Охотник вошел в дом этого человека, наскоро поел рагу и вместе с сиротой тотчас же отправился в путь.

Они гребли и гребли вдоль берега, пока не оказались около жилища, вблизи которого вода была совершенно спокойна, хотя в других местах море волновалось. Тогда охотник понял, что жена его живет здесь, но легкая зыбь на море говорила о том, что она уже не такая красавица, как прежде, так как она была несчастна^[26].

III

Пароход «Браттинсборг» Отплыл 25-го июля

Теперь, когда в наш рассказ вошла любовь, прежде чем продолжить его, давайте разделаемся в одной полной мелкой злобы главе с предметом моей ненависти — помощником. Принесем также дань благодарности этой личности, но не за то, что она заслужила мое отвращение, а за то, что благодаря ей во мне выросла сильная потребность в любви и, освобожденный наконец от его присутствия, вызывающего у меня бешенство, мой характер засиял солнцем на безоблачном небе. Любви не хватало бы остроты без ее естественного дополнения — ненависти.

Помощник, к счастью, так наивно не сознавал нелюбезности собственного поведения, что причина его раннего отъезда из Гренландии была вызвана его невежливым поведением по отношению к будущим хозяевам. Было, конечно, неприлично во время первого долгого переезда из Караяка в Готхоб растянуться во всю длину своего

грузного тела на кушетке в каюте губернатора и спать там, в то время как усталый губернатор сидел и клевал носом на ящике из-под мыла.

Через семьдесят восемь часов после кораблекрушения я, наконец, в первый раз лег спать в докторском доме. Закрыл глаза, и сладкое забытие охватило меня. Вдруг в дверь громко постучали. Вошел бывший помощник.

— Слушайте, — сказал он, — куда к черту вы засунули сигареты?

Сигареты были в сарае, я достал их. Среди большого количества коробок, которые удалось спасти, нашлось только шесть сухих. Помощник забрал их все: кончились сигареты. Восемь часов спустя, в полночь, я наконец освободился и смог лечь спать.

Гренландия — страна, закрытая для въезда. Датчане управляют ею с единственной целью, странной в наш век эксплуатации, — сохранить гренландцам навеки свободное пользование своей страной. Хотя для достижения этой христианской цели правителей считается существенным обучение гренландцев современным обычаям и доктринам апостола Павла, пункты программы их просвещения так тщательно взвешиваются, что вмешательство безответственных иностранцев, даже датчан, не допускается^[27]. Для получения в Копенгагене разрешения Гренландского управления на поездку в Гренландию нужно преодолеть много серьезных препятствий. Как ни казались мне бессмысленны эти препятствия, когда я подал заявление о разрешении поехать сюда, я стал под конец рассматривать полученное разрешение как почетный и налагающий на меня ответственность документ.

Оказавшись теперь здесь с двумя спутниками перед необходимостью прибегнуть к гостеприимству колонии, я счел, что лень и дурные манеры помощника дают ему право получить тактичный намек со стороны правительства на желательность выезда его с первым же пароходом. Так и получилось. При прощании с ним меня огорчало только то, что наш капитан, самый прекрасный, добрый и смелый парень, какой только когда-нибудь ходил по земле или под парусами, уехал тоже.

IV

Слушали Постановили

Их отъезду предшествовало расследование обстоятельств крушения Верховным судом адмиралтейства Гренландии. На суде председательствовал губернатор в соответствии с полномочиями верховного судьи, и я могу засвидетельствовать, что величание его персоны, украшенной должностными регалиями, было зримым выражением его выдающихся административных талантов.

Я приведу здесь в сокращенном виде решение суда не столько потому, что оно представляет фактический интерес, сколько ради прелести перевода с датского, сделанного для меня дочерью Кнуда Расмуссена. Вот оно:

Копия с закона для Южной Гренландии.

1929-й год, суббота, 20 июля, 1 час. Начато сидение суда в Готхобе, под начальством судьи Кнуда Ольдендов; судья Ч. Симони и помощник из дирекции Гренландии Д. Хагесен оба из Готхоба как

Очевидные свидетели. Перевод судьи делал помощник из фермы по разводу лисиц В. С. Лунд.

Судья заметил, что он был на месте, где крахнулось судно и с ним вместе директор колонии, так что оба старались помочь. Он удостоверяет, что в день потерпения краха была замечательно плохая погода.

Свидетель Артур Сэмюэль Аллен. Род. 8 май, 1907. Бруклин-Массачусетс, который является владельщик бота. Он предъявляет журнал бота на лето 1929. И Морской кодекс гласит, что он капитан. Он объяснил, что бот застрахован, но он не знает, сколько стоит страх. Страховал его родитель и он не знает никакой страхконторы. Он рассказал, что они выбросили якорь, когда бот начал дрейфить в 10 часов 30 минут 15 июля. Второй якорь выбросили в 11 часов, когда бот уже полчала дрейфил через залив. Этот второй якорь выложили наружу после того, как бот уже сдрейфил наполовину от места первого якоря до места краха. Эти двое якорей не могли содержать бот и тогда он попробовал надевать на него парус, но буря сделала это невозможным. После чего он выкинул третий якорь, но это был неудачный выкидыш, и бот крахнулся.

После краха бот плавал еще один час, а потом уплыл на дно. В то время была очень высокая вода. Не было возможно пытаться привести бот к порядку. Все люди на борту потеряли много частной собственности. А. С. Аллен думает потерять примерно на 50 долларов. Цена бота была примерно 8000 долларов. Он может иметь починку бота здесь на месте и получать разрешение вернуть назад, чтобы захватить бот с собой. Необходимую сумму расходов он может прислать из своей квартиры. Без его сомнения лучше всего получать необходимые починительные материалы из Дании, которые написаны в чертеже бота. Он сам потревожится про чертеж и постарается поскорее, чем сможет, получить его путем через Копенгаген. Он нуждается в разрешении вернуть назад, чтобы захватить бот с собой и для этого должен обернуться просьбой в правительство Дании.

Слушали Постановили

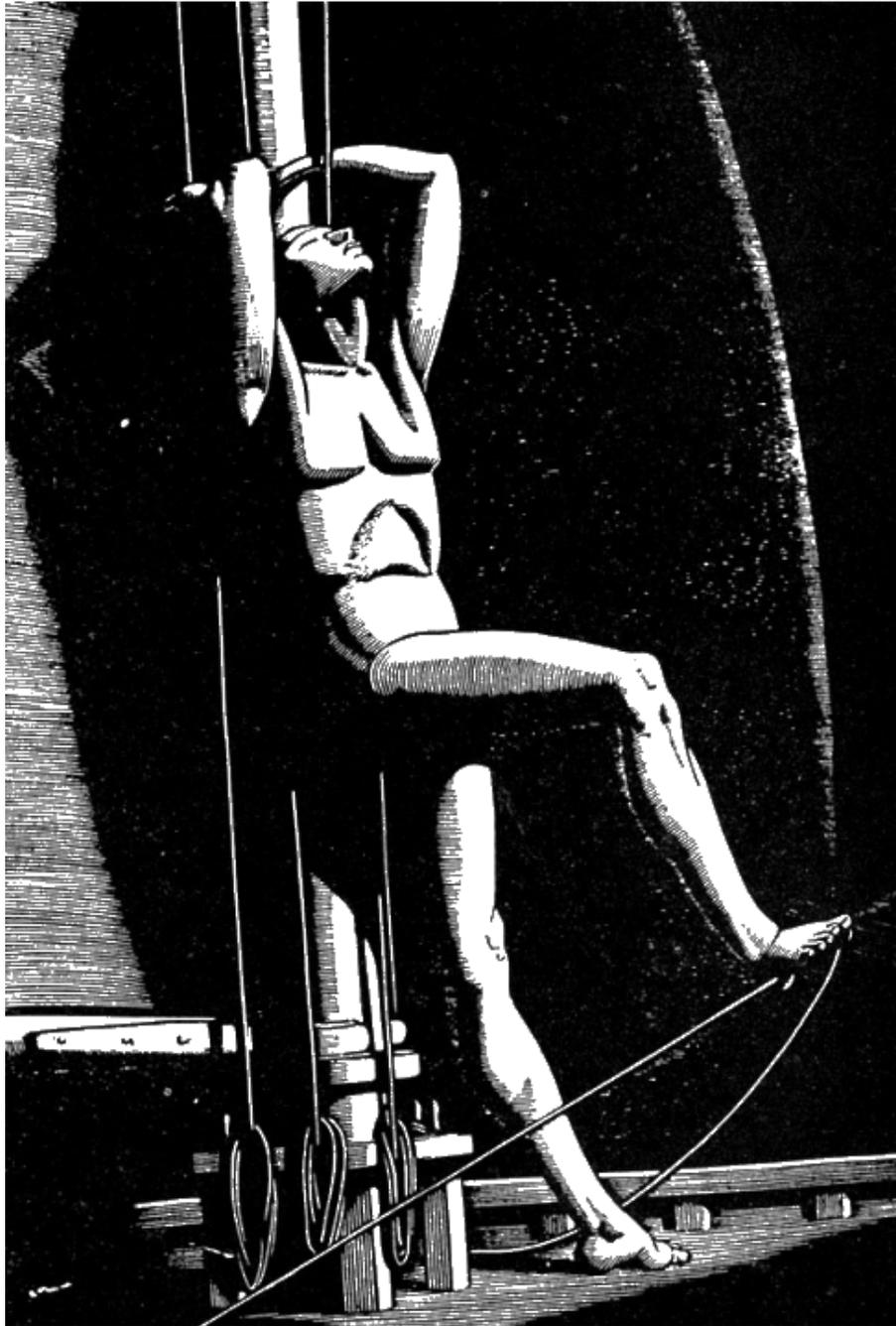
Свидетель Рокуэлл Кент. Род. 21 июня 1882. На борту кок и штурман, но за бортом художник и писатель и форменный руководитель экспедиции. Не имеет ничего добавить к докладу Аллена.

Это все правильная точность и подробность. Он потерял на примерно 300 долларов провиантов. На частной собственности у него были два аппарата с пленками (примерно 340 долларов), один барометр (примерно 25 долларов), одни золотые часы (125 долларов), всего в сложении примерно 800-1000 долларов.

Р. К. хочет быть рекомендован в страхконтору и если дело дойдет до раскошеливания, назовет 300 долларов. Но этот вопрос касается Америки. В конце концов он желает выразить его благодарность и восхищение исключительно спешной работой и хорошей помощью, чтобы спасти бот.

Слушали Постановили

Свидетель Купидон. Род. 25 ян. 1907 в Чикаго. Он студент и журналист, на борту рулевой. Не имеет ничего сказать (добавить). Но желает заметить, как он всегда не думал, что шторм может иметь такой балл силы. В его частной собственности он растерялся только на 50 долларов.

V

Кораблекрушение и поведение

Потеря личного имущества на несколько сот долларов, запротokolированная судом адмиралтейства, рассматривавшим дело о кораблекрушении, несомненно содействовала тому полному освобождению души, к которому звали меня эти дикие места. Только тот, кто из-за кораблекрушения, опьянения или по воле другого случая понес такую потерю, вкусил свободу. А в мире, склонном обживать дикие места и устранять случайности из нашего опыта, мы по праву цепляемся за старинную, благородную, благодетельную привилегию человека — иногда напиваться пьяным.

И так вот я, освобожденный благословенной катастрофой от заключения на боте, дочиста лишенный собственности, раздетый, скитаюсь по щедрой земле безвестным чужим бродягой с побережья. И если эти страницы не украшены приключениями с кровопролитиями и безудержным развратом, то это не потому, что я старался скрыть правду. Бесспорно, что, обладая полнейшей свободой вести себя как

угодно, большинство из нас по самой своей природе ведет себя прилично.

VI

Нарсак. 23 июля

После нескольких дней пребывания в Готхобе я узнал, что некоторые вещи и продукты, которые во время общей раздачи спасенного имущества в Караяке я оставил для себя лично, каким-то образом оказались у жителей Нарсака. Чтобы расследовать это дело, а также чтобы расплатиться по некоторым обязательствам, я решил сопровождать управляющего колонией Симони в его поездке туда. Мы вместе устроили совещание с начальником торгового пункта Хольмом.

— Они говорят, — начал Хольм, — что вы должны за платить им за работу по спасению бота.

При этих словах все рассмеялись, так как хорошо было известно, что мы раздали им целое состояние.

— Отлично, — сказал я, — что если я заплачу им по кроне каждому?

— Это очень щедрая плата, — сказал начальник торгового пункта. И я передал ему двадцать две кроны.

— Человек, которого вы встретили первым, — продолжал начальник торгового пункта, — нес ваш мешок до Нарсака, он говорит, что вы обещали ему заплатить.

Но при раздаче я выделил его особо и подарил ему ряд своих вещей. Я считал, что он получил вполне достаточное вознаграждение. Однако подарки это одно, а плата по договору — другое. Я понимал разницу, довод был правилен. Пять крон ему. Элезар Пульсен, так его звали, был в восторге.

Мне отчаянно хотелось достать пару сапог из тюленьей кожи, какие носят местные жители, потому что я все еще ходил в своих тяжелых резиновых сапогах, а ботинок у меня не было. Но даже гренландцам с трудом удается обзаводиться обувью: тюленьих шкур не хватает. Элезару сообщили, что мне нужны сапоги. Он вышел и вскоре вернулся с отличной новой парой только что сшитых для него женой сапог. Он дал их мне и отказался отплаты.

Затем начальник торгового пункта послал за наиболее уважаемыми людьми поселка и сказал им, что, как стало известно, у гренландцев в домах находятся некоторые вещи, которых им не дарили.

— Все, что у них есть из вещей с разбившегося бота, будет представлено, — сказал старейшина.

Через несколько минут из всех домов стали выходить люди, нагруженные бывшим нашим имуществом, и разложили все в длинный ряд на траве. Я выбрал из этих вещей те, которые мне были сейчас нужны, и разделил их на две кучки: в одной находились предметы, которых мы не дарили, в другой — подаренные.

— В первой кучке, — сказал я, — мои вещи. Во второй — ваши, так как они вам были подарены. Я предлагаю продать их мне.

Затем я назвал цену каждого предмета. Мои слова переводили старейшине, а он передавал их своему избирателю, владельцу вещи. Мои предложения были одобрены. Я заплатил назначенные цены, и среди общего веселья большое количество оставшихся вещей отнесли обратно по домам.

Они рассуждают сейчас, пользуясь простой и правильной детской логикой. Но когда-нибудь, как во всем мире, у них будут, помощи им бог, законы и политика! Тогда они узнают, что брать чужие вещи — значит красть, а получение подарков требует от получившего благодарности.

VII

*63°30'00" северной широты
51°05'00" западной долготы*

Сермалик по-эскимосски значит ледниковый залив. Это название носят многие гренландские фиорды. На берегу того Сермалик-фиорда, который врезается в пустынную береговую полосу в сорока пяти милях к югу от Готхоба, стоит моя палатка. Здесь я проживу неделю. Я пишу этюды в окрестностях, таская свои холсты по холмам или отправляясь в более отдаленные места на гребной лодке.

В глубине фиорда виден материковый ледник. Я могу проследить взглядом наклонную плоскость ледника от того места, где его голубые обрывы отражаются в воде, до блестящего высокого, как гора, беспредельного плато на горизонте — ледяного щита. Если б не узкая свободная ото льда прибрежная полоса у моря, этот ледяной щит составлял бы всю Гренландию. Со всех сторон поднимаются горы, сложенные архейскими породами, закругленные или вздымающиеся вертикально до зубчатых гребней либо до вершин, покрытых шапками вечного снега.

Против моей лагерной стоянки, по ту сторону фиорда, небольшая гора, которую гренландцы называют «вроде горы». Я постоянно глядел на нее. При утреннем и вечернем освещении, при свете низкого полуденного солнца открываются как бы с различных сторон правильные пропорции этой горной архитектуры. Под конец я так привык к этой «вроде горы», что будь я богом, наверное, других бы не сотворил.

Я начинаю готовить ужин, только когда наступает темнота, потому что даже эти длинные дни, при всей их красоте, слишком коротки. Внезапно стемнело, тишину нарушает долгий залиvistый лай. Обернувшись в сторону звука, я вижу над темным гребнем холма на фоне неба силуэт маленького голубого песка. Он поднимает острую морду к небу и воет в продолжение часа.

VIII

Сермалик-фиорд Болтовня за кофе

Однажды, сидя за работой, я услышал ружейный выстрел и, подняв голову, увидел, что к моему лагерю со стороны входа в фиорд приближаются два каяка и умиак, то есть женская лодка, наполненные людьми. Через несколько минут они уже достигли берега. Я приветствовал их, пригласил к себе, и мы, обменявшись рукопожатиями, направились в палатку. День был дождливый. Гости — трое мужчин, четыре женщины и несколько детей — уселись на корточках в ожидании, когда закипит чайник. Немного погодя мы все пили горячий кофе с большим количеством сахара и ели ржаной хлеб, густо намазанный маслом.

Много смеялись, я тоже принимал участие в веселье, хотя из разговора не мог понять ни единого слова. Можно предположить, что он был того беспорядочного свойства, какой обычно носят разговоры гостей за чаем. Вскоре, закончив трапезу, гости поднялись, сердечно поблагодарили меня и отбыли. Они подарили мне на обед большую

убитую чайку. Двое мужчин сели в свои каяки, а третий забрался на узлы домашнего имущества на корме умиака. Женщины, как обычно, сели за весла. Время от времени мы махали друг другу руками, пока лодки не скрылись из виду за изгибом фиорда.

Эти гренландцы, несомненно, приехали из какого-нибудь отдаленного поселка и отличались обычной в здешних местах простотой. Я описал эту встречу со всеми подробностями, чтобы представить картину чаепития гостей в каменном веке, если не принимать в расчет подававшиеся угощения. Жизнь здесь всегда бедна событиями.

IX

Рангафиордур Лисуфиордур

Но пятьсот лет тому назад событий на этих берегах было предостаточно. Век открытия Нового Света Колумбом был свидетелем падения и ужасной гибели древнего, некогда процветавшего поселения на острове Гренландия. Быть может, в тот самый час, когда матрос на мачте «Санта-Мари»^[28] крикнул «земля!», пал Унгертук — последний викинг из поселения, в котором когда-то жило десять тысяч. Как рассказывает гренландская легенда, он пал от «заколдованной стрелы, сделанной из самого края сращения тазовой кости бесплодной женщины. Так умер последний из старых Каблунаков».

И сейчас еще можно видеть развалины их построек: церкви — у некоторых сохранились все четыре стены до самой верхушки шпиля, разрушенные жилища, конюшни, сараи, загоны для овец, а на полях, некогда обрабатывавшихся, и сейчас растет больше цветов и трав, чем на окружающих болотистых лугах.

Далеко от океана, в глубине ответвлений фиордов Амералик и Готхоб, находятся развалины сельских построек старинного «Западного поселения», воспетого в сагах. В глубине же Уярагсуит-фиорда, на наклонном плато, заканчивающемся крутым скатом у края воды, в разросшейся роще стоят четыре стены того, что некогда было церковью. Маленькое строение сложено из неотесанных камней, но так основательно и хорошо, что за исключением небольших повреждений, нанесенных эскимосами, растаскавшими часть камней, стены и сейчас стоят так, как они стояли при возведении.

И все же трудно, даже находясь рядом с этим памятником прошлого, представить себе здешние дикие места как некогда цветущие, возделанные земли, мысленно увидеть на них белокурых потомков племени Эрика — крестьян, обрабатывающих землю, пасущих свои стада, живущих и плодящихся здесь, так же как раньше в Исландии, называющих это место родиной. И все же так некогда было.

Каждый год из Норвегии приходили торговые суда, привозившие поселенцам зерно, чтобы варить эль, и лес, увозившие на родину гренландские продукты — моржовую кость, жир. Корабли привозили новости о королях и родичах, о модах. Время от времени они доставляли епископа, получившего посвящение от папы римского. Затем там, за океаном, наступили смутные времена, когда из-за повторяющихся эпидемий чумы и войн Гренландию сначала перестали регулярно посещать, а затем забыли. Началось долгое, медленное вымирание от голода. Эту несчастную историю раскрыли нам теперь могилы в Херйольфнесе.

Об убийстве в Южной Гренландии последнего европейца, как оно описывается в эскимосском предании, мы уже говорили. Но начало этому концу было положено в Уярагсуит-фиорде.

В ранние годы существования поселений норманны и эскимосы жили в мире друг с другом, и все было хорошо. Но впоследствии возникла ссора из-за женщины. Однажды, когда эскимосы находились в летнем лагере на берегах Уярагсуит-фиорда и все мужчины ушли охотиться на оленей, норманны напали на женщин и перебили всех, за исключением одной.

Решив отомстить, эскимосы соорудили умиак, похожий на плавучую льдину. Они обтянули его прекрасными белыми шкурами, добавив несколько темных. Умиак, наполненный людьми, мог плыть,

накренившись на один бок, в то время как спрятанные внутри люди наблюдали за всем происходящим. С берега умиак действительно можно было принять за маленький грязный кусок «щенка», отколовшегося от айсберга, так как поверхность его местами блестела, местами была темной.

Норманны, чтобы обезопасить себя, бежали в Амерагдла-фиорд, где, объединившись с другими людьми своего племени, рассчитывали отразить предстоящее нападение эскимосов.

Западным ветром умиак внесло в Амерагдла-фиорд к ферме в Киларсарфике. Эскимосы, спрятавшиеся в лодке, видели, как норманны входили в дом и выходили из него. Один из норманнов крикнул так громко, что на воде его можно было услышать: «Это не лодка, а просто льдина». Тогда все норманны вернулись в дом.

Эскимосы высадились на берег, крадучись подползли к дому, сложили кучи топлива вокруг дома и в сенях и затем подожгли его. Часть норманнов сгорела, другие пали, сраженные стрелами. Один из них, по имени Большой Олав, как раз в это время случайно возвратился с охоты на тюленей (только он один осмеливался ежедневно ходить на охоту). Его тоже убили.

Предводитель норманнов, которого эскимосы звали Унгертоком, взяв своего маленького сына на руки, выпрыгнул из окна и убежал. Он погиб последним из жителей Восточного поселения.

Спасся бегством только один человек, слуга. Он добрался до лодки с небольшими парусами. Его преследователи, достигнув берега, услышали, как он крикнул: «Когда утром в Большом Амералике подует тихий ветерок, здесь задует восточный ветер». И восточный ветер задул. Он уносил его из фиорда, и люди услышали, как беглец с грустью воскликнул: «О, вы, прекрасные лесистые склоны!».

X

Благочестие
Чистота

Но это было столетия тому назад. В Гренландии надо всем господствует окружающая природа. В редкие поселения по узкому ободку берега, в мысли, настроения, в жизнь их обитателей проникло что-то от вечного покоя этой дикой страны. Это неизбежно. Человек здесь не столько самостоятельная сущность, сколько следствие — он только производное от далеко не субъективного мира, синтез того, что он называет стихиями. Самый дух человека — сублимированная космическая энергия, которой он поклоняется, называя ее богом. Все способности человека чувствовать, воспринимать и познавать служат только для того, чтобы связать его теснее со всем существующим. Бог — отец, человечество — его потомство. Так действующие вокруг стихии, их вид, ощущения, звучание становятся для человека образцом в поведении. Солнечный свет и бури, покой и смятение, гром и молния, тихие промежутки — все это формулы его слабых подражательных настроений и их выражения. Но в пустынной дикой местности

неизбежно господствует покой. Наблюдая тихую, лишенную событий жизнь обитателей этого края, их упорядоченное беззаконие, очаровательное изящество, их манеры держаться, их взгляды и улыбки, порождаемые и возвращаемые этим покоем, мы можем поистине «плакать о том, во что человек превратил человека», и считать условия скученного существования, именуемые цивилизацией, не благоприятствующими красоте, а враждебными ей.

Более двухсот лет тому назад в Гренландию прибыл воинствующий христианин Ганс Эгед^[29] и принес этому языческому народу евангельский закон.

И пустынная Гренландия, и языческий народ этой пустынной страны протянули руки и тихонько накрыли своим покоем Эгед и всех, кто последовал за ним в эти места. Так обитатели Гренландии узнали кое-что о достоинствах аккуратности, прилежания и бережливости, а христиане здесь стали более богобоязненными, порядочными, спокойными, достойными и честными, чем в любой другой христианской общине, какую мне пришлось видеть на земле. Христос тоже, если не ошибаюсь, пребывал в пустыне.

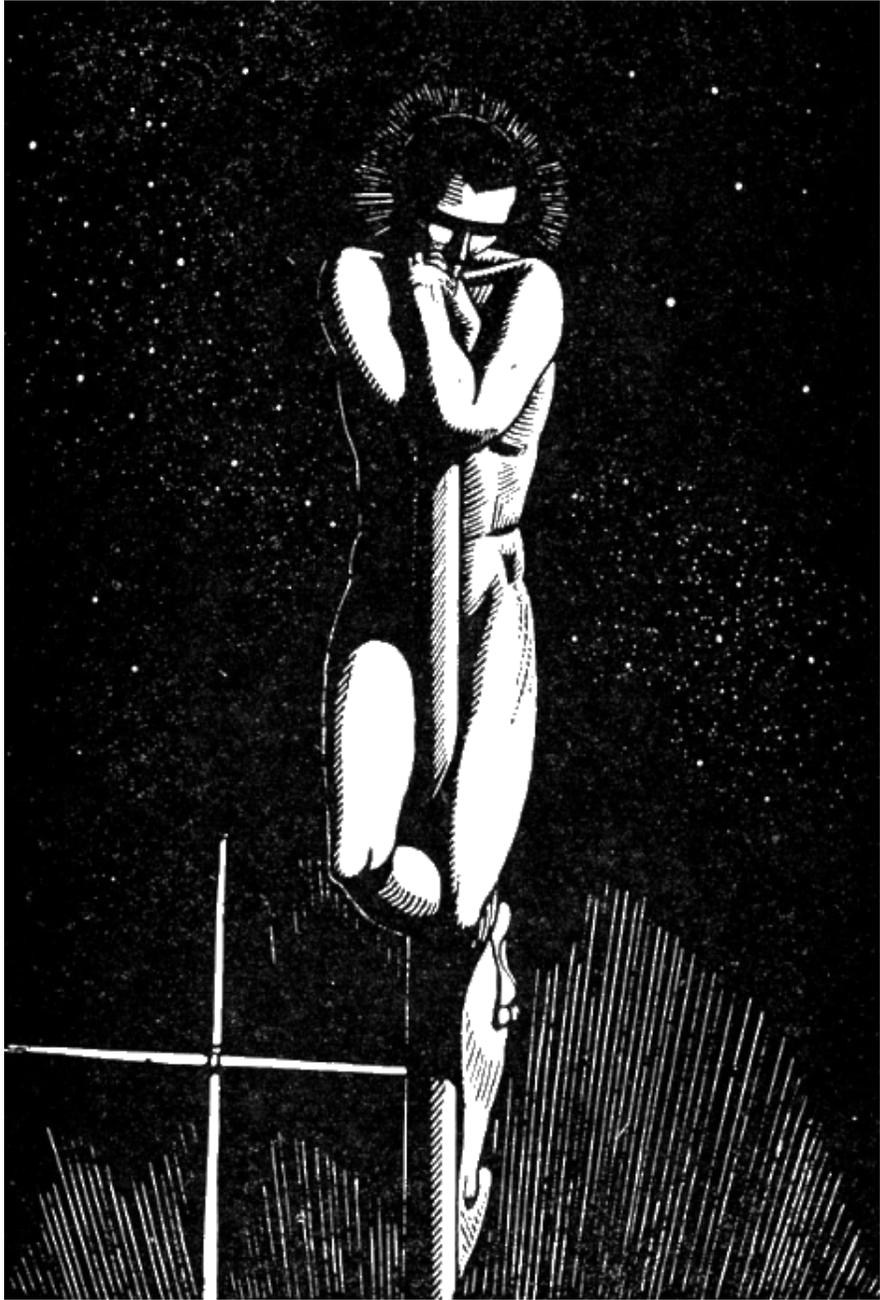
XI

Вершины и горизонты

Поэтому, дойдя до третьей части своего повествования о жизни в Гренландии, я должен буду писать о мирных событиях. Не будет здесь убийств, ссор, опасностей, кораблекрушений, испытаний, не будет кульминационного момента в развитии приключений, — мы уже миновали его и входим, как обычно в книгах, в опасную заключительную область. «И с той поры, — говорится в книге после рассказа о законченных трудах, — они жили счастливо до конца жизни», — и дело с концом. Но как? Неужели жизнь бывает такой счастливой, что картины безмятежного существования не нужны, или же кораблекрушение должно само по себе быть завершением, и на нем нужно остановиться? Я пришел к мысли, что претерпел трудности этого морского перехода, крушение и последующие тяжелые лишения только для того, чтобы выйти из всего этого более способным ощущать человеческую доброту и удовлетворение от лишенной заметных событий повседневной жизни, какую я нашел здесь. Поэтому описываемые события должны интересовать нас меньше, чем

питавшая их безмятежность, предпосылка моего счастья и счастья любого человека. В Готхобе и во всех колониях, изолированных, отделенных друг от друга, как стеной, суровой, изрезанной фиордами пустынной местностью; окруженных сзади высокими горами и материковым ледником; обращенных лицом к морю, — всегда чувствуешь, что в этой маленькой кучке домиков собрались все люди, какие только есть. Они сбились вместе, так как нуждаются друг в друге перед лицом ужасающей безмерности земли и неба. Даже близлежащие поселки казались далекими, как Европа и Америка, как смутно знакомые страны. Отправляясь в путь, люди каждый раз испытывали что-то похожее на чувство отваживающихся на приключения первооткрывателей и возвращались, не оставив никакого следа в окружающей пустыне.

XII

Готхоб-фиорд Лисуфиордур

Однажды утром, когда солнце, как обычно, ярко светило с безоблачного неба, когда народ кончил пить свой утренний кофе, а гренландские девушки собирались на пристани для беззаботной работы на погрузке, из губернаторского и докторского домов одновременно появились губернатор и доктор, их спутники и я, нагруженные корзинками, пледами, ружьями, холстами, чтобы отправиться в путешествие по Готхоб-фиорду. Мы уложили в лодки наши вещи, сели и отчалили. «Фарвел! Прощайте!» — кричали мы. «Фарвел, фарвел!» — доносилось до нас через ширящуюся полосу воды. Мы прощались, как будто отправляясь на край света, только гораздо веселее.

О Гренландия, что за день! Синие горы и море, золотое небо! Покрытые травой темно-зеленые склоны, усыпанные яркими цветами!

Какое собралось милое общество! Наслаждаясь красотой мира, мы оглашали своим смехом запутанные, как лабиринт, теснины Готхоб-

фиорда, пели «Клементину» и «Старого черного Джо», пили «за ваше здоровье» янтарное «гаммле карльсборг», пили друг за друга, за всех нас, за все. Так веселясь — конечно, это было такой же прекрасной данью великолепию этого дня, как и торжественная восторженность, — мы прибыли к концу дня в Коркут-фиорд и разбили свои палатки. Здесь мы развлекались: кто осматривал окрестности, кто удил лосося; один из нас написал этюд, а затем, так как было жарко, отправился купаться. Мы сидели допоздна, курили и болтали. Потом, когда солнце еще освещало вершины, улеглись и заснули, как дети.

Встали рано, кофе пили уже во время плавания. Остановились около летнего поселка эскимосов, живших в палатках. Мы пошли к ним. Доктор осмотрел ногу старика, жаловавшегося на боли, и не нашел ничего. Он дал также касторки одной старухе, несомненно в ней нуждавшейся. После, как будто для того, чтобы очистить свою кожу от заразы, от грязи этих палаток, мы разделись и, к общему восхищению всех гренландцев, погрузились в море и плавали.

В Писигсарфик-фиорде, где эскимосы устроили лагерь на берегу изобилующей лососем речки, мы снова ненадолго остановились, зашли в палатки, и те, кто могли, поболтали с наиболее разговорчивыми. Такая жизнь в летнее время очень полезна для здоровья гренландцев. Их зимние жилища — старого типа с земляными стенами — тем временем остаются открытыми солнцу и дождю. Дома нуждаются в целом сезоне дождей и в Солнце — это идет им на пользу. Какие бы мы были все грязные, даже самые чистоплотные из нас, если б нам пришлось жить не неделю, месяц или год, а всю жизнь, от рождения до могилы, в таком доме!

Здесь некогда были фермы норманнов, и густые березовые рощи недалеко от берега говорили о плодородии земли. Мы пробрались сквозь них на отдаленный холм и увидели с него за узким перешейком заполненный плавучим льдом Кангерсуик-фиорд. Стоял жаркий день, идти было трудно; вернувшись, усталые, разгоряченные, снова купались в прозрачной холодной воде фиорда.

К вечеру похолодало, поднялся сильный ветер. В полумраке фиорда мы шли на моторных лодках, чтобы к ночи добраться до острова Касертак. Мы смотрели, как угасали на вершинах гор последние лучи солнца, как надвигалась темнота. Пристали к берегу, когда уже стемнело. Здесь, на узком уступе, позади которого

возвышалась отвесная стена горы, нащупав на земле удобные для ночлега места, мы поставили палатки.

XIII

Норманские фермы Уярагсуит-фиорд

На следующий день, около полудня, вошли в Уярагсуит-фиорд и издали увидели стоящие на равнине развалины. Фиорд мелкий, вода его мутна от ила ледникового потока, впадающего в фиорд. Мы стали на якорь на расстоянии доброй четверти мили от того места, где рассчитывали высадиться. Даже наша плоскодонка села на мель в нескольких ярдах от берега. Те, кто когда-то жили здесь, не были рыбаками.

Мне удалось отправиться к развалинам одному. Я предчувствовал, что у меня появится торжественное настроение, и мне не хотелось показывать его другим. Пробираясь сквозь разросшиеся кустарники, загораживавшие путь, я заметил, что стараюсь не поломать ни единой веточки и шагаю так осторожно, как будто в этих местах еще бродят духи некогда жившего здесь и погибшего племени.

Стены, наполовину скрытые зарослями кустов, имели в высоту восемь футов, с трех сторон они были глухие, но с четвертой имелся

низкий вход. Я вошел. Там, где обвалились стены и торцовые фронтоны, лежали груды камней. Взобравшись на стену, я стал смотреть с высоты ее на весело освещенные солнцем пустынные горы и фиорд. Но мысли мои были полны тягостного раздумья, я предался воспоминаниям. Самый покой пейзажа, как в насмешку, усиливал впечатление, что местность эта покинута богом. Если б только шумела буря или лил слезы дождь, в этом было бы какое-то дружеское сочувствие тому, что здесь некогда произошло. «И ради такого забвения, — подумал я с горечью, — эти изгнанники покинули свои исландские фермы!» Мои мысли обратились не к надеждам, а к горестям, которыми, по-видимому, было отмечено их прибытие сюда. И все же один изгнанник остался дома.

Гуннар^[30] в Исландии поехал верхом к своему кораблю. На пути к Маркфлите он погиб.

Он обернулся, посмотрел в сторону Лайса и на свою усадьбу на краю Лайса, и сказал:

«Прекрасен Лайс, таким прекрасным он никогда раньше мне не казался. Пшеничные нивы созрели для жатвы, луг мой уже скошен. Я вернусь назад, домой, и не уеду на чужбину».

Так Гуннар и сделал; и там его убили.

XIV

Горы и люди

Так, совершая экскурсии и путешествия, высаживаясь на берег, чтобы пройтись по поселку или взобраться на близлежащие холмы, осматривая все, ко всему прислушиваясь, я, наконец, добрался до семидесятого градуса на севере и шестьдесят третьего на юге. Мои ограниченные знания языка обострили восприимчивость и служили щитом против зависимости от фактов, которые мне могли бы сообщить другие. Вследствие этого мой гренландский мир составляло то, что казалось мне существующим. К выводам, которые я решался делать, я приходил обратным путем, идя от следствия к причине. Все, что мне представлялось красивым, было хорошо. И если я считал улыбку эскимоса свидетельством душевной простоты, вежливость датчан к людям другой расы подтверждением достоинств их правления, а то и другое доказывающим, что жизнь в гренландском уединении — благо для человека, то мысли мои во всяком случае исходили из того, перед чем наука останавливается.

Как Гренландия богата всем! Уходил ли я в пустынные места, чтобы найти в формах гор основу абстрактной красоты или чтобы в одиночестве острее осознать факт собственного существования; поддавался ли я, угнетенный и тем и другим, чувству стадности и ощущал потребность в любви и дружбе или в том, чтобы толкаться в толпе на гренландской танцульке, — все, все что нужно человеку, было здесь. И так же как горы были величественны, а океан безграничен, человек выглядел здесь таким, каким должен быть человек.

Адам и Ева

Каждый день я уходил рано утром в горы или на берег с холстами и красками и в большинстве случаев оставался там до наступления ночи. Иногда проходил много миль, и это бывало тяжело. В полдень садился в каком-нибудь теплом, защищенном от ветра месте, жевал шоколад и печенье, размышляя о своем счастье или ни о чем не думая. Я отдыхал немного или ходил осматривать окрестности. Это были самые тихие, прелестные часы. Однажды в Северной Гренландии я зашел по берегу дальше обычного и наконец приступил к работе на широкой волнистой равнине между высоким горным хребтом и морем. День был ясный, свежий. В полдень, наслаждаясь пригревавшим солнцем, отправился погулять.

Я взобрался на холм, стоял на вершине, глядя на синий океан, и думал: «Вот я на краю земли, а океан — это абсолют. Поэтому здесь, у океана, можно жить вечно и ничего больше не желать».

Вдруг в ложбине подо мной показалась крохотная движущаяся ярко-красная фигурка. Я понял, что это такое. Забыв о море и горах, о

солнечном свете и абсолюте, я стоял неподвижно, следя за ее медленным движением. Затем внезапно она остановилась. Так далеко один от другого, что казались друг другу крохотными пятнышками на фоне пейзажа, стояли мужчина и женщина. Оба почувствовали это. Затем в одно и то же мгновение они пошевелились: приветственно помахали руками.

Мы шли навстречу друг другу, иногда на виду, иногда скрываясь в ложбинах. Встреча произошла как бы неожиданно, настолько внезапно и близко друг от друга мы вынырнули в последний раз. Но нас это не смутило. Вместе пошли в защищенное от ветра место, где грело солнце, рядом сели там, и она начала что-то говорить.

Я мало понимал, но кивал или отрицательно мотал головой в подходящие, по моему мнению, моменты, и она поверила, что я понимаю ее речь. Вскоре мы уже смеялись. Поцеловались, и я стал настойчиво ухаживать, но она противилась этому. Так как наступил полуденный час сна, я лег на траву. Ее смеющееся лицо виднелось на фоне синего неба над моей головой, она гладила меня и продолжала болтать. Вскоре я уснул.

Откуда мне знать, сколько я проспал! Открыв глаза, я увидел, что она тут, сидит выпрямившись рядом со мной. Рука ее ласково покоилась на моем колене, глаза были устремлены на горизонт океана, но как будто не видели его. Низким нежным голосом она пела песню. Никогда я не узнаю слов этой песни.

Я пою эту песенку,
Запетую чужую песенку,
Но пою ее как свою,
Свою любимую.
И я забавляюсь
Этой запетой песней,
Пою ее еще и еще.

Долгое время я скрывал, что проснулся. Наконец, когда мы расставались, она попросила меня подарить ей мой грязный носовой платок. Ах, если бы у меня была с собой тысяча новых!

XVI

О Петере Фрейхене и начальнике торгового пункта

Внуке, в округе Эгедесминне, в Северной Гренландии, жил один начальник торгового пункта, наполовину эскимос. По какому-то делу я попал к нему в дом вместе с Петером Фрейхеном^[31]. Дом был основательный и большой, но лишенный того, что мы привыкли называть домашней обстановкой. В этом отношении он мало чем отличался от домов самых нецивилизованных гренландцев. Начальник торгового пункта, человек достойный, в свое время готовился стать священником.

Это был подвижной пожилой мужчина, прославленный охотник. Когда его спросили, сколько ему лет, он ответил:

— Я еще могу охотиться на тюленя и сделать из клепок бочку. Какое значение имеют годы?

Он заговорил с Петером об одном эскимосе, их общем друге и друге Расмуссена. Говорилось о том, как он однажды отправился на своей собачьей упряжке в далекое путешествие. После многочасовой

езды эскимос подъехал к месту, где его путь пересекал след чужих саней. При виде санного следа он повернул назад, домой, объяснив, что в его планы не входило в этот день пересекать чужой след.

В другой раз дорога его шла через узкий горный проход. Он миновал его и, когда выехал на широкую равнину, повернул назад. В тот день, сказал он, в его планы не входила езда по широкой равнине. Начальник торгового пункта сообщил нам, что брат этого эскимоса был такой же.

Мы рассмеялись и решили, что этот эскимос тронутый.

— Нет, — сказал начальник торгового пункта, — мы не должны принимать его за сумасшедшего. Он был родом с Баффиновой Земли. Может быть, у тамошнего народа в обычае поступать таким образом.

Незадолго до этого начальник торгового пункта видел впервые датский теплоход «Диско» — судно Гренландской линии.

— Это судно, — сказал он с жаром, — должно быть, самое большое в мире.

Чтобы поразить его, я сказал, что есть суда в шесть раз длиннее «Диско». Он стал смеяться.

— Нет, — сказал он, — такое длинное судно сгибалось бы на воде и им нельзя было бы управлять.

В конце концов он поверил нам. Но его чувство гордости было уязвлено, и счастливое настроение покинуло его: ведь он, оказывается, не видал самое большое судно в мире!

XVII

Август Северная Гренландия

Как-то ночью я в одиночестве прогуливался по улице поселка в Северной Гренландии. Я ходил по этой улице взад и вперед, от одного конца к другому. Улица была полна молодежи, которая гуляла группами и парами. Воздух дрожал от их звонкого смеха. А я вышагивал мимо с важным и серьезным видом; не удивительно, что гренландские девушки, глядя на меня, покатывались со смеху. В конце концов, я уже не мог больше выносить ни их смеха, ни того, как они на меня глядели, ни своих собственных желаний.

Я дошел до конца улицы, до того места, где она выходит из поселка и теряется в холмах. Там мне повстречались две девушки, которые как раз поворачивали обратно. Мы столкнулись лицом к лицу, и все трое расхохотались. Тогда я втиснулся между ними и, обняв обеих за плечи, быстро-быстро заговорил по-английски. В ответ они обрушили на меня поток эскимосской речи. И это вышло так глупо и забавно, что мы сразу стали друзьями. Девушки перемолвились друг с

другом, после чего одна из них выскользнула из-под моей руки и убежала, а мы продолжали стоять, прижавшись друг к другу, среди спускавшейся темноты. Девушка глянула вдоль улицы и удостоверилась, что поблизости никого нет. Тогда мы повернулись и, держась за руки, бросились к холмам.

Однако в этих холмах ночью скрывается много глаз, и девушка робела. Поэтому я снял с себя белый анорак и засунул его под серый свитер. Теперь нас вряд ли можно было заметить.

Мы зашли очень далеко в холмы, перелезая через вершины, перепрыгивая через полные воды ямы. Моя спутница была проворной и молчаливой, как дикий зверек. Наконец добрались до укромного местечка, где земля сплошь устлана мхом. Это место было так хорошо укрыто нависшей скалой, что даже свет звезд, казалось, не проникал туда.

Случаются в жизни такие часы, когда весь мир кажется удивительно прекрасным, и тогда вся вселенная замирает, словно для того, чтобы сделать эту красоту еще более, острой. Мы лежали в темноте молча и ничего не видя. Казалось, будто вся в мире красота сосредоточилась в прикосновении.

О, еще очень нескоро мы, держась за руки, вновь появились на улице поселка. Кое-где горели лампы. В одном месте, где полоса света падала из окна на дорогу, мы остановились. При свете девушка вдруг заметила дырку в своем расшитом бусами воротнике и взглянула на меня с горьким упреком. Казалось, она сейчас расплачется. Я попытался выразить ей сочувствие. Скомкав деньги, я зажал их в кулаке, и, вытащив руку из кармана, не разжимая пальцев, протянул ее девушке. Но она, видно, разгадала мои намерения и отвернулась с оскорбленным видом. Я был посрамлен.

Тогда, приблизившись к ней и держа одной рукой разорванный край ее воротника, другой рукой я просунул деньги сквозь дырку. Она взяла деньги и, простив меня, улыбнулась.

XVIII

Западная Гренландия Сентябрь

Сентябрь. Дни становятся короче, я отплываю на юг. Холодные ночи, укорачивающиеся дни. На юг и домой! Повторное посещение знакомых мест носит легкий привкус меланхолии расставания. Сейчас в Гренландии время расставаний: осень на носу, а за ней быстро последуют долгие темные зимние месяцы.

В воображении я строил себе дом во многих уголках Гренландии, так они были красивы и приветливы. Но одновременно с мыслью о том, как можно было бы вполне счастливо прожить здесь всю жизнь, в эти мечты закрадывалось воспоминание об иных местах — тоска по родине.

Мы с управляющим колонией Симони из Готхоба стояли у фальшборта моторной лодки и смотрели на голые холмы и гранитные горы, освещенные лучами заходящего солнца.

«Как красиво!» — воскликнул я невольно. И вдруг вспомнил о постоянной грусти Симони и всем известной причине ее. В течение

многих лет жизни в Гренландии Симони не мог забыть луга и буковые леса Дании и все сильнее стремился возвратиться туда. В конце концов он стал выглядеть как человек, мысли которого всегда прикованы к чему-то далекому, недостижимому.

Кнуд Расмуссен
Восточная Гренландия

Рассказывают легенду об охотнике на тюленей из Алука, который никогда не покидал родные места. Он так любил поселок, где жил, что каждый раз встречал в штыки предложение отправиться куда-нибудь далеко на охоту. Следует сказать, что он никогда не испытывал нужды.

У этого человека был сын. Когда сын достиг зрелого возраста, то обнаружил, что ни разу не бывал за пределами Алука. Ему часто хотелось пойти с другими жителями поселка, отправлявшимися на охоту, но так как он очень любил отца, то не показывал своего желания. Иногда он пытался пробудить в отце склонность к путешествиям, но отец неизменно отвечал так:

— С того момента, как я высадился в Алуке, я, насколько помнится, никогда его не покидал.

Но каждый раз, когда все молодые люди отплывали к иным берегам и они оставались одни, сын становился молчалив.

Наступила середина лета. Отец не мог спать по утрам потому, что должен был видеть, как солнце встает над морем и лучи его будто раскалываются на айсбергах. Это зрелище производило на него такое глубокое впечатление, что он не мог оставить Алук.

Так проходили годы. Отец состарился и не в силах был уже охотиться на тюленей. Сыну приходилось ходить на охоту одному. Теперь он уже совсем не мог противиться желанию повидать свет. В один прекрасный весенний день он сказал отцу:

— На этот раз я намерен оставить место, где живу, и отправлюсь повидать новое в чужих краях.

Сын долго ждал ответа, но отец молчал. Не получив ответа, сын еще раз подавил желание путешествовать. Спустя некоторое время сын, не в силах больше сдерживать свое желание, решил просить до тех пор, пока не добьется согласия отца.

Однажды, когда они сидели вместе в ожидании наступления вечера, сын снова заговорил о своем желании.

— На этот раз должно свершиться! Я хочу покинуть свою родину и отправиться на север повидать новые, чужие края.

Но отец не ответил. Только, когда сын еще раз обратился к нему, он понял, что теперь уже выхода нет.

— В таком случае мы отправимся на север не слишком далеко. Ты должен обещать мне, что мы вернемся в наш поселок.

Сын был счастлив и с жаром взялся за подготовку умиака к путешествию.

И вот однажды утром, в хорошую погоду, они наконец отправились на север. Они заплыли далеко-далеко. Чем дальше они продвигались на север, тем больше нравились сыну новые места.

Они плыли и плыли. Впервые отец на такое долгое время покинул родной поселок. Он все чаще и чаще в своих мыслях так тосковал по родине, что вскоре лишился сна. По утрам на восходе солнца он не мог спать, чувствуя, что должен выйти посмотреть, будет ли и здесь восход солнца так же красив. Но горы закрывали горизонт, и было невозможно увидеть первые лучи солнца.

Сначала старик не хотел говорить об этом сыну, но когда уже больше не мог выносить своей тоски, он заговорил:

— Возвратимся теперь назад, иначе я умру от тоски!

Сыну тяжело было возвращаться теперь, когда страна становилась все краше, но слова отца все время звучали в его ушах, и он повернул на юг.

Хотя теперь они уже были на пути домой, отцу делалось хуже, он почти перестал спать. Когда сын по утрам просыпался, отец ходил снаружи около палатки. Они плыли и плыли и наконец возвратились в свой поселок.

На следующий день рано утром сын проснулся от звука голоса отца. Вот какие слова он услышал:

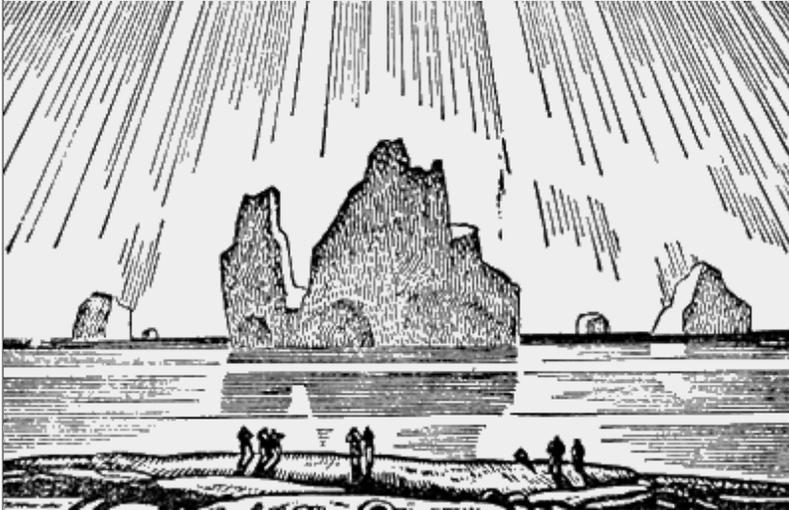
— Не удивительно, что трудно покинуть Алук!

Смотри, величественное солнце поднимается над морем и лучи его разбиваются об айсберги.

Сын слышал, как отец много раз издавал радостные восклицания. Затем все стихло. Сын долго прислушивался, но так как отец, находившийся снаружи как раз у входа в палатку, не издавал ни звука, он встал и откинул полотнище. Старик лежал на земле, повернув лицо к востоку. Когда сын поднял его, он не дышал.

Старый охотник еще раз увидел солнце в Алуке. Радость встречи с ним так потрясла старика, что сердце его разорвалось. Сын, чувствуя себя виновным в смерти отца, вырыл могилу на вершине горы, откуда открывался вид, который отец так любил при жизни.

Рассказывали, что впоследствии сын стал похож на отца и тоже никогда не покидал своего поселка, оставаясь в Алуке до конца дней своих^[32].

Из Гренландии в Данию

Сегодня — крещение, вечером его празднование. Завтра я отплываю из Гренландии.

— Сегодня вечером вы будете великолепнее меня, — говорит мой милый друг доктор. Между нами все время идет спор о том, кто из нас по природе своей блистательнее.

Доктор достает фрак. Немного измятый, немного поношенный, может быть, с пятнами и старый, но какой элегантный! Он мне впору!

Мы несколько задержались, потому что фрекен Хольмгор — наша маленькая домоуправительница — не хотела, чтоб на костюме было хоть одно пятнышко. Когда меня почистили щеткой и я был совершенно готов, надел длинное пальто, застегнул его на все пуговицы, мы бегом отправились на вечер.

Трудно преувеличить тот успех, который выпал на мою долю. Естественно, что почтенные гости, знавшие меня до сих пор только в наряде бродяги с побережья, были поражены, онемели от изумления и пришли в восторг. А я, раздувшись от самодовольства, взвинченный

всем окружающим и увлеченный общим возбуждением, которому, возможно, способствовало присутствие столь обаятельной личности, как я, выпил слишком много. Наконец растроганный до слез красноречием губернатора, хотя и не понимая ни слова — он сам сказал, что я не смогу понять его — я вдруг оказался посередине комнаты. Все окружили меня. Я объявил, что собираюсь произнести речь.

— О дитя, бедное, крохотное, — начал я, — потерпевший кораблекрушение моряк, беспомощный и голый, брошенный на берегу на милость чужих людей, которые здесь, на далеком пустынном Севере, одели, приютили и накормили младенца. О дитя, подними свой бокал вместе со всеми и выпей, ты — вино, а вы — молоко, за мудрое, благое, милосердное провидение, по милости которого бот потерпел крушение. О датчане, благослови вас бог!

Затем, осушив бокал, я поторопился сесть, так как начинал говорить лишнее.

И с этого момента с грустью все чаще и чаще думал: «Завтра я уезжаю, завтра я уезжаю».

На этом вечере присутствовали: директор Даугор-Йенсен, губернатор Кнуд Ольдендов с супругой, управляющий колонией Симони с супругой, управляющий колонией Ибсен с супругой, пастор Вестергор с супругой, доктор П. Борресен, фрекен Хольмгор, господин доктор Хольбек, фрекен доктор Гудрун Кристиансен, господин доктор Кристенсен, инженер Нильс Ягд, инженер Гальстер, директор семинарии Н. Е. Балле с супругой, учитель семинарии А. Бьерге с супругой, радист Водшов, ассистент Лайф Хагенсен с супругой, ассистент Лунд с супругой.

Капитан Хансен, капитан Торсен, капитан Банг, господин Эрик Волер, фрекен Мунк, капитан Хершенд.

Д-р фил. Кнуд Расмуссен, фрекен Инге Расмуссен, господин Петер Фрейхен с супругой, господин Порсиль, профессор Нерлун, писатель Аксель Альман.

Эскимосы и датчане

Наступило утро — такое прекрасное! Оно обострило боль расставания. И хотя солнце, конечно, взошло над горами, я не так крепко был верен воспоминаниям о восходах солнца, как охотник из Алука. Мне было грустно уезжать. Но в этот день многим было грустно.

Тина, маленькая гренландская девушка, оставлявшая с момента отъезда с севера в каждом месте, где она останавливалась, все больше и больше из своего запаса одежды в виде подарков всем, кто любил ее, теперь покидает своих родных и стоит у борта в слезах, с красными глазами.

Из Гренландии уезжает доктор, может быть, навсегда. Около судна кружатся эскимосы на каяках. Они дают залпы из дробовиков, когда судно начинает набирать скорость, и следуют за ним, размахивая шапками. А доктор стоит как воплощение спокойствия. Я делаю шаг, чтобы стать рядом с ним, и останавливаюсь: он плачет.

Многие плачут. Если глубину и нежность человеческой души можно оценить по ее отзывчивости к горю, то посмотрите, как сейчас у борта парохода и датчане, и эскимосы стоят одинаково растроганные в общем порыве общего горя.

«Фарвел!» Мы миновали окутанный облаками мыс. Гренландия, как и все остальное, стала воспоминанием. Вокруг меня широкий круг океанского горизонта, громадный ноль, символ того, что временно меня нет нигде. Как Оруло, эскимоска с мыса Элизабет, я рассказал свою повесть; я хочу закончить ее словами Оруло. Долгое время Кнуд Расмуссен сидел зачарованный, слушая ее рассказ.

— И на этом, — сказала она, — кончаются мои приключения. Ибо тот, кто живет счастливо, живет без приключений, а я поистине жила счастливо и родила семерых детей.

Словарь морских терминов, встречающихся в тексте

Ахтерштевень — вертикальный брус, к которому крепятся доски кормы судна.

Бак — пространство палубы от форштевня (носовой оконечности судна) до передней мачты.

Бакан — плавучий знак (поплавок в виде конуса), устанавливаемый на якоре для ограждения отмелей, затонувших судов и т. п.

Бушприт — выдающееся впереди носа судна рангоутное дерево, служащее для выноса вперед штагов (снастей, поддерживающих спереди мачту) и крепления носовых треугольных парусов — стакселя и кливеров.

Ванты — снасти так называемого стоячего такелажа, поддерживающие мачты с боков и сзади.

Взять рифы — уменьшить площадь паруса, подвязывая риф-штерты (небольшой отрезок линия или троса), пришитые с обеих сторон паруса, параллельно его нижней шкаторине (кромке). Делается от 1 до 3-х рядов риф-штертов.

Галс — каждый отрезок пути парусного судна, сделанный правым или левым галсом при лавировке, т. е. при следовании против ветра зигзагами. Идти правым или левым галсом — идти так, чтобы ветер дул соответственно с правого или левого борта.

Гафель — наклонное, подвижно скрепленное с мачтой рангоутное дерево, к которому шнуруется верхняя шкаторина (кромка) паруса.

Гик — горизонтально расположенное рангоутное дерево. Передний конец гика упирается в мачту и подвижно скреплен с нею при помощи усов, охватывающих мачту, или вертлюгов. К гику крепится нижняя шкаторина (кромка) косога паруса, в данном случае — грота. Для постановки гика в нужное по отношению к ветру положение служит прикрепленная к нему снасть, называемая гикашкотом.

Грот — самый большой парус на грот-мачте.

Грота-галс — снасть бегучего такелажа, крепящая передний нижний (галсовый) угол парусов.

Девияция — отклонение стрелки магнитного компаса от направления N-S под влиянием стали, из которой сделан корпус судна, и железа, находящегося на нем.

Диафон — сирена с очень сильным звуком, устанавливаемая на маяках для подачи звуковых сигналов во время тумана, когда дальность видимости маячных огней весьма ограничена.

Дуга большого круга — наикратчайшее расстояние между двумя данными пунктами на поверхности земного шара.

Картушка — медный круглый поплавок с диском, свободно вращающийся на вертикальной оси внутри котелка компаса. Диск картушки разграфлен по окружности на 360° , и на нем напечатаны буквенные наименования стран света. Благодаря магнитным стрелкам, укрепленным с нижней стороны диска, картушка, независимо от направления судна, всегда обращается 0° к северу.

Киль — центральная продольная связь всякого судна, служит основанием для крепления шпангоутов (ребер).

Кильватер, кильватерная струя — в буквальном переводе «килевая вода», т. е. вода, остающаяся за кормой идущего судна.

Кокпит — открытое, углубленное в кормовой части палубы помещение для рулевого и пассажиров, устраиваемое на катерах и парусных яхтах.

Леера — здесь — поручни из пруткового железа, стального или растительного троса, пропущенные в отверстия так называемых леерных стоек, установленных вдоль бортов на палубе.

«Линии Сомнера или Сент-Илера» — линии, наносимые на морской карте или специально разграфленной бумаге для определения положения судна по способу Сомнера способом прокладки Сент-Илера.

Наветренный — обращенный туда, откуда дует ветер. Подветренный — обращенный в сторону, противоположную той, откуда дует ветер.

Нактоуз — четырех-шестигранный шкафчик, в верхней части которого на кардановом кольце укрепляется судовой компас.

Поворот через фордевинд, или поворот фордевинд — поворот парусного судна на другой галс (т. е. когда ветер начинает дуть с

другого борта), осуществляемый по ветру, т. е. кормой против ветра. Поворот через фордевинд на судах с косым парусным вооружением, как, например, на боте «Дирекшн», требует напряженного внимания и расторопности, особенно в свежий ветер.

Рангоут — деревянные или металлические детали круглого сечения, служащие для постановки и несения парусов.

Румб — направление на любую точку окружности горизонта из ее центра, а также угол между любым из этих направлений и меридианом, на котором находится наблюдатель. Вся окружность горизонта разделена на имеющие свои названия 32 румба. Из них так называемые главные направлены на север — юг и восток — запад. Так как окружность горизонта равна 360° , то величина угла между главными румбами — 90° , а между каждым из 32 румбов — $11\frac{1}{4}^\circ$. Каждый из румбов имеет свое название, которым определяют направление ветра, считая, что он дует «в компас», т. е. от окружности к центру. Автор ошибается, говоря, что ветер обозначают по магнитным румбам. На море направление ветра отмечается относительно истинного меридиана, т. е. магнитного меридиана, исправленного склонением, величина и направление которого для данного места и данного времени указываются на морских картах.

Румпель — рычаг, служащий для поворачивания руля.

Сажень морская — 1,85 м.

Секстан — морской угломерный инструмент для измерения высоты небесных светил над горизонтом и углов между наблюдаемыми с судна земными предметами. Служит для определения места положения судна.

Скулы — места наиболее круглого изгиба бортов к носу и корме (носовая и кормовая скулы) и к днищу (бортовая скула).

Слип — механическое устройство для спуска и подъема небольших судов. Состоит из бетонированной площадки с уложенными на ней рельсами, уходящими под воду, и тележки,двигающейся по рельсам. Суда устанавливаются на тележке вперед носом или кормой (продольный слип) или поперек (поперечный слип).

Спиннакер — добавочный треугольный парус, ставящийся при слабых ветрах.

Стаксель — здесь — первый от мачты к носу треугольный парус.

Стоячий такелаж — все снасти на судне, служащие для поддержания рангоута — мачт, стеньг, бушприта. Бегучий такелаж — снасти, при помощи которых опускают и поднимают рангоутные деревья с привязанными к ним парусами и управляют парусами.

Счисление — вычисление по особым формулам или графическим путем места положения судна, основываясь на показаниях компаса и лага (инструмента для определения скорости хода судна и пройденного расстояния). При счислении учитываются направление и скорость ветра, течения и пр.

Топ, топ мачты — верхняя оконечность мачт и стеньг, служащая их продолжением.

Траверз — направление на какой-либо предмет, находящийся под прямым углом к диаметральной плоскости судна.

Узел — морская мера длины и одновременно скорости, соответствующая 1 морской миле (1852 м) в час.

Фалы — снасти бегучего такелажа, служащие для подъема и спуска парусов.

Фальшборт — продолжение борта выше верхней палубы. Служит поручнями, предохраняющими от падения за борт.

Фальшкиль — брус, прикрепляемый снизу киля для предохранения его от повреждений о грунт. В данном случае правильнее назвать его балластным килем, ставящимся на парусных яхтах в качестве противовеса для увеличения их остойчивости.

Фок — здесь устарелое, иногда встречающееся и в современной иностранной литературе, название стакселя.

Шкипер — командир небольшого судна.

Шкот — снасть, управляющая задним нижним углом паруса; грота-шкот — шкот паруса грот.

Шпигаты — отверстия в борту или в фальшборте со вставленной в них трубкой, служащие для стока воды за борт.

Ярд — мера длины, равная 91,44 см.

Составил Д. Л. Сулержский

Примечания

Перевод этой книги Рокуэлла Кента сделан с американского издания 1930 года.

Во всех статьях о творчестве Рокуэлла Кента, опубликованных в советской печати, английское название книги «N by E» переведено на русский язык неточно: «На Север вдоль Востока», «Путешествие на Север вдоль Восточного побережья» и т. п. Между тем «N by E» — обозначение на английском языке компасного курса, по какому плыл бот «Дирекшн»: на север (N), но с отклонением на румб к востоку (E). В целях наибольшей смысловой точности мы нашли нужным дать книге название «Курс N by E».

На русском языке книга вышла впервые в 1962 году. Как и первое издание, она публикуется без сокращений. С разрешения автора изъяты лишь приложения — эскимосские стихи, переведенные сначала на датский язык, а затем с датского на английский. Внутреннее оформление книги такое же, как и в американском издании.

Альберт Кан. Ода Человеку. «Советская культура» № 71, 9 июня 1959 г., стр. 3. Перевод статьи, опубликованной в американском журнале «Нью-Йорк ревью».

Альберт Кан. Ода Человеку. «Советская культура» № 71, 9 июня 1959 г., стр. 3. Перевод статьи, опубликованной в американском журнале «Нью-Йорк ревью»

Цитируется по статье К. Чугунова «Художник, публицист, борец за мир». К 75-летию со дня рождения американского художника Рокуэлла Кента. «Советская культура» № 74, 4 июня 1957 г., стр. 4.

Цитируется по статье А. Чегодаева «Рокуэлл Кент». Союз художников СССР. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выставка произведений Рокуэлла Кента. Живопись и графика. Каталог, М., 1957, стр. 9. (Эта статья первоначально была опубликована в журнале «Искусство» № 6, 1957, стр. 54–59. При перепечатке немного изменена.)

Рокуэлл Кент. Саламина. Географгиз, М., 1962, стр. 224.

Рокуэлл Кент. Саламина. Географгиз, М., 1962, стр. 225.

Цитируется по статье А. Чегодаева «Рокуэлл Кент». Союз художников СССР. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Выставка произведений Рокуэлла Кента. Живопись и графика. Каталог, М., 1957, стр. 9. (Эта статья первоначально была опубликована в журнале «Искусство» № 6, 1957, стр. 54–59. При перепечатке немного изменена.)

Рокуэлл Кент. Саламина, стр. 369.

Цитируется по статье А. Членова «О людях и горах». «Культура и жизнь» № 8, 1959, стр. 61–62.

11

1 фут равен 0,3048 м, 1 дюйм равен 2,54 см.

Лейф Счастливый — норманский мореплаватель, сын Эрика Рыжего — первооткрывателя Гренландии. Лейфу приписывается честь открытия Северо-Восточной Америки. Около 1000 г. он добрался до какой-то части (точно не установлено) побережья между Лабрадором и мысом Код на восточном берегу Северной Америки. Местности, открытые Лейфом, были названы: Хеллуланд (Каменистая страна), Маркланд (Лесистая страна) и Винланд (Виноградная страна). По предположению некоторых историков, это — Лабрадор или Ньюфаундленд, Новая Шотландия и Новая Англия. Несколькоми годами позже, возможно в 1004 г., вновь открытую землю посетил Карлсефни. По мнению других историков, первенство открытия Америки принадлежит исландскому мореплавателю Бьярни, который открыл холмистую страну, покрытую густым лесом, на несколько лет раньше Лейфа, а именно в 987 г.)

Порт на юге Ньюфаундленда. — *Ред.*

14

Барометр 29,9 — дано в дюймах, равно 760 мм ртутного столба.

Ник Картер — сыщик, герой детективной бульварной литературы начала нашего столетия.

Бери-бери — авитаминоз, болезнь, наблюдаемая у питающихся лишенным оболочки рисом, а также при питании преимущественно продуктами из пшеничной муки тонкого помола.

Вордсворт, Уильям (1770–1850) — английский поэт, один из группы реакционных романтиков так называемой «Озерной школы». Кент цитирует первую строку из цикла стихотворений Вордсворта «К Люси» (цитата дана в переводе С. Я. Маршака).

Автор упоминает несколько имен полярных путешественников и названий некоторых судов, тесно связанных с историей исследования высоких широт обоих полушарий, а именно: Пири, Роберт Эдвин (1856–1920) — американский полярный исследователь, поставивший задачей своей жизни открытие Северного полюса. После неоднократных попыток Пири наконец проник в район Северного полюса в 1909 году. Приписываемая ему честь открытия полюса опровергается рядом полярных исследователей. На судне «Эрик» Пири плавал в Гренландию во время одной из своих первых экспедиций. Скотт, Роберт Фалькон (1886–1912) — английский полярный исследователь, военный моряк. В 1901–1904 гг. возглавлял британскую национальную антарктическую экспедицию на судне «Дискавери», совершил санный поход к Южному полюсу, но до цели не дошел. Он смог это сделать лишь в 1912 г. во время другой экспедиции (на судне «Терра Нова»), однако и здесь его ждала неудача: его опередил Амундсен, побывавший на полюсе месяцем раньше. На обратном пути с полюса Скотт и его спутники погибли. (См. Последняя экспедиция Р. Скотта. Дневники, Государственное издательство географической литературы, М., 1955.) Шеклтон, Эрнст Генри (1874–1922) — английский военный моряк, полярный исследователь. Участник первой экспедиции Р. Скотта 1901–1903 гг. на судне «Дискавери». Сопровождал Скотта в первом походе к Южному полюсу. В 1907 г. организовал самостоятельную экспедицию с той же целью, но полюса не достиг. В последние годы своей жизни Шеклтон предпринял еще несколько экспедиций в Антарктику. (См. Э. Шеклтон. В сердце Антарктики, Государственное издательство географической литературы, М., 1957.) Рокуэлл Кент ошибочно называет «Саузерн Кросс» («Южный крест») судном Шеклтона. На этом судне совершил плавание в Антарктиду норвежский натуралист Карстен Борхгревинк в 1900–1901 гг. (См. К. Борхгревинк. У Южного полюса. Год 1900, Государственное издательство географической литературы, М., 1958.)

Топорки, топорики — морские птицы из семейства чистиковых. Распространены на восточном побережье Северной Америки и на северо-востоке Азии. Длина тела около 40 см. Яйца пригодны в пищу.

Игуанодон, игуанодонт — ископаемое пресмыкающееся из группы птицетазовых динозавров. Передвигался на задних конечностях.

«Энн Вероника» — сатирический роман английского писателя Г. Уэллса о суфражистках. Впервые издан в 1909 г. с подзаголовком «Современная любовная история».

(«Фонд Гуггенхейма». Речь идет о мемориальном фонде Гуггенхейма, созданном в 1925 г. американским миллионером — сенатором Симоном Гуггенхеймом и его женой. Цель фонда — оказание материальной помощи деятелям науки и искусства. С тридцатых годов это учреждение стало принимать все более откровенно реакционный характер (в искусстве, например, всячески поддерживая абстрактное и сюрреалистическое течения).

(«Мэйфлауэр» («Майский цветок») — название судна, на котором в 1620 г. прибыли в Америку первые поселенцы из Европы.

Автор, иронизируя над своей «родословной», в гротесковой форме показывает, из каких элементов складывается «духовный баланс» современного американца. Он нарочно смешивает имена выдающихся мыслителей, писателей, исторических личностей, таких, как Гёте, Мелвилл, Линкольн, с именами политических ничтожеств, вроде президентов США Калвина Кулиджа и Уоррена Хардинга, из которых первый прославился своей молчаливостью и приверженностью к интересам крупных монополий, а второй — жульническими махинациями.

Выше в повествовании Р. Кента Ч. Симони, видимо, ошибочно именуется губернатором Готхоба, тогда как он был лишь управляющим колонией. Колониями в Гренландии назывались административные единицы.

Эта легенда, как указывает Рокуэлл Кент, — вольный перевод с немецкого из книги К. Расмуссена «Гренландские саги» (прим. перев.). Расмуссен, Кнуд Йохан Виктор (1879–1933) — датский полярный исследователь, этнограф, основатель станции Туле, по имени которой назывались экспедиции, организованные К. Расмуссеном. Он исследовал северную часть Гренландии и северное побережье Америки. Наиболее плодотворной по сбору научного материала была 5-я экспедиция Туле, во время которой К. Расмуссен прошел на собачьих упряжках от Гудзонова залива до Берингова моря. (См. К. Расмуссен. Великий санный путь, Государственное издательство географической литературы, М., 1958.)

Автор заблуждается, говоря о целях, преследуемых датчанами в Гренландии. В те годы датчане стремились не столько сохранить навеки за гренландцами право свободного пользования своей страной, сколько удержать это право за собой, за датчанами. Политика изоляции была выгодна датским колонизаторам. За последние десятилетия эта политика претерпела серьезные изменения. Сейчас «безответственные иностранцы», и в первую очередь американская военщина, самым бесцеремонным образом вмешиваются в судьбу населения Гренландии.

«Санта-Мария» («Святая Мария») — корабль Колумба в его первой экспедиции (1492–1493). Рокуэлл Кент неточно освещает исторический факт: первым из участников плавания Колумба увидел землю (один из Багамских островов) матрос не «Санта-Марии», а другого судна — «Пинты» — Родриго Триана. Это произошло 12 октября 1492 г.

Эгеде, Ганс — норвежский пастор-миссионер из Бергена. В 1721 г. он с семьей и группой соотечественников переселился в Гренландию, основал поселение вблизи нынешнего Годхавна.

Гуннар — конунг (король), герой древнеисландского героического эпоса.

Фрейхен, Петер (1886–1958) — выдающийся датский ученый, этнограф, полярный исследователь и писатель.

Эта легенда взята Рокуэллом Кентом, как он указывает, из книги «Гренландия», изданной Управлением геологических и географических исследований Гренландии (*прим. перев.*).